А. З. ВИННИКОВ

СЛАВЯНЕ

ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

в раннем средневековье
VIII – начало XI века

А. З. ВИННИКОВ

СЛАВЯНЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (VIII–НАЧАЛО XI ВЕКА)

Издательство
Воронежского университета
1995

ББК 63.4
В48

Спонсоры книги — фирма «Инкортехника» (директор А. П. Фено
финансово-инвестиционная компания «Инвест-траст» (президент А. Е.
вонин).

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. А. Д. Пряхин,

д-р ист. наук, проф. А. Т. Синюк

Винников А. З.

В48 Славяне лесостепного Дона в раннем средневековь
(VIII — начало XI века). — Воронеж: Издательств
Воронежского университета, 1995. — 168 с.

ISBN 5-7455-0853-1

В монографии освещена история одной из восточнославянски
группировок, обитавшей в последних веках I — начале II тысяче
летия на восточной окраине славянского мира, в бассейне лесосте
ного Дона. Дана всесторонняя характеристика культуры этого на
селения. Особое внимание уделено проблеме происхождения, а так
же контактам и связям с алано-болгарским населением северо-за
падной периферии Хазарского каганата. Выделены локальные ва
рианты расселения донских славян, определены их специфически
особенности.

Издание рассчитано на археологов, преподавателей истории
студентов, всех интересующихся отечественной историей.

В $\frac{0504000000-021}{М174(03)-95}$ без объявл. ББК 63.4

ISBN 5-7455-0853-1

© Винников А. З., 1995
© Оформление. Издательство
Воронежского университета, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Изучение ранней истории восточных славян было и остается одной из главных задач отечественной исторической науки. Раскопки поселений большими площадями и в значительном количестве курганов, производившиеся в последние десятилетия, дали богатый материал для освещения культуры восточнославянских племен накануне образования Древнерусского государства и в его ранний период. Выявлены особенности их материальной культуры, изучены общий облик поселений, жилые, хозяйственные и производственные постройки, получен богатейший материал для изучения хозяйственной деятельности славянского населения Восточной Европы.

Но по-прежнему нерешенными остаются вопросы генезиса как отдельных племен, так и в целом восточнославянской группировки, пути и время заселения ряда районов восточноевропейской равнины, характер контактов с соседними народами (финно-уграми, алано-болгарским миром, балтами), особенности материальной и духовной культуры отдельных восточнославянских племен. Как справедливо заметил 25 лет назад П. Н. Третьяков, «...культура восточнославянских, как и западнославянских племен в разных местностях имела локальные особенности. В большинстве случаев, судя по археологическим данным, они были незначительными, отнюдь не затрагивающими основных черт культуры и быта. Их можно назвать «диалектными», не нарушающими общности раннесредневековой славянской культуры в целом. Тем не менее эти особенности представляют значительный интерес» (1, с. 78). Мысль о единстве славянской культуры не потеряла своей значимости, но еще большую актуальность приобрели вопросы, связанные с изучением отдельных групп восточного славянства, ибо решение недостаточно изученных вопросов в целом восточнославянской культуры и социально-политической истории упирается в неразработанность многих проблем истории восточных славян отдельных регионов.

Лесостепное Подонье (бассейн Верхнего и Среднего До-

на) было заселено в последних веках I тысячелетия н. э. одной из восточнославянских группировок. Занимая юго-восточные и восточные окраины славянского мира, донские славяне находились в непосредственном контакте с алано-болгарами — северо-западной периферией Хазарского каганата, первыми встречали набеги различных племен кочевников, вторгавшихся с востока в Восточную Европу, которые столь пагубно отразились в судьбах ряда народов, особенно в приграничной со степью зоне. Кроме того, некоторая оторванность от других восточнославянских племен способствовала в какой-то степени изоляции донских славян и привела к консервации отдельных элементов их культуры (рис. 1) *.

Памятники донских славян известны в литературе как памятники «боршевской», или, как их чаще называют, «роменско-боршевской» культуры. Территория, анализируемая нами, включает на севере р. Красивую Мечу в пределах современных Тульской и Липецкой областей и южные районы лесостепи, где определяется славяно-алано-болгарское пограничье.

Донским славянам, к сожалению, не нашлось места на страницах письменных источников ни древнерусских, ни арабских. Но в то же время некоторые сведения о восточных славянах, встречавшиеся в сочинениях арабских авторов, могут быть привлечены для освещения истории населения Верхнего и Среднего Дона.

Значительный вклад в изучение арабских источников, содержащих сведения о народах Восточной Европы, внесли русский семитолог Д. А. Хвольсон, А. Я. Гаркави (2). Их труды не потеряли своего значения и в наши дни. Большая работа по изучению арабских источников проделана советскими востоковедами. Широко известен как исследователь сочинений арабского путешественника Ибн-Фадлана А. П. Ковалевский (3). Интересны работы по изучению арабских источников Б. Н. Заходера (4). Весьма существенным вкладом является публикация новых переводов А. П. Новосельцева (5). Для изучения донской группы славян наиболее значительными являются сочинения арабских авторов IX—X вв., таких, как Ибн Хордадбех, Ибн Русте, Гардизи и др. Интересный анализ арабских источников проделан Б. А. Рыбаковым (6). Довольно убедительно им доказано, что ряд сведений восточных авторов относится к южному и юго-восточному ареалу восточного славянства (Идриси, Худуд-ал Алем).

* Рисунки помещены на вкладке.

В обоих разобранных им источниках для нас наибольший интерес представляют те разделы, которые в той или иной степени связаны с лесостепным Доном. Это прежде всего сведения о пути из Булгара в Киев, и в связи с этим, о месте данного региона в историко-политической ситуации, которая сложилась на юго-восточных рубежах славянского мира в конце I тысячелетия. Анализ «Худуд ал-Алем» дает возможность, по мнению Б. А. Рыбакова, не только сравнить и сопоставить землю вятичей с другими районами восточнославянского мира, но и более эффективно и углубленно изучить археологический материал с вятических памятников, в том числе и из донского региона.

Но при всей, казалось бы, многочисленности арабских источников по истории народов Восточной Европы, сведения в них кратки, далеко не всегда хронологически определимы, нет их четкой территориальной привязанности, не всегда ясно, на какую группу восточных славян их следует распространять, эти сведения не несут какой-либо самостоятельной информации, не считая вопросов внешнеполитической деятельности Древнерусского государства, практически все они требуют проверки и корреляции с другими источниками.

Безусловно, нельзя игнорировать и такой источник, как «Повесть временных лет» (7), в которой содержатся сведения о различных сторонах истории восточных славян в целом и отдельных его групп. Для нашей темы особенно важны некоторые материалы о вятической группе славян и об отдельных внешнеполитических акциях Древнерусского государства во второй половине X в.

В свете сказанного особый интерес и исключительную значимость приобретают данные археологических исследований памятников донских славян конца I тысячелетия. История археологических раскопок памятников донских славян и историография их изучения довольно подробно изложены в ряде работ А. Н. Москаленко (8; 9). Здесь мы остановимся очень кратко на характеристике основных этапов полевого исследования поселений и могильников эпохи раннего средневековья в бассейне лесостепного Дона, а историографические сюжеты будт рассмотрены в отдельных главах, посвященных конкретным вопросам.

Археологическое исследование памятников (поселений и могильников) донских славян началось в начале XX в., когда воронежскими краеведами, членами Воронежской ученой архивной комиссии, Воронежского губернского статистического комитета, Комиссии по устройству музея были

проведены первые исследования памятников, расположенных на р. Воронеж, — Лысогорского и ряда других могильников. Результаты этих работ получили освещение в литературе (10; 11).

Памятники донских славян не прошли и мимо внимания известного русского археолога А. А. Спицына. Им было осмотрено Большое Боршевское городище на Дону и на примыкающем селище раскопаны две полуземлянки. Кроме того, им было исследовано несколько курганов на Боршевском могильнике (9).

В 20-х гг. сотрудниками Воронежского губернского музея было раскопано несколько славянских курганов: три Д. Д. Леоновым на Лысогорском могильнике и один С. Н. Замятниным на Боршевском могильнике (9, с. 28).

Огромное значение для изучения культуры донских славян и всего восточнославянского мира в последние века I тысячелетия имели раскопки, проведенные на славянских городищах и могильниках в бассейне Дона экспедицией ГАИМК под руководством П. П. Ефименко в 1928—1929 гг. (12). Работы проводились на Дону (Большое и Малое Боршевские городища и могильник) и на р. Воронеж (Кузнецовское городище, городище «Михайловский кордон», Кузнецовский и Лысогорский могильники). Памятники раскапывались не в одинаковой степени, но уже их географическое расположение позволило сделать ряд важных выводов. Это были первые в отечественной археологии исследованные большой площадью славянские поселения. Результаты этих раскопок получили очень широкий резонанс в работах славистов-археологов и историков.

Продолжением работы экспедиции ГАИМК явились исследования, проведенные сотрудниками Воронежского краеведческого музея на Кузнецовском городище в 30-х гг. во время строительства там санатория им. М. Горького (12). Хотя они не носили планомерного характера, а диктовались ходом строительства, тем не менее, материал, полученный во время этих работ, дополнил представления о славянской культуре в лесостепном Подонье.

В послевоенный период были возобновлены археологические исследования слаянских памятников в лесостепном Подонье. Организация этих работ связана с деятельностью археологической экспедиции Воронежского университета, которую в течение многих лет возглавляла А. Н. Москаленко. В конце 40-х гг. был проведен ряд разведок с целью опре-

ления состояния уже известных археологических памятников и выявления новых (9, с. 36).

Начиная с 50-х гг., под руководством А. Н. Москаленко начались систематические раскопки памятников донских славян. Первым из них стало Архангельское городище, где работы велись в 1952—1953 гг. (13); в 1954—1962 гг. раскапывалось городище у хут. Титчиха (14). Причем раскопки Титчихинского городища по своему масштабу явились весьма существенным вкладом в археологическое изучение не только донских, но и вообще славян Восточноевропейской равнины. Оно, наряду с Новотроицким городищем (раскопки И. И. Ляпушкина), остается и по настоящее время наиболее изученным поселением восточных славян последних веков тысячелетия.

В 50 — начале 60-х гг. в лесостепном Подонье работает ряд экспедиций Института археологии АН СССР. И. И. Ляпушкиным в 1950 г. были осмотрены городища, расположенные на р. Дон. П. Д. Либеров в 1957 г. заложил ряд шурфов на Архангельском городище. В. П. Левенок в 1958 г. провел разведку по р. Дон от впадения р. Воронеж в Дон до с. Архангельское (Архангельское городище). В 1960 г. Верхне-Донской экспедицией под руководством В. П. Левенка было обследовано и описано несколько славянских поселений конца I тысячелетия в районе с. Нижний Воргол Елецкого района Липецкой области и городище в г. Липецке (15).

В 60-х гг. археологической экспедицией ВГУ были проведены разведки на Верхнем Дону, по р. Быстрая Сосна, Воронеж, Красивая Меча, Кшень, Снова, где наряду с вновь открытыми памятниками были обследованы и ранее известные. Параллельно с разведками экспедиция ВГУ продолжала и раскопки. В 1961 г. были проведены раскопки на Воргольском городище (16), исследование которого было продолжено в 1964 (17), 1980 и 1981 гг. (18; 19). В 60-х гг. экспедицией ВГУ вновь было обращено внимание на Средний Дон, где исследованы Малое и Большое Боршевские городища (20; 9), Боршевский курганный могильник (21), Архангельское городище (9, с. 49).

Со второй половины 60-х гг. славянский отряд экспедиции ВГУ проводит планомерное исследование славянских поселений и могильников на р. Воронеж (Верхний Дон). Перенесение работ на р. Воронеж было вызвано, во-первых, значительно меньшей степенью изученности этой группы памятников, во-вторых, стало совершенно очевидно, что без изучения славянских поселений и могильников на р. Во-

ронеж, обладающих весьма существенной спецификой, по нять культуру донских славян невозможно. Особое внимани было уделено изучению могильников (22). В 1965 г. А. И Москаленко были раскопаны первые два кургана на Лысг горском могильнике. В последующие годы эти работы был продолжены. В течение ряда полевых сезонов велись работ на I и II Белогорских могильниках, параллельно с изуче нием которых исследовались I и II Белогорские городищ (23; 24). В 1974, 1977 и в 1982—1986 гг. велись больш работы на Животинном городище (25). В 1981 г. раскапі валось поселение Чижовское 5, где выявлены славянски материалы (26). В 80-х гг. ряд пунктов со славянскими м терналами конца I тысячелетия был выявлен в более во точных районах лесостепного Подонья. На р. Битюг, пр исследовании А. Т. Синюком неолитического поселения урочище «Дрониха» обнаружено несколько полуземляночны жилищ со славянской керамикой конца I тысячелетия (27 Одно славянское поселение у с. Васильевка выявлено ра ведкой К. Ю. Ефимова (28). В 1982 г. Г. Е. Афанасьевы у хут. Ендовский на Хопре (Волгоградская область) обна ружено погребение по обряду трупосожжения в славянско горшке (29). В течение нескольких полевых сезонов велис раскопки на древнерусском Семилукском городище, распо ложенном на Дону в 20 км выше впадения р. Воронеж Дон, где имеются и славянские материалы конца I тысяче летия (30).

Таким образом, в настоящее время в бассейне Верхнег и Среднего Дона известно более 80 славянских памятнико последних веков I тысячелетия, на 18 из них велись ста ционарные раскопки. В процессе полевых исследований эти памятников получена большая информативная коллекци различных изделий из металла, кости, глины, камня, изучен значительное число жилых и хозяйственных построек, погре бальных комплексов, дающих возможность для анализа изучения многих сторон материальной и духовной культуры населения данного региона в конце I тысячелетия *.

Исходя из этого, в данной работе поставлены следующи задачи: обобщить весь археологический материал по исто рии донских славян, накопленный почти за 100 лет раскопок осветить материальную культуру, определить основные чер

* Подробная информация о результатах полевых исследований сла вянских памятников в бассейне Дона содержится в приложении к на стоящей работе.

ты погребального ритуала, уточнить и конкретизировать хронологию памятников донских славян; выявить особенности культуры славян отдельных локальных районов в Донском регионе и определить место донской славянской группировки в восточнославянском мире; проследить основные формы контактов, взаимосвязи донских славян и их южных соседей — населения салтово-маяцкой культуры; попытаться решить вопрос о происхождении донской группы памятников, выявить истоки заселения славянами бассейна Верхнего и Среднего Дона и осветить историческую обстановку, сложившуюся в данном регионе в конце I тысячелетия.

Нельзя сказать, что эти вопросы не были в поле зрения П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, А. Н. Москаленко, Н. И. Ляпушкина, Б. А. Рыбакова, С. А. Плетневой, В. В. Седова и других авторов, которые в той или иной степени освещали в своих работах историю и культуру донских славян и их соседей. За последние годы появились новые значительные материалы, которые позволяют многое пересмотреть, уточнить и конкретизировать, а в ряде случаев и убедительно подтвердить новыми источниками сложившиеся взгляды на историю донского славянства.

Автор выражает искреннюю благодарность всем, кто принимал участие в полевых исследованиях славянских памятников в бассейне Дона в составе славянского отряда экспедиции ВГУ, в обработке материалов раскопок, а также тем, кто оказал помощь в подготовке настоящей работы.

---

1. Третьяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки//СА. 1969. № 4.

2. Сказания мусульманских писателей о славянских и русских (с половины VII в. до конца X в. по р. Х.). Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. Спб., 1870.

3. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фаллана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

4. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. 1; М., 1967. Т. 2.

5. Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.//Древнерусское государство и его междунар. значение. М., 1965.

6. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

7. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1.

8. Москаленко А. Н. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона//Славянский сб. Воронеж, 1958. Вып. 1, исторический.

9. Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981.

10. Мартинович А. И. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г.//Тр. ВУАК. 1908. Вып. 4.

11. Мартинович А. И. Хазарское городище в Воронежской губернии//Тр. четырнадцатого археологического съезда в Чернигове в 1909 году. М., 1911. Т. 3.

12. Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

13. Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг.//КСИИМК. 1954. Вып. 62.

14. Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

15. Левенок В. П. Отчет об археологических работах Верхне-Донской экспедиции в 1960 г.//Арх. ИА РАН Р-1. № 2225.

16. Пряхин А. Д. Археологические памятники боршевской культуры на реке Воргол//Вопр. истории славян. Воронеж, 1963. Вып. 1.

17. Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1964 г.//Арх. ИА РАН. Р-1. № 3242.

18. Пряхин А. Д. Отчет о полевых археологических исследованиях кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского госуниверситета, проведенных в 1980 г.//Арх. ИА РАН. Р-1. № 7720.

19. Беседин В. И. Отчет об исследованиях Воргольского и Семилукского городищ в 1981 г.//Там же. № 8436.

20. Пряхин А. Д., Винников А. З. Итоги исследования Малого Боршевского городища на р. Дон//Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980.

21. Винников А. З., Пряхин А. Д. Боршевский курганный могильник на Дону//Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983.

22. Винников А. З. Славянские курганы Лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

23. Винников А. З. Славянское городище на Белой Горе под Воронежем//Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. Вып. 6.

24. Цыбин М. В. Постройки на II Белогорском городище//Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983.

25. Винников А. З. Славянское Животинное городище на р. Воронеже//Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.

26. Беседин В. И. Отчет кафедры археологии и истории древнего мира об обследовании поселения Чижовское 5 у г. Воронежа//Арх. ИА РАН. Р-1. № 8461.

27. Синюк А. Т. Отчет к открытому листу № 584 о раскопках поселения «Дрониха» Таловского района Воронежской области в 1980 г.//Там же. № 8537.

28. Ефимов К. Ю. Отчет об археологической разведке по реке Карачан в Воронежской области//Там же. № 9985.

29. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. О культуре населения Донского Левобережья середины VIII — начала X вв.//Пробл. археологии и этнографии. Л., 1985.

30. Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Древнерусское Семилукское городище XII—XIII вв. на р. Дон (Итоги раскопок 1984—1986 гг.)//Археология славянского юго-востока. Воронеж, 1991.

Глава I

ПОСЕЛЕНИЯ ДОНСКИХ СЛАВЯН

Поселения донских славян представлены двумя группами: неукрепленные — селища и укрепленные — городища (рис. 2). Селища далеко не однородны по своему топографическому расположению. Одни из них, непосредственно примыкая к городищам, располагаются на плато за пределами укрепленной мысовой части. Такие селища имеются у Большого и Малого Боршевских городищ. Вероятно, и селище, примыкающее к первой линии укреплений Титчихинского городища, можно также отнести к этому типу. Вряд ли имеет смысл рассматривать эти селища как самостоятельные памятники, так как они по культурным признакам, безусловно, связаны с городищами (1, с. 77).

Селища второго типа обнаружены также на мысах, но не связаны с укрепленными городищами. Известно два таких селища на р. Воронеж: одно из них Лысогорское, на месте которого были позднее насыпаны славянские курганы; второе — Чижовское 5. Более подробно об этих поселениях речь пойдет ниже, сейчас отметим лишь, что оба они оставлены наиболее ранними славянскими поселенцами в бассейне Дона.

Селища третьего типа расположены на невысоких мысовых террасах или пойменных дюнах. Открыты они почти исключительно на Верхнем Дону, выше впадения р. Воронеж, в районе, хорошо защищенном городищами, или в непосредственной близости городищ-убежищ, какими, вероятно, являлись Воргольское и Семилукское городища. К этому же типу селищ можно отнести поселение в урочище «Дрониха», расположенное на южной части надпойменной террасы левого берега р. Битюг.

Второй группой поселений донских славян, которые на протяжении многих лет привлекают внимание исследователей, являются укрепленные поселения, расположенные на высоких мысах, — городища.

Общей чертой всех этих поселений является: 1) расположение их в максимально удобных, с точки зрения хозяйственной целесообразности, местах; 2) использование и совершенствование для организации обороны всех возможностей территории, занимаемой поселением: естественные крутые склоны мысов, усиление их крутизны за счет искусственной подрезки, встречаемой почти на всех городищах; 3) строительство искусственных оборонительных сооружений в местах, наиболее уязвимых и легко доступных для противника; 4) использование деревянных конструкций при строительстве оборонительных укреплений; 5) так как многие славянские укрепленные поселения возникали на месте поселений эпохи раннего железного века, то славяне свои укрепления строили с учетом имеющихся оборонительных сооружений предшествующего времени.

§ 1. Оборонительные сооружения

Деревянные оборонительные конструкции, обнаруженные на поселениях донских славян, представлены двумя типами. Первый — деревянные стены, поставленные или на специально подготовленную небольшую подсыпку, или на вал предшествующего времени, идущие от одного склона мыса к другому, с внутренней стороны поддерживались короткими перпендикулярными стенками, соединенными с нею рубкой в обло, с наружной — присыпались землей примерно на ту высоту, которая сохранялась в насыпи вала. На некотором расстоянии от стены выкапывался ров, почва из которого и шла на присыпку стены. Таким образом, эти укрепления представляли собой фактически трехстенные срубы, возможно, даже перекрытые сверху деревом, но данных для этого нет.

Городища с укреплениями первого типа неоднократно и довольно подробно описывались в литературе и здесь нет смысла все повторять. Отметим лишь, что примером такой конструкции могут служить укрепления Малого Боршевского городища (2, с. 135), близкие по характеру укреплениям, выявленным на I Белогорском городище (3), подобные укрепления известны на Архангельском (1, с. 68—71) и Вортольском городищах (1, с. 63—66).

Второй тип деревянных оборонительных конструкций — четырехстенные срубы, забитые землей, обнаружены на хорошо известном Титчихинском городище, оборонительные ук-

репления которого неоднократно описывались в литературе (1).

Интересные оборонительные сооружения были выявлены на городище «Михайловский кордон». Городище «Михайловский кордон» (пос. Рыбачий) расположено на большом мысу правого берега р. Воронеж (Воронежское водохранилище), в 1,5 км вверх по течению реки от санатория им. М. Горького (северная окраина г. Воронежа) (рис. 3). Размеры мыса 300×300 м. Высота мыса 35—40 м. Городище имеет две линии укреплений в виде валов и рвов. Первая (внутренняя) отстоит от склона со стороны реки на расстоянии около 120—180 м. Вал сильно оплыл, заполнив ров, и местами плохо прослеживается. Его высота 0,5—1,2 м, ширина 5—12 м, глубина рва 0,6—1 м при ширине до 6 м. На расстоянии 75 м от южного склона прослеживается въезд шириной 2—4 м. Вторая (внешняя) линия укреплений сохранилась значительно лучше. Она отстоит от первой на расстоянии 170—190 м. Высота вала 1,2—1,8 м при ширине основания 7—10 м, глубина рва 0,7—1,5 м, ширина его 5—8 м. Почти в центре этой линии укреплений хорошо прослеживается въезд. Площадь городища поросла лесом. На его территории прослежено более 600 западин — следы полуземляночных построек и многочисленные поздние перекопы. В центре вала внешней линии укреплений находились деревянные срубы, ширина которых 2 м, длина вдоль вала 2,2—2,5 м (рис. 4). В отдельных местах срубы сохранились на высоту до четырех венцов — около 0,5—0,6 м. На расстоянии 6,5 м от линии срубов с внешней стороны расчищен ров, ширина которого в материковом песке 3—4 м, глубина — 0,5—1 м. Трудно представить, что он выполнял какую-либо оборонительную функцию. Совершенно очевидно, что в песке невозможно выкопать ров на глубину и ширину, необходимую для обороны. С внутренней стороны оборонительных срубов на расстоянии около 2 м выявлено деревянное наземное сооружение, очень плохо сохранившееся. Его размеры — ширина около 3 м, длина вдоль вала — не ясна. На полу постройки в углу выявлены остатки печи-каменки. Вряд ли эта постройка является стационарным жилым помещением. Ее месторасположение свидетельствует о другом. По всей видимости, она вполне сопоставима с клетями, примыкающими к линии срубов на Титчихинском городище, которые сохранились несколько лучше, но не имели отопительных сооружений.

Исследовалась также и внутренняя линия укреплений.

Раскопки показали, что она была сооружена также с исполь-зованием деревянных конструкций, от которых сохранили-лишь многочисленные угольки во всей толщи насыпи вал. Ров здесь несколько больший, глубина его 0,8—1 м. Вероя-но, эта линия укреплений является более ранней и по мер-роста поселка она потеряла свое значение.

Городища, которые со всех сторон, в том числе и со ст-роны плато, имеют естественные препятствия, отнесенны-А. Н. Москаленко к городищам «островного» типа, такж-укреплены с учетом всех имеющихся топографических во-можностей. Укрепления исследовались на двух памятника-этого типа. Большое Боршевское городище расположено-мысу, который отделяется от плато глубокой и широкой се-ловиной. Заложенный в восточной части седловины раск-выявил три рва, которые призваны были укрепить данн-поселение. Но размеры рвов: глубина 0,6—1,1 м, даже пр-ширине до 5 м, не могли быть сколько-нибудь серьезны-препятствием для противника. Вероятно, все-таки и зде-стояли какие-то деревянные конструкции, впоследствии сг-ревшие, так как в заполнении рвов и между ними хоро-прослеживались угольные прослойки, которые могли обр-зоваться после сожжения деревянных конструкций.

Вторым поселением, которое можно отнести, хотя и н-сколько условно, к островному типу и где раскапывали-укрепления, является Животинное городище (рис. 5).

Животинное городище расположено на мысу правого б-рега р. Воронеж, в 3,5 км от с. Староживотинное Рамонск-района Воронежской области. Мыс, который занят горо-щем, довольно узкий и длинной осью ориентирован по ли-север — юг. Высота его 30—40 м. Размеры площадки, з-нятой городищем, — 30—120 м ширина и 520—540 м дли-Длина самого мыса значительно больше. Склоны его к-тые, особенно восточный, обращенный в сторону р. Ворон-С западной стороны была сделана искусственная подрез-Городище имеет три линии укреплений: первая отстоит-оконечности мыса на расстояние 240 м и отсекает ча-мыса в самом узком месте. Эта линия укреплений предст-ляет собой глубокую (2—4 м) естественную седловину, ш-рина которой по верху составляет 10—12 м. Вал очень р-плывчатый, высота около 1—1,5 м, ширина 6—18 м. Дл-этой линии укреплений 80 м. Вторая линия укреплений-стоит от первой на расстояние 70—80 м. Она представл-валом и рвом. Высота вала 1,5—2 м, ширина его у ос-вания 6—10 м, глубина рва — 1—1,6 м, ширина по верху

4—6 м. Длина этой линии укреплений 40 м. Третья линия отстоит от второй на 160—170 м. Здесь имеется вал и ров. Ширина рва по верху 2—4 м, глубина 1—1,5 м. Ширина вала у основания 4—6 м, высота 1—1,5 м. Длина этой линии укреплений около 140 м. С севера, т. е. со стороны стрелки мыса, где имеется довольно пологий склон в сторону поймы, площадка городища отсекается рвом и валом.

Раскопкам подверглась первая линия укреплений: вал и седловина-ров (рис. 6*а*). В месте раскопа высота вала достигала 1,5 м, а ширина его подошвы около 15 м, глубина седловины 3—4 м. Внутренний склон более крутой, нежели внешний. На данном мысу было поселение в период раннего железного века и седловина была использована для сооружения его укреплений. В то время перед седловиной с внутренней стороны были поставлены три деревянные стены, от которых в материке остались канавки. Укрепления эпохи раннего железного века выделяются и в стратиграфии вала. Слой над канавками высотой 0,5—0,6 м представляет собой золистую почву серого цвета, перекрытую сверху по всей площади глиной вверху кирпичного, а ниже — желто-белого цвета. Толщина слоя глины 0,15—0,35 м, глина покрывает частично и внешний склон седловины. Если под глиняной площадкой в золистом слое встречена исключительно только керамика раннего железного века, то выше ее в основном керамика славянская — конца I тысячелетия. Таким образом, на основании анализа данных раскопок этой линии укреплений вырисовывается следующая картина. В эпоху раннего железного века поселение было укреплено деревянными стенами, а седловина использовалась в качестве рва без какой-либо дополнительной подработки. Славяне, заселив этот мыс, значительно углубили седловину (примерно на 2 м), подчистили внутренний ее склон, сделав его более крутым и труднодоступным. Глиной из рва и подчистки седловины перекрыли укрепления периода раннего железного века. Сверху это глиняное перекрытие было слегка обожжено. Вал стал выше, седловина-ров глубже, и общая высота укреплений в настоящее время достигает (от дна рва до вершины вала) 8—8,5 м. В том, что дополнительная подработка седловины (рва) осуществлялась в славянский период, убеждает тот факт, что в заполнении рва, включая и его низ, встречена керамика и другие находки (наконечник стрелы) только конца I тысячелетия. На дне рва, у основания внутреннего склона, была расчищена канавка глубиной 0,25 м, шириной до 1 м. Вероятно, сюда ставились какие-то

дополнительные деревянные надолбы, укрепляющие внутренний склон рва. Поверх укреплений (вала) раннего железного века, ближе к его внутреннему краю были поставлены деревянные срубы, заполненные землей (культурным слоем), которые особенно четко видны в профилях раскопа. Длину срубов вдоль вала трудно определить, а ширина их хорошо определяется по профилям — около 5,5 м. Основание срубов выложено почти по всей площади камнями, много их встречено и в заполнении. К сожалению, никаких остатков дерева не прослежено. В заполнении исследованной части сруба обнаружено значительное количество славянской лепной керамики, несколько обломков железных поделок, глиняное пряслице.

При описании Животинного городища обращалось внимание на наличие искусственных укреплений в виде вала и рва со стороны северной оконечности стрелки мыса, где имеется довольно пологий спуск. Наличие здесь укреплений не характерно для славянских памятников второй половины I тысячелетия, и предполагалось, что эта линия укреплений связана с поселком эпохи раннего железного века. Но раскопки опровергли это мнение (рис. 6б). С этой стороны славянский поселок также был надежно укреплен. Склон мыса подтесан на ширину около 5,5 м и на высоту 2,8 м. Эта отвесная материковая стена укреплена от оползания грунта деревянной стеной, остатки которой прослежены. Возможно, это был плетень. Перед этой площадкой выкопан небольшой ров глубиной 0,5 м, шириной 1,2—1,5 м. Конечно, с точки зрения обороны, он не имел какого-либо практического смысла. Даже трудно сказать что-либо о его назначении. Выше, на ровной площадке насыпан вначале небольшой вал-платформа из глины и чернозема, куда была поставлена деревянная стенка, остатки которой в виде небольших угольных скоплений прослежены в засыпке вала. С внешней стороны, т. е. со стороны склона, деревянная стена была укреплена земляной подсыпкой — откосом. Во время разрушения стены земляной откос вместе со стеной падали вниз, поэтому искусственная подрезка в настоящее время в этом месте до раскопок не прослеживалась. С внутренней стороны к линии укреплений примыкали полуземляночные постройки. Остатки одной из них частично вскрыты. В материк постройка углублена на 0,25—0,4 м. Примерные ее размеры 4,5×4 м. В юго-восточной части на материковом основании располагалась печь-каменка. Вдоль северо-западной стены, которая выявлена почти по всей длине, расчищено несколько столбовых ям,

Находок в постройке, кроме нескольких костей животных, славянской керамики и куска смолы, никаких не обнаружено. Данная постройка, безусловно, связана с укреплениями. Трудно сказать, располагались ли аналогичные постройки вдоль всего вала. Западины не прослеживаются, так же, как и от рассмотренной выше, они могли заплыть землей в процессе разрушения укреплений.

Заканчивая рассмотрение оборонительных конструкций славянских городищ бассейна Дона, необходимо еще раз подчеркнуть два обстоятельства: 1. Максимальное использование естественных условий, на которых строилось поселение; 2. Сооружение во всех случаях деревянных оборонительных конструкций.

А. Н. Москаленко подчеркивала в ряде своих работ, что использование деревянных оборонительных конструкций не является какой-то спецификой поселений донских славян. Действительно, аналогичные конструкции встречены на многих славянских памятниках второй половины I тысячелетия. К сожалению, далеко не на всех раскапывавшихся славянских поселениях исследуются укрепления. В этом отношении интересные работы проведены Б. А. Тимошуком на городищах VIII—X вв. культуры Луки-Райковецкой в Западной Буковине (4; 5). Для большинства городищ VIII—IX вв., которые, по его мнению, являлись общинными центрами, характерны сооружения в виде стен, с внешней стороны укрепленных насыпными откосами, а с внутренней — срубами-опорами (первый тип). Устройство этих стен различно: 1. Стена из горизонтально положенных бревен, закрепленных столбами-стояками; 2. Частокол, укрепленный в специально выкопанной траншее; 3. Стена из горизонтально положенных бревен, закрепленных в столбах-стояках, а на отдельных участках имеются срубы-опоры. На памятниках донских славян встречены укрепления первого и третьего вариантов. Как считает Б. А. Тимошук, оборонительная линия типа «столпие» является примером наиболее древнего применения срубных конструкций в оборонительном зодчестве восточных славян.

На Дону встречены деревянные оборонительные конструкции, выделенные Б. А. Тимошуком во второй тип. Они представляют собой сплошные ряды оборонительных срубов, заполненных землей, установленных на земляном валу, к которым с внутренней стороны примыкает еще одна линия жилищно-хозяйственных срубов. Именно такая оборонительная система, только еще усиленная впереди стоящим часто-

колом, обнаружена на Титчихинском городище. Близки по конструкции укрепления городища «Михайловский кордон». А. Н. Москаленко аналогии укреплениям Титчихинского городища находила в оборонительных конструкциях ряда древнерусских городов (Переяславля, Киева, Белгорода и др.). Б. А. Тимощук также считает, что укрепления, аналогичные титчихинским, встречаются на Буковине на тех памятниках, которые можно связывать с княжескими крепостями. Таким образом, различные типы деревянных оборонительных сооружений, вероятно, соответствуют различным статусам того или иного поселения.

§ 2. Жилые постройки

Практически на каждом славянском поселении в бассейне Дона, где велись полевые исследования, изучались и жилые постройки. В литературе описанию и интерпретации жилищ донских славян уделено немало места. Уже первые значительные раскопки славянских памятников в бассейне Дона, проведенные в 20—30-х гг., поставили перед исследователями ряд принципиально важных вопросов, касающихся характера жилых построек донских славян. Среди них был вопрос о расположении жилищ относительно друг друга, т. е. о том, соединяются ли отдельные постройки друг с другом или же они представляют собой совершенно самостоятельные дома. Речь шла не просто о характере жилых построек, а об уровне общественного строя донских славян, для характеристики которого привлекаются и жилые постройки. Авторы первых публикационных статей и обобщающих работ отстаивали тезис о наличии у донских славян соединяющихся между собой жилищ (6, с. 18—20). Потребовались определенные усилия и, прежде всего, И. И. Ляпушкина (7, с. 13) и А. Н. Москаленко (1, с. 94—96), чтобы опровергнуть данный тезис и доказать, что для восточных славян, в том числе и донских, характерны однокамерные постройки. Там, где раскопками выявляется ряд построек, примыкающих друг к другу или накладывающихся котлованами друг на друга, речь должна идти об их разновременности и о наличии определенной стратиграфии и планиграфии строительных комплексов на данном памятнике, что и продемонстрировано в ряде работ Б. А. Тимощука и И. П. Русановой (8, с. 23—45).

Многие вопросы, касающиеся жилищ донских славян, получили освещение и в литературе, посвященной донским славянам, и в общих работах о восточнославянских племенах,

и в специальных исследованиях о древнерусских жилищах (9, с. 117—121). Но в этих работах речь идет о жилищах лишь поселений, расположенных на Среднем Дону: Титчихинском, Большом Боршевском и отчасти Малом Боршевском городищах.

Исследования на поселениях по р. Воронеж — I Белогорском городище и особенно на Животинном, где раскопано более 40 жилых построек, не только дополняют уже имеющиеся представления о домостроительстве донских славян, но и вносят некоторые коррективы в этот вопрос.

А. Н. Москаленко, характеризуя жилища Титчихинского городища, отметила, что их остатки прослеживаются в виде так называемых «западин» на современной дневной поверхности (10, с. 37). Западины остались от всех жилищ, кроме тех, которые были заброшены во время существования славянского поселка на месте Титчихинского городища (таких было не более двух-трех). Эти наблюдения А. Н. Москаленко подтверждены исследованием Животинного городища, где далеко не все полуземляночные жилища прослеживаются в виде западин, и многие из них заплыли настолько, что совершенно не заметны на современной дневной поверхности и причиной тому является более раннее прекращение их функционирования.

Подавляющее большинство котлованов имеют квадратную или приближающуюся к квадрату форму. Нередко форма котлованов зависит от характера материка, в котором он выкапывался. В твердом грунте (мел), как например, на Титчихинском, Большом и Малом Боршевских городищах, он имеет более правильную и четкую форму, а выкопанный в более рыхлом материке (глина, супесь, песок), он имеет более расплывчатые очертания. В твердом материке стены котлованов почти отвесные, в мягком — они, как правило, опускаются к полу под углом.

То, что материковые стены славянских землянок облицовывались деревом, в настоящее время не вызывает сомнений у исследователей. Имеются некоторые споры о характере наземной части жилищ. О способе облицовки материковых стен судят на основании системы столбовых ям в материковом полу котлована и их форм (круглые, прямоугольные или овально-удлиненные), по расположению печи (примыкает к материковой стене или отступает от нее). Одним из главных показателей характера деревянных конструкций в славянских жилищах являются их остатки в котлованах, которые, к сожалению, прослежены далеко не везде. Если на Титчихин-

ском городище остатки дерева можно проследить почти в всех жилищах, то на Животинном городище ни в одном ко ловане их нет, не считая встреченных в ряде случаев незна чительных кусков обожженного дерева.

На основании многочисленных раскопанных поселени сложилось мнение, что в восточнославянских полуземляноч ных жилищах VIII—X вв. представлены два типа деревян ных конструкций: срубная и столбовая. П. А. Раппопорт от метил, что к западу от Днепра сохранялись традиции срубно конструкции, а к востоку — полностью господствует стол бовая конструкция стен (9, с. 119—120). Следует сразу от метить, что данный тезис не всегда подтверждается конкрет ными данными. Как показала А. Н. Москаленко, и на Дон имеются жилища со срубной конструкцией (1, с. 80), и, суд по работам Б. А. Тимощука, к западу от Днепра в ряд районов полностью господствуют постройки со столбово конструкцией (4, с. 51—56). Но необходимо отметить, чт для более локальных районов, вероятно, характерен опре деленный конкретный тип построек, который на протяжени времени может претерпевать и некоторые изменения.

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, а также А. Н. Мос каленко довольно подробно описали деревянные конструкци в жилищах славянских поселений Среднего Дона. Для ни характерны как столбовые, так и срубные конструкции, при чем на Титчихинском городище и те и другие встречен примерно в одинаковом количестве (10, с. 42—44). Для Тит чихинского городища А. Н. Москаленко отмечает еще один тип облицовки — срубно-столбовую. В этом случае сооружал ся сруб, а в пространство между срубом и материковой сте ной ставили столбы-опоры для крыши, которые держались за счет забутовки между срубом и материковой стеной. Та кая конструкция ничем не отличается от обычной срубной не случайно в обобщающей работе о донских славянах этот тип конструкции А. Н. Москаленко не выделяет.

Таким образом, на славянских поселениях Среднего Дона выделяются два типа полуземляночного жилища: с каркасно-столбовой облицовкой стен и срубной. Необходимо отметить, что не на всех памятниках они распределяются равномерно: на Титчихинском городище каркасно-столбовых построек 25 (53%), срубных — 21 (47%); на Большом Боршевском соответственно 12 (93%) и 1 (7%); на Малом Боршевском — 4 (50%) и 4 (50%).

Не останавливаясь на хронологических аспектах жилищ срубной и каркасно-столбовой конструкции (об этом речь

дойдет ниже), отметим, что каких-либо других существенных различий в конструкции построек этих двух типов не прослежено. Можно лишь отметить, что котлованы полуземлянок каркасно-столбовой конструкции площадью более 20 кв. м составляют 44%, а площадью 10—20 кв. м — 52%, в постройках срубной конструкции котлованы площадью более 20 кв. м составляют лишь 10%, а площадью 10—20 кв. м — 85%. Жилищ срубной конструкции площадью 16—20 кв. м в два раза больше, чем каркасно-столбовых. На Малом Боршевском городище почти все срубные жилища имеют площадь менее 16 кв. м. Таким образом, явно прослеживается тенденция к несколько меньшим площадям построек срубного характера в сравнении с каркасно-столбовыми.

Какой-либо закономерности в глубине котлованов срубных и каркасно-столбовых построек не устанавливается. Котлованы очень многих построек, как срубной, так и каркасно-столбовой конструкции, имеют различную глубину у разных стен, и связано это со стремлением придать полу построек строго горизонтальный характер. Особенно хорошо это прослеживается на жилищах Большого Боршевского городища, где они почти все с одной из сторон имеют глубину более 1 м, а с другой — значительно меньшую. Такая разница глубин объясняется расположением жилищ на склонах. Но вместе с тем все-таки наблюдается определенная тенденция к меньшей заглубленности срубных построек. Особенно это хорошо видно на Малом Боршевском городище.

Значительное внимание А. Н. Москаленко акцентирует на материале, из которого изготовлены печи, и выделяет на Титчихинском городище четыре типа печей: из камня; из глины; из камня и глины; печи, при сложении которых использован материковый останец. На Большом Боршевском городище к этим типам добавлен еще один — печи, сооруженные полностью на материковом останце. Анализ материалов раскопок (публикации, полевой документации, отчетов) дает возможность сделать вывод, что практически во всех жилищах на поселениях Среднего Дона встречено лишь два типа печей: только из камня (печи-каменки) и из камня и глины. Только из глины печей здесь нет. При этом нужно отметить, что преобладают печи из мелкого камня с глиной. На Титчихинском городище эти печи составляют 75%, каменки — 25%. Лишь в двух (постройки 21, 25) частично использован меловой материк.

Таким образом, наблюдается определенное единство в сооружении отопительных устройств на Титчихинском горо-

дище. При этом имеется некоторое различие в характер использования камня и глины при строительстве печей. В о них случаях на меловом материковом полу сооружало глиняное основание подковообразной формы, а выше на страивалась печь из камня или глины и камня; в других, б лее частых, печь сооружалась прямо на материковом полу иногда сооружался небольшой подковообразный каркас и глины с мелкими камнями, а затем печь достраивалась и камня; в ряде случаев на материковом полу сооружалас глиняная площадка, на которой строилась печь из глин с камнем; есть еще несколько вариантов использования ка ня и глины при сооружении печей в жилищах Титчихинско городища.

В устройстве печей нет никаких различий между постро ками срубной и каркасно-столбовой конструкции. Процен ное соотношение разных типов печей в жилищах различно конструкции примерно одинаково.

Совершенно очевидно, что отопительные сооружения у на селения Титчихинского городища — это довольно стабил ный этнографический признак и имеющиеся некоторые кон структивные различия отражают лишь определенные семей ные традиции и навыки или способ использования услови местности и наличия того или иного матерала «под рукой»

Это в полной мере относится к Большому и Малому Бор шевским городищам. На Большом Боршевском наблюдаетс стабильность не только в отопительных сооружениях (преоб ладают, как и на Титчихинском, печи-каменки и печи и камня и глины), но и в конструктивном единообразии. Но и на этом поселении имеются некоторые отклонения от «стан дартных» печей. В полуземлянке 12 при сооружении печи каменки был частично использован меловой останец, такук же картину можно проследить в постройке 19.

Лишь постройка 9 отличается от всех остальных. Здесь, как пишут П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, очажно углубление (под) «...было окружено тремя меловыми стен ками высотой до 40 см» (6, с. 67). Трудно представить печь из чистого мела, который от огня подвергается быстрому разрушению. Вероятно, все-таки, при функционировании этой печи в ее конструкции был и камень.

На Малом Боршевском городище, где имеются постройки каркасно-столбовые и срубные в одинаковом количестве встречены печи-каменки и из камня с глиной. Правда, здесь в срубных постройках были только печи-каменки.

Говоря о внутренней планировке жилищ, А. Н. Моска-

ленко отмечает, что в большинстве жилищ донских славян печи находились в северной половине — 55%, в южной — 29, в западном или восточном углах — 16%. Как показывает анализ материала, такого рода обобщения несколько скрашивают индивидуальные особенности отдельных памятников и не во всем отражают реальную картину. На Титчихинском городище фактически печи, расположенные в северной половине дома (северный, северо-восточный и северо-западный углы), насчитывают 40%, а в южной (южный, юго-восточный и юго-западный углы) — 31%. В восточном и западном углах — 29%. Как видим, разница весьма незначительна. На Большом Боршевском соответственно: в северной половине печи располагались в 66,4% жилищ и южной — 33,6%. На Малом Боршевском: в северной половине — 37,5%, в южной — 37,5, в восточном и западном углах — 25%. Расположение печей, при наличии определенных тенденций, также было, вероятно, очень индивидуально и связано не только с какими-то традициями, но и с расположением жилища на местности, с его планировкой. В тех постройках, которые ориентированы углами по сторонам света, предпочтение в сооружении печи отдавалось или северному (чаще), или южному углу. Это хорошо видно на Титчихинском и на Малом Боршевском городищах. В тех постройках, которые имеют иную планировку, картина несколько иная. На Титчихинском городище, например, из 16 жилищ каркасно-столбовой конструкции в одном печь располагалась в северной половине дома (северо-восточный угол), а в остальных — в южной; из пяти жилищ срубной конструкции в трех печи были размещены в северной половине дома, в двух — в южной, т. е. совершено очевидно, что здесь нет какой-либо стабильности, хотя имеются некоторые отличия между срубными и каркасно-столбовыми постройками. Для каких-либо определенных выводов мало материала, но, вероятно, и здесь проявилась определенная индивидуальность отдельных семей. На Большом Боршевском городище, где преобладает каркасно-столбовая конструкция при почти полном господстве жилищ с ориентировкой стен по сторонам света, печи в большинстве жилищ располагаются в северной половине дома.

Но независимо ни от типа деревянной конструкции, ни от места расположения печи и материала, из которого она сооружена, во всех жилищах, где есть возможность проследить расположение печи, ориентацию ее устья и входа, сохраняется очень четкая их взаимозависимость, которая выражается,

во-первых, в правостороннем расположении печи относительно входа, во-вторых, устье печи четко ориентировано на вход.

Этнографы, изучающие восточнославянские жилища, большое место уделяют внутренней планировке дома, особенно соотношению печи и входа (11, с. 138). Среди выделенных ими четырех типов внутренней планировки жилого дома, наиболее архаичным, по мнению П. А. Раппопорта, является так называемый «восточный южнорусский», в котором печь находится в дальнем от входа углу и обращена устьем в сторону входа, причем он обращает внимание на правостороннее расположение печи относительно входа. Он пишет, что на славянских памятниках VI—VIII вв. и особенно VIII—X вв. такое расположение печи является господствующим и лишь в самом конце X в. происходят некоторые изменения (9, с. 139). Вся внутренняя планировка дома: расположение печи, входа, стола, лавок, по мнению этнографов, не только имеет чисто практическое значение, но и является отражением видения человеком мира, его представлений о своем месте в окружающем пространстве, т. е. несет определенную религиозно-мифологическую нагрузку, и этим можно объяснить определенную устойчивость ряда элементов устройства славянского жилища (12).

Для жилищ среднедонских памятников можно отметить и ряд других характерных черт, кроме отмеченных выше: материковый пол, без следов какой-либо подмазки или дерева; во многих постройках хорошо прослеживается забутовка между материковой стенкой и деревянной конструкцией; отсутствие следов обмазки стен; наличие в ряде жилищ Большого Боршевского городища рядом с печами узких и длинных выемок («окон») для выхода дыма; наличие входа в виде лестницы против устья печи; отсутствие хозяйственных ям внутри построек; использование глины в качестве покрытия крыши.

Исследование Животинного городища позволило несколько дополнить представления о жилищах донских славян вообще и воронежской группы памятников в частности. Здесь исследовано 47 жилищ полуземляночного типа (рис. 7—10).

Прежде всего необходимо отметить, что на Животинном городище встречены жилые постройки каркасно-столбовой (86%) и срубной (14%) конструкций. Все жилища со срубной конструкцией имеют площадь 10—16 кв. м, в то время как каркасно-столбовые постройки с такой площадью составляют чуть более половины — 55%, а 15% жилищ этой группы имеют площадь более 20 кв. м. Если котлованы на Жи-

вотинном городище выкапывались в глинистом материке на глубину не более 0,7 м (как в постройках срубной конструкции), их контуры имеют четкие очертания и правильную, чаще всего почти квадратную форму. Но в тех котлованах, глубина которых доходила до 1 м и более (каркасно-столбовые постройки) и которые частично выкапывались в песчаном материке, жилища в плане были несколько неправильной формы и стены к полу спускались под углом. Большинство жилищ (около 60%) углами ориентировано по линии С—Ю, З—В, а около 40% — по линии СВ—ЮЗ и СЗ—ЮВ. В тех котлованах, где глубина не более 0,5 м, пол, как правило, глиняно-материковый, но там, где она доходит до 1 м и больше, материковый пол — песок, и его покрывали глиной или деревом. В постройке 31 материковый глиняный пол частично обожжен. В некоторых постройках он был комбинированный: частично деревянный, частично глиняный. Многие котлованы построек имеют различную глубину материкового основания с целью придания строгой горизонтальности полу. У жилищ, сооруженных на склоне, одна из стен со стороны склона сходит на нет, и такие жилища представляют собой комбинации полуземляночного и наземного типа. Во многих жилищах имеются хозяйственные ямы. В ряде случаев хозяйственные ямы, находясь за пределами котлованов, вплотную к ним примыкали, как бы являясь продолжением жилищ. Уровень пола хозяйственных ям и жилищ в таких случаях был одинаков (рис. 8).

Интересны отопительные сооружения в жилищах Животинного городища. Их можно разделить на три типа. Около 60% печей сооружено на глиняном материковом останце. Ряд печей сделан на специально сооруженном глиняном основании. Подавляющее большинство (около 54%) выложено из камня с глиной, где глина служила как бы связующим материалом (первый тип). Вторым типом печей являются каменки (24% жилищ). В ряде построек печь-каменка сооружена непосредственно на материковом полу. Под некоторыми из них имеются углубления (8—10 см) диаметром 0,5—0,7 м, сильно прокаленные, иногда подмазанные глиной, свидетельствующие о том, что на данном месте существовала более ранняя печь-каменка, возможно, меньших размеров, а это углубление является ее подом. Почти во всех случаях в этих углублениях находили стенки славянских сосудов. В одной из построек (24) печь-каменка, сооруженная на материковом полу, была сверху перекрыта глинобитной печью. Некоторые печи сложены из шлака, в некоторых жи-

лищах имеются предпечные ямы. Они, как правило, неглубокие (до 0,25 м). В постройке 10 встречена абсолютно целая круглая глиняная печь с отверстием в центре, сделанная из материкового останца (третий тип). Подобные печи на других славянских памятниках в бассейне Дона не были ранее известны. Еще в одной постройке (33) печь сделана из глиняного материкового останца. Она имеет подковообразную форму, верх ее разрушен, возможно, он был из камня.

В ряде построек, кроме основной печи, сооруженной из камня и глины, имелись и открытые очаги, расположенные на значительном расстоянии от печей. Ни в одном из жилищ не было только открытого очага, как не было их и на других славянских памятниках в бассейне Дона. В некоторых постройках в районе печей имеются небольшие выемки в материковой стене. Возможно, это своеобразные дымоходы.

В жилищах Животинного городища печи не имеют своего постоянного места. В постройках, которые ориентированы углами по сторонам света, в северном углу печь располагалась в 37%, в южном — также в 37, в восточном — 21,8, в западном — 4,2% жилищ, т. е. здесь нет какого-либо преимущественного места в расположении отопительного сооружения. Некоторое предпочтение в расположении печей в северной половине прослеживается в тех жилищах, которые углами ориентированы не по сторонам света, — 59%. В целом, рассматривая жилые постройки Животинного городища, можно отметить, что в северной части дома печи располагались в 43% жилищ, в южной — 38, в восточной — 12 и в западной — 2,4% (одно жилище). В этом отношении Животинное городище мало чем отличается от других славянских поселений в бассейне Дона.

В ряде построек Животинного городища отчетливо прослежены некоторые детали устройства крыши. Сверху деревянная кровля перекрывалась землей, которая покрывалась глиной, нередко слабо обожженной.

Заканчивая описание жилых построек Животинного городища, можно отметить ряд общих черт в жилищах донских славян в целом. 1. Все жилища представляют однокамерные, стоящие отдельно постройки квадратной, реже прямоугольной формы. 2. Жилища, функционировавшие до конца существования поселения, прослеживаются на поверхности в виде так называемых западин. 3. Котлованы всех построек имели деревянные облицовки материковых стен каркасно-столбовой и срубной конструкции. 4. Все жилища имели печи, располо-

гавшиеся в одном из углов, большинство из которых сложены из глины и камня.

Но в то же время намечаются и некоторые различия в жилищах двух районов лесостепного Дона: Средний Дон (городища Титчиха, Большое и Малое Боршевские) и Верхний Дон (р. Воронеж) (городище Животинное и др.): 1. Если на Среднем Дону жилища срубной и столбовой конструкций встречены примерно в одинаковой пропорции, то на Животинном городище преобладают каркасно-столбовые постройки. 2. Около 60% печей Животинного городища сооружены на материковом глиняном основании. Таких печей на поселениях Среднего Дона насчитывается очень мало. 3. На Титчихинском и Боршевских городищах в постройках совершенно нет предпечных и хозяйственных ям, а на Животинном городище и те и другие встречаются довольно часто. 4. На Животинном городище в 9 жилищах прослежены остатки деревянного пола и в 5 — глинобитного. И деревянные, и глинобитные полы почти совершенно отсутствуют на поселениях Среднего Дона. 5. В ряде построек Животинного городища в качестве дополнительного отопительного устройства встречены открытые очаги. На поселениях на р. Дон очагов в славянских жилищах нет. То, что некоторые исследователи принимали за очаги, являлось, фактически, остатками разрушенных печей-каменок.

Различия эти не принципиального характера, но вместе с тем они свидетельствуют о наличии некоторых этнографических особенностей в культуре двух локальных групп славянского населения в бассейне Дона: Средний Дон и Верхний Дон (р. Воронеж). Эти отличия связаны, вероятно, с различными истоками формирования культуры донских славян.

Как на Среднем, так и на Верхнем Дону, в материковом полу жилищ каркасно-столбовой конструкции расчищены столбовые ямки, идущие вдоль стен и по углам. Деревянные конструкции в постройках практически сохранились лишь на Титчихинском городище, в ряде построек прослежены остатки горелого дерева. На основании расположения и форм столбовых ям можно судить о характере конструкции. В заполнении этих ям почти всегда встречались камни, керамика, которые забутовывались для прочности столбов, во многих из них выявлены угольки. Многие ямы, располагающиеся у середины стен, имеют овально-удлиненную форму, часто с разным уровнем глубин. Они были предназначены для двух столбов, которые ставились вплотную друг к другу.

Исследователями славянских жилищ VIII—X вв. отмечено несколько вариантов каркасно-столбовой конструкции. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, характеризуя жилища Большого Боршевского городища, писали, что, если столбовые ямы находились близко у стен, то облицовка делалась с внутренней стороны (6, с. 29). Но при этом авторы не поясняют, как крепились эти плахи к столбам-стоякам. Если ямки отступали от стен, то, вероятно, облицовочные плахи закладывались между стеной и столбами-стояками. И. И. Ляпушкин пишет, что в жилищах Новотроицкого городища господствующей системой облицовки материковых стен были закладные за столбы плахи (13, с. 193). А. Н. Москаленко также указывает на два способа облицовки стен: пластины были либо врезаны в столбы, либо заложены за них со стороны материковых стен (10, с. 43). П. А. Раппопорт подчеркивает вслед за И. И. Ляпушкиным; что в большинстве славянских жилищ VIII—X вв. «доски или плахи просто прижимались столбами к земляным стенкам котлованов» (9, с. 119). Несколько позже им в соавторстве с Б. А. Колчиным и Г. В. Борисевичем отмечено, что при столбовой конструкции стены состояли из плах, закрепленных между вертикальными столбами (14, с. 137).

Наиболее полно и аргументированно этот вопрос рассмотрен Б. А. Тимошуком (4, с. 51—55). Он указал на два способа облицовки стен при столбовой конструкции. Первый, при котором деревянные стены сооружались из плах, положенных горизонтально между материковой стеной и столбами-стояками. Второй (и наиболее распространенный) заключался в том, что горизонтально положенные бревна своими концами закреплялись в вертикальных пазах стояков. Б. А. Тимощук отмечает, что подобная конструкция является наиболее распространенной на славянских поселениях и она легко устанавливается даже там, где дерево вообще не сохранилось. По его мнению, в тех жилищах, где столбовые ямы находятся вплотную к материковым стенам котлованов, там облицовка стен выполнена при помощи вертикальных пазов в столбах-стояках. Наиболее вероятной конструкцией стен в жилищах Животинного городища были горизонтально положенные плахи, закрепленные в вертикальных пазах столбов-стояков. Только такая конструкция стен возможна в жилищах со сравнительно неглубоким котлованом — до 0,7 м и тем более до 0,5 м. В тех жилищах, где одна из стен фактически представляла собой наземное жилище, т. е. расположенных на склоне, также возможна только такая конст-

рукция. В некоторых жилищах применялась и система облицовки стен путем закладки плах между материковой стеной и стояками. Но таких жилищ очень мало. Они имеют значительно большую глубину, столбовые ямы отстоят от стен на некотором расстоянии. Эти постройки, фактически, как справедливо заметил Б. А. Тимошук, являются землянками, так как подобная облицовка стен не дает возможности постройке возвышаться над землей за счет высоты стен, ибо выше котлована закладные плахи нечем крепить к столбам-стоякам. И в первом, и во втором случае оставалось какое-то пространство между деревянной облицовкой и материковыми стенами, которое забутовывалось глиной, песком или просто землей.

От характера деревянной облицовки стен зависит и конструкция наземной части жилищ. И. И. Ляпушкин считал, что деревянные стены в славянских жилищах вообще не выступали над углубленной частью котлованов, а необходимая высота жилища достигалась за счет крыши, которая своими краями опускалась на края котлована (13, с. 194). П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, говоря о каркасно-столбовой конструкции славянских полуземлянок, пишут о плетневых стенах, возвышающихся над котлованом (6, с. 26). П. А. Раппопорт считал, что «единственным логическим конструктивным решением при столбовой конструкции нижних частей стен жилища является продолжение этой же конструкции вверх, выше уровня земли». Так как для подавляющего большинства славянских жилищ, по мнению П. А. Раппопорта, характерна облицовка стен закладными за столбы-стояки плахами, то, по его мнению, «...должна была существовать специальная земляная подсыпка стен снаружи», которая бы удерживала плахи, располагающиеся выше котлована постройки (9, с. 132). Но такая подсыпка должна быть на всю высоту наземной части конструкции постройки, очень мощной по толщине и чем-то крепиться (то ли глиняной обмазкой, то ли деревом). Иначе она не могла держаться. Но ни в одном случае подобные крепления не прослежены. Приведенные П. А. Раппопортом примеры не подтверждают его мысль.

Реконструкция деревянной облицовки стен, которую предлагает Б. А. Тимошук, представляется более аргументированной. Именно путем закладки в вертикальные пазы столбов-стояков горизонтальных плах можно поднять стены жилищ на любую высоту. Пространство между бревнами и внутри котлована, и в наземной части построек промазывали

глиной. На Животинном городище внутри котлованов, ближе к стенам, и вне их встречено большое количество глиняной обмазки. Снаружи такая конструкция в месте перехода от углубленной части к наземной, вероятно, могла в ряде случаев частично на очень небольшую высоту присыпаться землей, чтобы еще более утеплить жилище, образуя нечто, подобное «завалинке». Такие подсыпки-«завалинки» могли быть и у срубных построек. Именно это и проследили П. И. Ефименко и П. Н. Третьяков на Малом Боршевском городище.

В то же время мы не можем исключить полностью и существование у донских славян в каркасно-столбовых постройках облицовки стен путем закладки плах за столбы, особенно в котлованах большой глубины. Вероятно, такая облицовка стен была во многих жилищах Большого Боршевского и в ряде построек Титчихинского городища, т. е. там, где фактически стены не выходили выше котлована, достигавшего глубины, с учетом почвенного слоя, 1,5 м и выше. Что касается Животинного городища, то здесь господствующей была закладка плах в вертикальные пазы столбов-стояков.

А. Н. Москаленко на основе корреляции типов печей с характером деревянной облицовки стен (срубной и каркасно-столбовой) выделила шесть групп: 1) печи-каменки со столбовой конструкцией; 2) печи из глины и камня со столбовой конструкцией; 3) печи из глины и камня со срубной конструкцией; 4) глиняные печи со столбовой и срубной конструкцией; 5) печи из материкового останца со срубной конструкцией; 6) очаги с невыразительной конструкцией стен. Далее она пришла к выводу, что столбовые жилища с каменками (первая группа) можно считать самыми ранними, а срубные постройки с останцовыми печами (пятая группа) и с печами из глины и камня (третья группа) являются наиболее поздними, т. е. срубные постройки появились у донских славян позже, чем каркасно-столбовые. Но при этом А. Н. Москаленко подчеркивает, что все выделенные группы жилищ на Титчихинском городище сосуществовали, «одни из них были выстроены первыми поселенцами, а остальные возникли на поселении постепенно» (1, с. 107—109).

Б. А. Тимощук подчеркивает, что срубные конструкции в славянских жилищах встречаются на памятниках типа Луки-Райковецкой и получают массовое распространение на территории Северной Буковины в X—XIII вв., при этом он

отмечает, что и для других территорий славянской культуры этот тип построек более поздний (4, с. 54—55).

Не исключено, что срубные постройки на Титчихинском городище действительно являются сравнительно поздними по отношению к столбовым, хотя материалы Титчихинского городища и не дают для этого прямых и конкретных свидетельств. Можно лишь привести такой косвенный факт. На мысовой части Титчихинского городища, укрепленной первой (внутренней) линией укреплений, которая, вероятно, является наиболее ранним участком поселения, преобладают постройки столбовой конструкции (75%) и располагаются они довольно компактно, почти не перемешиваясь со срубными. На плато, т. е. за внутренней линией укреплений, столбовые постройки составляют лишь 42% и не образуют никаких групп, а разбросаны по всей площади, как и срубные, которые здесь составляют 58%, а на мысовой части поселения — лишь 25%.

На Малом Боршевском городище, датируемом второй половиной X в., выявлено четыре срубных и четыре столбовых жилища, причем во всех четырех срубных жилищах встречены печи-каменки. Такого сочетания «сруб-печь-каменка» А. Н. Москаленко не отмечено. На Большом Боршевском городище обнаружена срубная постройка, датируемая венгерской бляшкой IX—X вв. Срубные постройки Животинного городища не содержат каких-либо датирующих вещей, но можно отметить, что некоторые из них были заброшены раньше прекращения жизни на поселении.

Каких-либо устойчивых групп жилищ, сочетающих определенный тип отопительных сооружений и тип облицовки стен, на других славянских памятниках не отмечено, не считая Малого Боршевского городища, но там очень мала серия — лишь четыре постройки. Выделенные А. Н. Москаленко группы, после некоторой корректировки типов печей, о чем речь шла выше, не во всем соответствуют имеющемуся материалу.

Таким образом, признавая в какой-то степени относительно более ранними постройки столбовой конструкции, вряд ли можно говорить об их эволюции в срубные жилища у донских славян, и там, где они появились, полной замены каркасно-столбовых жилищ срубными не происходило.

Кроме полуземляночных жилых построек на памятниках донских славян выявлены и наземные жилые сооружения. Одно из них исследовано на Малом Боршевском городище (постройка 3). Это небольшое, почти квадратное сооружение,

площадью около 9 кв. м. Контуры хорошо прослеживаются по столбовым ямам, глубина которых в мелу около 0,1 м. С двух сторон (северо-западной и юго-западной) в материковом мелу прослежены канавки глубиной 6—8 см, шириной 0,2—0,4 м, в которых, вероятно, лежали нижние венцы стен постройки. Почти в центре северо-западной стены котлована расчищены остатки печи-каменки, сложенной на материке, который имеет следы прокала. Очажного блюдца не было.

Остатки наземных жилых построек прослежены и на Воргольском городище. От них здесь сохранились нижние части отопительных сооружений. Выявлены две постройки.

Таким образом, жилых наземных построек на памятниках донских славян всего обнаружено три. На Малом Боршевском городище это, вероятно, сооружение, использовавшееся в летнее время. Об этом свидетельствуют его сравнительно небольшие размеры — около 9 кв. м. На Воргольском городище выявлены постройки срубного характера. Это большие сооружения, включавшие и хозяйственные ямы.

§ 3. Хозяйственные постройки

Одним из наиболее распространенных типов хозяйственных построек являются хозяйственные ямы. Обычно хозяйственные ямы, которые на любом славянском поселении находят в значительном количестве, исследователи характеризуют суммарно, не различая их по характеру использования.

А. Н. Москаленко, анализируя материалы раскопок Титчихинского городища, сравнительно подробно охарактеризовала хозяйственные ямы (10, с. 57—60). Из 79 ям ею выделено четыре типа: 1) горловины и основания овальные, размеры их имеют небольшую разницу, к основанию несколько расширяются; 2) к основанию сужаются, в плане форма округлая или овальная; 3) размеры горловины и дна одинаковы, они бывают прямоугольной, округлой и овальной в плане формы; 4) ямы неправильной формы. Различая ямы по их форме и размерам, А. Н. Москаленко делит их по способу употребления. Ямы четвертого типа, по ее мнению, «предназначались для отбросов», а «остальные служили для хранения продуктов и прежде всего зерна».

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков отметили, что ямы Большого Боршевского городища использовались для хранения как зерна, так и других продуктов, в частности рыбы.

Все они имеют довольно стандартную форму — грушевидную (6, с. 31—33).

На I Белогорском городище вне жилых построек полностью или частично раскопаны 24 хозяйственные ямы. Они различны по форме: округлые, овальные, прямоугольные, ромбовидные. Разные они и по назначению (3, с. 122).

На Животинном городище выявлено 133 хозяйственные ямы, совершенно различные по характеру использования*. По форме (в плане) их можно разделить на три типа: округлые, яйцевидные или овальные, квадратные и прямоугольные.

Самую многочисленную группу составляют ямы первого типа — 59 (44,5%). Ямы этого типа довольно разнообразны. Выделяется серия ям, незначительных по диаметру, — 0,45—0,9 м и глубине — 0,22—0,65 м. Эти ямы беспорядочно разбросаны по площади поселения. В них, как правило, находятся мелко раздробленные кости животных и рыб и мелкие фрагменты глиняной посуды. Какие-либо изделия из кости, металла и других материалов в этих ямах почти не встречаются. Использовались они как мусорные, куда выбрасывались различные хозяйственные отходы. Исключение составляет яма 55, которая, судя по материалу, имела особое назначение. Диаметр ее около 0,8 м, глубина — 0,42—0,6 м. Дно ямы не совсем ровное, чуть вогнутое. В северной части в полу расчищена небольшая овальная ямка, возможно, от столба для навеса. Она заполнена сильно гумусированным черноземом с большим количеством угольков. В нижней части заполнения найдены 23 обгоревших астрагала (три из них с отверстиями), маленький лепной славянский сосудик, точильный камень и значительное количество горелого зерна. Зерно было сосредоточено в центральной части и лежало на обломках сильно сгоревшей бронзовой чаши (или котла, так как сохранились железные ушки), которая стояла на какой-то деревянной подставке, также сгоревшей. Здесь же обнаружена верхняя часть красноглиняного кувшина с лентовидной ручкой. При значительной плотности жилых и хозяйственных построек на городище яма 55 расположена на некотором удалении от них. Весь комплекс этих фактов позволяет рассматривать данную яму как культовую для совершения каких-то языческих обрядов.

Ряд ям первого типа имеет диаметр верха более одного

---

* Всего на городище выявлено 187 хозяйственных ям различных эпох.

метра, у некоторых он достигает 1,8 м, а в среднем — 1,2—1,4 м. Глубина их значительнее, чем ранее рассмотренных, в отдельных случаях — до 1,5 м. Некоторые из них книзу сужаются, и диаметр дна меньше диаметра верха. Находок в этих ямах немного. В некоторые ведет ступенчатый спуск. Часть округлых ям имеет в разрезе грушевидную форму, т. е. внизу расширяется, и диаметр дна у них больше диаметра верха на 0,3—0,4 м. Некоторые имеют подбои — небольшие ниши. Совершенно ясно, что ямы этой группы использовались для хранения продуктов. В них, как правило, находится значительное количество керамики, включая целые сосуды, крупные нераздробленные кости животных, а в ряде случаев — большие скопления костей рыб и чешуи. В отдельных округлых ямах располагались деревянные полки — в заполнении и у стен видны гумусированные прослойки. Большие округлые ямы редко использовались для хранения зерна. Ни в одной из них не обнаружены остатки самого зерна. Зерновые ямы должны иметь какую-то облицовку стен для сохранения зерна. В большинстве рассматриваемых ям следов такой облицовки не прослежено. Можно отметить, что лишь в отдельных ямах, которые действительно можно связать с хранением зерна, обнаружено значительное количество обмазки, а также глиняной подмазки материкового песчаного пола и стен. Эти ямы, как правило, глубокие — до 1,5 м и могли вместить значительное количество зерна. В ряде ям встречено большое количество золы, очень чистой, без примесей углей. Создается впечатление, что она здесь специально собиралась. Некоторые большие округлые ямы после использования их по прямому назначению как ямы-хранилища были превращены в ямы для сбора хозяйственного мусора, в них много мелких раздробленных костей животных, рыбьих костей и чешуи, а также обломки славянской посуды.

Ям второго типа — овальной или яйцевидной в плане формы меньше, чем округлых — 38 (28,5%). Большинство из них можно отнести к ямам, предназначенным для хранения различных продуктов. В разрезе они, как правило, конической формы, сужаются ко дну. Размеры этих ям в плане нестабильны: от 0,44×0,68 м до 1×1,38 м, глубина также довольно сильно колеблется — от 0,25 до 0,8 м.

Среди ям овальной формы выделяется небольшая группа, которая несколько отличается и по форме, и по размерам, и по характеру заполнения, и, вероятно, по назначению. Во-первых, эти ямы имеют наиболее вытянутую форму, почти

отвесные стены и размеры по низу мало отличаются от размеров по верху; во-вторых, низ заполнения этих ям отличается большой гумусированностью, особенно та часть, которая непосредственно примыкает к полу; в-третьих, исключительно малое количество находок, почти полное отсутствие среди них каких-либо предметов, за исключением костей животных и фрагментов керамики. Вряд ли эти ямы использовались для хранения продуктов или сбора хозяйственного мусора. Вероятнее всего, они использовались для содержания в зимнее время животных — молодняка и, прежде всего, овец, это были своеобразные овчарни. На Титчихинском городище А. Н. Москаленко раскопала удлиненные полуземляночные постройки (10, с. 60). Очень похожие постройки открыты И. И. Ляпушкиным на Карнауховском поселении салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону (15, с. 30). Овальные ямы Животинного городища, связанные нами с местом для содержания скота, отличаются от построек Титчихинского городища и Карнауховского поселения прежде всего размерами: они значительно меньше. Самое большое помещение на Животинном городище имеет размеры 1,35×3,2 м, размеры дна 1×2,4 м, глубина 0,68 м. Но размеры этих построек определяют и количество мелкого скота, и характер его содержания. На Животинном городище его было значительно меньше, об этом свидетельствуют данные остеологического анализа, и содержался он, вероятно, не коллективно, а каждой семьей в отдельности.

Хозяйственные ямы третьего типа, имеющие в плане квадратную или прямоугольную форму, составляют на Животинном городище около 27% (36 ям). Подавляющее большинство этих ям имеют строго вертикальные стены, ровный пол. Площадь их различна: до 2 кв. м — 11, 2—3 кв. м — 16, 3—4 кв. м — 7, свыше 4 кв. м — 2. Глубина ям также различна: 0,15—1,3 м. Прямой зависимости площади ям от их глубины не прослеживается. Большинство ям имеют в полу столбовые ямы, свидетельствующие об облицовке стен деревом, которая производилась путем закладки деревянных плах за столбы-стояки, как в отдельных жилых постройках. В большинстве ям и вокруг них в слое встречено значительное количество глиняной обмазки — обожженной и необожженной. В некоторых ямах, как и в жилых постройках, имеется забутовка между деревянной облицовкой и материковыми стенками. В некоторых ямах хорошо прослежен ступенчатый вход. О характере использования ям квадратной и прямоугольной формы свидетельствуют обнаруженные в них ору-

дия труда, крупные, нераздробленные кости животных и, самое главное, в значительном количестве зерно. Хозяйственные ямы квадратной или прямоугольной формы правильней будет называть ямы-погреба или амбары. Значительные по площади, с мощными деревянными перекрытиями, покоящимися на столбах, сверху засыпанные слоем земли, глины для сохранения внутри погреба-амбара микроклимата (не случайно на месте данных сооружений в настоящее время не прослеживаются западины), облицовка стен деревом и обмазка глиной — все это выделяет данную группу ям из числа других. Погреба или амбары были предназначены для хранения различных продуктов и прежде всего зерна. Аналогичные ямы, правда, без столбовой конструкции, встречались ранее на славянских памятниках Дона, но в очень незначительном количестве и без четких свидетельств о характере их использования.

Таким образом, анализ хозяйственных ям, выявленных на поселениях донских славян, позволил, с одной стороны, более дифференцированно разделить их по характеру использования, с другой — наметить некоторое различие хозяйственных ям поселений Дона и р. Воронеж. Различие это состоит в следующем.

1. На донских поселениях (Титчихинское городище) в значительно меньшем количестве (4%), чем на р. Воронеж (Животинное городище) (26%), представлены ямы прямоугольной или квадратной формы, которые использовались в качестве погребов или амбаров.

2. На Титчихинском и других городищах на р. Дон не выявлены ямы, предназначенные для содержания скота-молодняка, какие встречены на Животинном городище. Помещения для содержания скота на Титчихинском городище несколько иного характера. С одной стороны, это длинные полуземляночные сооружения, с другой — наземные постройки, на характеристике которых остановимся ниже.

3. Почти все хозяйственные ямы на Титчихинском городище трудно связать с каким-либо конкретным жилищем, нет здесь также хозяйственных ям в самих жилых постройках. На Животинном городище в ряде жилищ встречены хозяйственные ямы, и, кроме того, значительное их количество непосредственно примыкает к жилым постройкам, образуя с ними единый комплекс (рис. 7—9).

Помимо ям различного хозяйственного назначения на поселениях донских славян выявлен ряд наземных хозяйственных построек. Одна из них в 1952 г. была открыта на Архан-

тельском городище (16, с. 4—5). Это прямоугольная постройка размером 8×10 м. В мелу сохранились ямы от столбов. Они имеют форму округлую, овальную, четырехугольную. Глубина их 0,4—0,52 м, стоят они на расстоянии друг от друга от 0,4 до 2,5 м. Наиболее глубокие ямы расположены по углам. С восточной и южной сторон располагались столбы, как считает А. Н. Москаленко, для дополнительного крепления стен. Дополнительных ям для устройства крыши внутри постройки не обнаружено. Крыша, вероятно, была плоской. В районе постройки обнаружено скопление обмазки с отпечатками прутьев. Стены были плетневые, обмазанные глиной. Вход с северной стороны; судя по тому, что в пределах постройки не встречено отопительных сооружений, она была нежилой. Остатки маловыразительных наземных построек в виде столбовых ям были открыты на этом же городище в 1953 г. (17).

Наземные постройки исследованы и на Большом Боршевском городище. Одна из них размером 6,2×3,2 м, в ней находилась хозяйственная яма. Вторая имела размеры 4,5×2,5 м. Контуры построек определяются столбовыми ямами, которые, как отмечают П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, значительно глубже столбовых ям в полуземлянках, так как «свободно стоящие столбы требовали здесь более прочного крепления» (6, с. 33—34).

Наземные сооружения обнаружены и на Титчихинском городище. От них сохранились лишь столбовые ямы. Одно из них имеет размеры 4×5 м, второе — 6×8 м, третье — 6×6 м, четвертое — 6×4 м, пятое — также 6×4 м. В некоторых из них выявлены хозяйственные ямы. По углам построек устанавливались массивные столбы. Стены сооружались в виде плетня. В ряде построек имелся широкий вход — 2—3 м. Это связано с тем, что эти постройки использовались, как пишет А. Н. Москаленко, для содержания скота. Все постройки располагались на плато между жилыми полуземлянками (10, с. 61).

Наземная постройка хозяйственного назначения выявлена и на Животинном городище, но она там несколько иного характера. Это легкое сооружение, перекрывающее целый комплекс хозяйственных ям, имеет почти квадратную форму размером 3×3,2 м, основание несколько углублено в материк. В юго-западном углу расчищен небольшой очаг, сооруженный в материковой глине. Его размеры 0,4×0,78 м, глубина в материке 0,22—0,28 м. Стенки очага имеют следы прокала. Вероятно, очаг был предназначен для поддержания

в постройке необходимого температурного режима. В соста комплекса ям, перекрытого постройкой, входят прямоуголь ный погреб со столбовой конструкцией и одна яма округло формы, несколько расширяющаяся книзу, еще одна ям овальной в плане и грушевидной в разрезе формы и четвер тая яма комплекса — овальной в плане и цилиндрическо в разрезе формы. Ямы различных размеров и формы, и, ве роятно, разного назначения, объединены под общей построй кой.

---

1. Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура Воронеж, 1981.

2. Пряхин А. Д., Винников А. З. Итоги исследования Малог Боршевского городища на р. Дон//Археология восточноевропейской ле состепи. Воронеж, 1980.

3. Винников А. З. Славянское городище на Белой Горе под Во ронежем//Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977.

4. Тимощук Б. А. Словьяни Північної Буковини V—IX ст. Киї 1976

5. Тимощук Б. А. Общинный строй восточных славян VI—X вв (по археологическим данным Северной Буковины): Автореф. дис. ... д-р ист. наук., М., 1983

6. Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселе ния на Дону//МИА. 1948. № 8.

7. Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровско Левобережья VIII—X вв.//КСИИМК. 1957. Вып. 68.

8. Русанова И. П., Тимощук Б. А. Кодын — славянское посе ление V—VIII вв. на р. Прут. М., 1984.

9. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище//САИ. 1975. Вы Е1-22.

10. Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

11. Бломквист Е. Э., Ганцкая С. А. Типы русского крестья ского жилища XIX — начала XX вв.//Русские. Историко-этнографическ атлас. М., 1967.

12. Байбурин И. К. Жилище в обрядах и представлениях во точных славян. Л., 1983.

13. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое//МИА 1958 № 7

14. Древняя Русь. Город. Замок. Село//Археология СССР. М., 198

15. Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение//МИА. 1958. № 6

16. Москаленко А. Н. Отчет к открытому листу № 3 на пра производства археологических раскопок Архангельского (Голышовско городища Гремяченского района и разрушаемых курганов около Пл тавских Выселок Репьевского района Воронежской области//Арх. И АН РАН. Р-1. № 723.

17. Москаленко А. Н. Отчет к открытому листу № 54 на пра производства археологических раскопок Архангельского городища Гр мяченского района Воронежской области в 1983 г.//Там же. № 87

Глава II
ХОЗЯЙСТВО ДОНСКИХ СЛАВЯН

Оценка уровня развития хозяйственной деятельности славянского населения лесостепного Дона в конце I тысячелетия получила в литературе неоднозначное освещение. Одно время существовало мнение об архаичности и примитивности культуры донских славян.

Взгляды по данному вопросу стали несколько меняться у исследователей в 50—60-х гг. Связано это было, во-первых, с расширением географии исследования памятников и донских славян, и других районов восточнославянского мира, и прежде всего Днепровского Левобережья, во-вторых, с переходом на исследование поселений широкими площадями.

В работах 60 — начала 80-х гг. хозяйство донских славян — одной из групп восточнославянского мира — обрисовано как высокоразвитое и разностороннее.

За последние годы в процессе исследования ряда славянских поселений, особено на р. Воронеж (Животинное, I и II Белогорские городища), получен исключительно интересный материал, позволяющий дополнить, уточнить, конкретизировать, а в ряде случаев пересмотреть наше представление о хозяйственной деятельности славянского населения лесостепного Дона.

§ 1. Земледелие

Еще со времен выхода книги П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова утвердилось мнение, что земледелие составляло основу хозяйства донских славян. Фактов, свидетельствующих о земледельческом хозяйстве донских славян, имеется вполне достаточно.

Прежде всего необходимо отметить находки зерна. Около 36 кг обугленных зерен пшеницы было обнаружено на Кузнецовском городище в специальных помещениях — амбарах. На Титчихинском городище в полуземлянках обнаружены зерна ячменя, ржи, проса, гороха. Значительная коллекция зерна происходит с Животинного городища, где обнаружены зерна пшеницы, проса, чечевицы, ячменя, гороха, льна *.

Важным показателем степени и качества развития земледельческого хозяйства являются орудия труда. К сожа-

* Определение Н. А. Кирьяновой (лаборатория ИА АН РАН).

лению, их чрезвычайно мало. На Титчихинском городище найден обломок широколопастного наральника, подошвенного рала (рис. 11, *5*), здесь же найден один серп (рис. 11, *2*), еще один серп обнаружен на I Белогорском городище (рис. 11, *3*), имеется серп и в коллекции с Воргольского городища. Других каких-либо орудий труда, связанных с обработкой почвы и уборкой урожая, на славянских памятниках Дона не обнаружено. Нельзя полностью исключать использование деревянных пахотных орудий, которые применялись в крестьянских хозяйствах даже в XIX в. (1, с. 89—90).

Одним из показателей земледельческого хозяйства являются орудия размола зерна. Это прежде всего жернова. Они встречены на Титчихинском городище (65 обломков), на Малом Боршевском городище найден жернов с намечающимся отверстием, жернов обнаружен на Воргольском городище, несколько жерновов происходят с Большого Боршевского городища. Обломки жерновов выявлены и на Животинном городище, но при значительно исследованной площади количество их очень мало — не более десяти кусков. На всех памятниках они обнаружены за пределами каких-либо построек. Лишь на Большом Боршевском городище жернова находились в полуземляночной постройке, которую авторы раскопок обозначили как помещение для размола зерна (мельница). Это была полуземлянка 4,6×4,9 м. В юго-восточной части расчищены две округлые ямы диаметром 0,25 м, глубиной 0,2 м, расположенные на 0,4 м одна от другой. Эти ямки были предназначены, по мнению П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, для крепления подставки жерновов (2, с. 65).

По мнению Р. С. Минасяна, занимавшегося изучением ручных жерновов Восточной Европы, жернова, встреченные на памятниках донских славян, являются «...одним из стойких признаков культуры восточнославянского населения» (3, с. 170).

Кроме жерновов в хозяйстве донских славян широко использовались зернотерки. Находки зернотерок и пестов отмечены на Титчихинском и Животинном городищах. Причем почти все они обнаружены возле печей на полу жилищ. Вероятно, был неправ И. И. Ляпушкин, когда писал, что найденные на славянских поселениях каменные зернотерки «никакого отношения к славянской культуре VIII—IX вв. не имеют» (4, с. 138). Зернотерками пользовались для размола зерна в незначительном количестве, не заготавлива-

муку таким образом впрок. Кроме того, зернотерки могли использоваться для размола и каких-либо других продуктов. Находки зернотерок отмечены и на славянских памятниках Днепровского Левобережья (1, с. 99).

Косвенным подтверждением наличия земледельческого хозяйства у донских славян являются так называемые глиняные хлебцы, встреченные на Животинном городище. Это круглые или овальные лепешки. Сделаны из хорошо промешанной глины. На некоторых остались вмятины от пальцев, а на одной — даже от зубов (рис. 11, *1*). Встречаются они чаще всего в жилищах. Обращает на себя внимание, что глиняные хлебцы встречены лишь на памятниках на р. Воронеж. И. П. Русанова считает, что «хлебцы» имели культовое, магическое значение» (5, с. 17). О земледельческом хозяйстве донских славян свидетельствуют и находки больших круглых или квадратных противней, служивших для просушки зерна перед обмолотом. Они обнаружены на Титчихинском городище почти в каждом жилище, встречены также на Большом Боршевском и других памятниках.

В литературе укрепилось мнение, что обмолоченное зерно хранилось в специальных зерновых ямах. Не возражая против подобных мнений о способах хранения зерна, необходимо все-таки отметить, что ни в одной из круглых ям ни на одном славянском памятнике в бассейне Дона не обнаружено каких-либо признаков хранения зерна. Помещения, в которых обнаружены остатки зерна, выглядят совершенно иначе.

Как выше отмечалось, зерно обнаружено на Кузнецовском городище в двух зернохранилищах-амбарах (2, с. 103). Оба представляют собой почти квадратные помещения площадью около 2 кв. м. Глубина помещений в материке 0,6—1,05 м. В одном из них прослежен пол, выстланный берестой, а по углам столбовые ямы. Во втором выявлен в одной из стен вход, а в углу — столбовая яма.

Некоторые детали аналогичных зернохранилищ обнаружены на Животинном городище (хозяйственные ямы III типа). В одной из них (яма 171) встречено значительное количество горелого зерна. Площадь ее около 2 кв. м. Глубина материкового основания 1,04 м. У западной стены имеется материковая ступенька. Стены облицованы деревом (вероятно, это был сруб, так как в полу постройки не прослежено столбовых ям) и обмазаны обожженной глиной. На глубине 0,9 м по всей площади найдены деревянные плахи шириной 8—12 см, толщиной 3—4 см — остатки пола.

Под деревянным полом был плотно слежавшийся гумусный слой, в котором также встречено горелое зерно.

Данные постройки представляли собой погреба-амбары (учитывая материковую часть почвенного слоя, они имели глубину более 1,5 м). Мощные деревянные конструкции стен позволяли сооружать капитальное деревянное перекрытие, поверх которого насыпался мощный слой земли, за счет чего создавался внутри помещения микроклимат, необходимый для хранения зерна.

В материалах раскопок славянских памятников бассейна Дона отсутствуют какие-либо данные, раскрывающие систему земледелия у донских славян. Но необходимо отметить, что Б. П. и А. Б. Ахтырцевы, исследуя погребенные почвы под курганными насыпями Лысогорского могильника, подчеркнули, что они некоторое время обрабатывались славянским населением, которое предварительно истребило лес, росший на этой площади. В дальнейшем насыпанные курганы и территория вокруг них «...снова покрылась лесом» (6, с. 75). К сказанному необходимо добавить, что в этом же подкурганном почвенном слое обнаружено значительное количество мелких угольков.

На мысу, где расположен Лысогорский могильник, выявлен небольшой славянский поселок, предшествовавший могильнику, датируемый приблизительно VIII в. Вероятно, первые славянские поселенцы, обрабатывая землю вблизи своих поселений, вынуждены были расчищать леса, применяя подсеку. Эта система земледелия широко использовалась ранними славянами.

Кроме производства зерна донские славяне выращивали и огородные культуры. Огороды, по всей видимости, находились в поймах рек или в других удобных участках вблизи поселений. Огородничеством занимались вручную, так как оно требовало очень тщательной обработки земли. На Животинном городище обнаружены железные наконечники оковок деревянных орудий (рис. 11, *8*), которыми обрабатывали землю. К такого типа орудиям исследователи относят некоторые наиболее крупные мотыжки, которые встречены и на славянских поселениях на р. Воронеж (рис. 11, *6, 7*).

Таким образом, подводя итоги анализа имеющихся в нашем распоряжении материалов по земледелию донских славян, необходимо отметить, что по своему характеру и уровню развития оно соответствовало земледельческому хозяйству других районов восточнославянского мира и было направлено прежде всего на удовлетворение нужд донских

славян в питании и необходимой кормовой базы для животноводства.

§ 2. Животноводство, охота, рыболовство

Почти все памятники, которые раскапывались, дали интересную информацию для характеристики животноводства донских славян. Это прежде всего остеологический материал. Почти на всех памятниках, кроме Архангельского и Малого Боршевского городищ, количество костей и особей домашних животных меньше, чем диких, а в ряде случаев эта разница весьма существенна (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение домашних и диких животных по костным остаткам со славянских городищ Верхнего и Среднего Дона *

Городища	Всего		В том числе особей, %	
	костей	особей	домашних	диких
Большое Боршевское	2846	164	34,1	65,9
Малое Боршевское	294	59	54,0	46,0
Архангельское	136	60	83,3	16,7
Титчиха	4055	319	41,6	58,4
Воргольское (святилище)	142	14	35,8	64,2
Животинное	6780	659	36,0	64,0
I Белогорское	1120	72	49,0	51,0
II Белогорское	65	13	38,5	61,5
Кузнецовское	653	42	42,9	57,1

* При составлении этой таблицы использованы данные В. И. Цалкина (9, с. 96). Остеологический материал раскопок 1963 и 1966 гг. Малого Боршевского, 1964 г. Воргольского, 1952—1953 гг. Архангельского, 1968 г. I Белогорского городищ определен В. И. Цалкиным; материал раскопок 1970, 1972, 1974 гг. I Белогорского городища проанализирован А. Г. Петренко; материал Животинного и II Белогорского городищ проанализирован О. П. Журавлевым.

Со времени выхода статьи В. И. Громовой (8, с. 114), в которой дан анализ костного материала из раскопок экспедиции ГАИМК на Дону, в литературе широко распространилось мнение о значительной роли у донских славян охоты в ущерб животноводству. Раскопки Титчихинского городища, по мнению А. Н. Москаленко, подтвердили эту точку зрения (количество особей диких животных 58,4%, домашних — 41,6%) (7, с. 68—69).

Исследование Малого Боршевского городища в 60-х гг. внесло определенные коррективы в характер остеологического материала (по данным В. И. Громовой, домашних животных 42,9%, диких 57,1%, а с учетом новых материалов: домашних 54%, диких 46%).

При анализе костного материала диких и домашних животных, на наш взгляд, нельзя проводить сравнение общих цифр, выводить из них процентное соотношение и делать из этого категоричные выводы об удельном весе в хозяйстве домашнего животноводства и охоты. Как подчеркивают многие исследователи, количество костей и особей диких животных не отражает истинных масштабов охоты, так как часто тушки (если мясо не шло в пищу) оставлялись на месте охоты, а на поселение приносились шкурки. Поэтому данные анализа костей диких животных дают общую картину развития охоты и выявляют тех животных, которым по тем или иным причинам отдавалось предпочтение, показывая определенные тенденции в развитии этого вида хозяйства. Кроме того, необходимо учитывать целенаправленность домашнего животноводства и охотничьего промысла, а они, как известно, не всегда совпадали.

Домашнее животноводство призвано было обеспечить население продуктами питания (мясом, молоком и молочными изделиями, жирами), кожаным сырьем, и наконец одним из главных направлений животноводства было разведение и содержание рабочего скота для занятия земледелием и использования как средства транспорта. Охотничье хозяйство направлено отчасти на восполнение недостающего количества мяса и кож, а также на добычу пушнины (прежде всего, за счет пушных зверей получается высокий процент костей и особей диких животных на поселениях Среднего Дона), которая в основном шла на обмен и продажу, т. е. охота, как мы видим, лишь отчасти компенсировала то, что должно было дать животноводство, но не давало ввиду возможностей получения этих продуктов экономически более выгодным способом. И если из сравнительного остеологического ана-

лиза мы исключим животных, на которых охотились только ради пушнины (домашнее животноводство никак не могло дать эту продукцию), а из числа домашних животных — верблюдов, которых явно не разводили на Среднем Дону, и собак, наличие которых не связано с хозяйственной целесообразностью, то соотношение особей диких и домашних животных изменится довольно значительно. И изменения эти коснутся не только Титчихинского городища, но и ряда других памятников. В результате получается, что на Титчихинском городище особи домашних животных составляют 55%, а диких — 45%, на Большом Боршевском соответственно 53,5 и 46,4%.

Таким образом, домашнее животноводство славянского населения Среднего Дона обеспечивало значительную часть своих потребностей в мясе, коже и другом сырье.

Несколько иная картина вырисовывается на славянских поселениях Верхнего Дона, включая р. Воронеж, где сохраняется большая разница между домашними и дикими особями; на Кузнецовском городище домашних 47,6%, диких 52,4%; Животинном — домашних около 40%, диких около 60%. Совершенно очевидно, что для этих поселений роль охоты была значительно выше по сравнению со среднедонскими. Особенно четко это прослеживается при исключении из статистического анализа данных охоты на пушных зверей. В сравнении со среднедонскими памятниками она здесь имела место в значительно меньших масштабах. Количество особей бобра на Титчихинском городище составляет 38% всех особей диких животных, на Большом Боршевском — 45, Малом Боршевском — 37%, т. е. в среднем на этой группе памятников — около 38%. На городищах Верхнего Дона особи бобра от всех диких животных составляют: на Животинном — около 8%, I Белогорском — 10,8, Кузнецовском — 9, в среднем — 9,2%. Если взять абсолютные цифры, то на всех верхнедонских поселениях особей бобра найдено меньше, чем на одном только Титчихинском городище и почти столько же, сколько на Большом Боршевском.

Приведенные выше некоторые цифровые данные еще раз подчеркивают, что охота на бобра велась преимущественно с целью добычи пушнины для торговли и население на р. Воронеж в ней принимало незначительное участие, во всяком случае пушниной. Возможно, какая-то часть этих животных шла в пищу (8, с. 118). Кроме того, совершенно очевидно, что физико-географические условия и экологическая обстановка в районе р. Воронеж была несколько иная,

чем на Среднем Дону. Это действительно более глубокие лесистые районы лесостепи, где возможность получения мяса, шкур путем охоты была, вероятно, более выгодна, чем разведение домашних животных, и значительную часть потребляемого в пищу мяса давала охота. Если на Титчихинском городище особи диких животных, обеспечивающие население мясом и различным сырьем, составляют 41% от всех диких животных, то на Животинном — 85% — разница более чем в два раза. Это еще раз подчеркивает гораздо большую значимость охоты для внутрихозяйственных нужд в данном регионе по сравнению со среднедонским.

Стадо домашних животных у донских славян представлено в табл. 2. Как видно из таблицы, видовой состав домашних животных на всех памятниках Верхнего и Среднего Дона, одинаков, за исключением верблюдов, которые встречены только на селениях Среднего Дона. И процентное соотношение видов животных мало различается на отдельных памятниках, за исключением лошадей, которые почти в два раза чаще встречаются на памятниках Верхнего Дона. Аналогичный видовой состав, близкий в процентном соотношении, выявлен и на памятниках Днепровского Левобережья (роменская группа) (9, с. 99—101).

В. И. Цалкин, анализируя материалы раскопок Титчихинского городища, и В. И. Громова — Боршевских городищ, обратили внимание на преобладание среди крупного и мелкого рогатого скота этих памятников молодых особей. В одной из своих более ранних работ В. И. Цалкин высказал мысль, что если в материалах раскопок преобладают молодые особи, то это свидетельствует о слабой кормовой базе, в силу чего большая часть молодняка осенью забивалась (10, с. 81). Но это никак нельзя отнести к материалам Титчихинского городища, так как возраст крупного рогатого скота на Титчихинском городище до трех лет (9, с. 92), что требует две-три зимовки, а значит, и необходимого запаса кормов. Близкая картина прослежена и на Новотроицком городище. Кормовая база позволяла донским славянам содержать круглый год достаточно большое количество домашнего скота.

Несколько иная ситуация вырисовывается на Животинном городище. Здесь 71% особей крупного и 65% мелкого рогатого скота являются взрослыми. Уже отмечалось, что значительную часть мяса населению Животинного городища и других поселений Верхнего Дона давала охота, а крупный и мелкий рогатый скот содержался для получения молока

Таблица 2

Видовой состав костных остатков домашних животных из раскопок славянских городищ Верхнего и Среднего Дона

	Городища	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Свинья		Лошадь		Верблюд		Собака	
		кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%
Средний Дон	Титчихинское	43	33,6	20	15,6	45	35,0	14	10,9	1	0,78	5	3,9
	Б. Боршевское	13	23,2	5	8,9	29	51,7	5	8,9	3	5,3	1	1,8
	М. Боршевское	9	28,1	6	18,7	12	37,5	3	9,3	—	—	2	6,2
	Архангельское	27	54,0	8	16,0	5	10,0	8	16,0	—	—	2	4,0
	В среднем		34,7		14,8		33,5		11,2				
Верхний Дон	Воргольское (святилище)	2	40,0	—	—	1	20,0	2	40,0	—	—	—	—
	Кузнецовское	5	27,7	5	27,7	3	16,5	4	22,0	—	—	1	5,5
	I Белогорское	8	23,0	5	14,0	16	44,8	5	14,0	—	—	1	2,8
	II Белогорское	1	20,0	1	20,0	2	40,0	1	20,0	—	—	—	—
	Животинное	96	40,5	20	8,4	68	28,7	49	20,7	—	—	4	1,7
	В среднем		30,0		16,7		19,0		30,0				

и молочных продуктов, шерсти, возможно, кож, а также в качестве рабочего скота и забивался на мясо тогда, когда с возрастом терялись его необходимые в хозяйстве качества. Из домашних животных для получения мяса разводили свиней, среди которых преобладают молодые особи — более 60%.

В. И. Громова по материалам среднедонских городищ высказала мысль об использовании лошадей не только в качестве тягловой силы и средства транспорта, но и в питании. И. И. Ляпушкин отметил, что «...лошадь не принадлежала к числу убойных животных, а служила для хозяйственных надобностей и в пищу попадала лишь в случае непригодности к работе» (4, с. 139). Близкие взгляды высказала и А. Н. Москаленко (7, с. 68). В. И. Цалкин не согласился с И. И. Ляпушкиным и писал, что использование конины в пищу «...было и более регулярным, и более широким, на что указывает относительно высокий процент лошади в костных остатках» (9, с. 101). Вряд ли лошадей специально выращивали на мясо. Лошади — это прежде всего рабочие животные и в пищу использовались лишь в случае непригодности к работе. Не случайно и на Боршевском, и на Титчихинском городищах для этих целей служили почти исключительно взрослые особи (9, с. 95), а на Животинном городище взрослые особи лошадей составляют более 75%. К этому следует добавить, что лошадей, вероятно, использовали в пищу в засушливые и неурожайные годы, когда их нечем было кормить. Этим можно объяснить и наличие, хотя и в незначительном количестве, молодых и полувзрослых особей в костных остатках Животинного городища (около 25%).

Довольно значительное количество и разнообразие видов домашнего скота, содержащегося круглый год, требовало довольно прочной кормовой базы, что возможно при соответствующем уровне развития земледелия, наличии специальных помещений для содержания скота (молодняка) и орудий для заготовки сена. О развитии земледелия писалось выше в данной главе. Помещения для содержания скота-молодняка также рассмотрены ранее. На Животинном городище обнаружена коса (рис. 11, *4*), к сожалению, единственная на славянских памятниках Дона. Аналогичные косы известны на ряде других славянских поселений второй половины I тысячелетия.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения некоторых аспектов животноводческого хозяйства донских славян, не-

обходимо подчеркнуть: во-первых, на всей территории Верхнего и Среднего Дона можно отметить довольно стабильный видовой состав стада домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади); во-вторых, процентное соотношение особей видов животных на отдельных памятниках различно, что зависит, вероятно, от конкретных условий обитания; в-третьих, при наличии общих черт выявляется и определенное различие между поселениями Верхнего и Среднего Дона: большая роль домашнего животноводства в хозяйстве населения Среднего Дона, а на Верхнем Дону недостаточное количество домашнего скота с лихвой компенсировалось высокоразвитой охотой.

Славяне засеяли берега Дона, Воронежа, осваивали исключительно благодатный, уникальный с точки зрения физико-географических и экологических условий край. На протяжении ряда веков до появления славян эта территория была довольно слабо заселена и оказалась вне поля активной хозяйственной деятельности. Это не могло не отразиться на высокой степени развития и рентабельности охотничьего хозяйства донских славян. Полученный остеологический материал в известной степени свидетельствует об этом. Видовой состав животных, которые были предметом охоты, и их процентное соотношение отражены в табл. 3.

Из таблицы видно, что из 22 видов диких животных, которые были предметом охоты, значительная часть их принадлежит шести видам: лоси, благородные олени, косули, кабаны, медведи, бобры. Но далеко не в одинаковой степени была распространена охота даже на этих животных.

Как уже подчеркивалось, охота велась, во-первых, с целью пополнения мяса и различного сырья, и, во-вторых, для добычи пушнины. Для пополнения запасов мяса охотились на лосей, косуль, кабанов, для добычи пушнины охотились прежде всего на бобров. Остеологический материал, встреченный на славянских поселениях Дона, в какой-то степени демонстрирует направленность охотничьего хозяйства. И судя по материалу, она имела некоторую специфику на поселениях Верхнего и Среднего Дона.

На среднедонских поселениях, как отмечалось выше, исключительно большое место имела охота на бобра и других животных с целью получения пушнины. На верхнедонских преобладала охота на копытных животных. Но если охота на диких копытных, как подчеркивает В. И. Цалкин, «...дает продукцию, предназначенную почти исключительно для местного потребления, то пушнина могла служить и для обме-

Видовой состав костей диких животных

Вид животных	Титчиха		Б. Боршевское		Архангельское		М. Боршевское	
	кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%
Лось	27	13,6	16	14,0	1	11,1	5	18,5
Благор. олень	10	5	3	2,7	3	33,3	3	11,1
Косуля	17	8,5	8	7,2	2	22,2	2	7,4
Кабан	26	13,0	12	10,6	1	11,1	6	22,2
Сайгак	1	0,5	1	0,9	—	—	1	3,7
Медведь	13	6,5	5	4,5	—	—	—	—
Волк	2	1,0	1	0,9	1	11,1	—	—
Барсук	2	1,0	3	2,7	—	—	—	—
Выдра	3	1,5	1	0,9	—	—	—	—
Куница	3	1,5	1	0,9	—	—	—	—
Хорек	3	1,5	1	0,9	—	—	—	—
Заяц	2	1,0	1	0,9	—	—	—	—
Бобр	69	35,0	51	45,0	2	11,1	10	37,0
Сурок-байбак	5	2,5	1	0,9	—	—	—	—
Хомяк	1	0,5	2	1,8	—	—	—	—
Водяная крыса	1	0,5	2	1,8	—	—	—	—
Еж	2	1,0	2	1,8	—	—	—	—
Зубр	6	3,0	—	—	—	—	—	—
Лисица	3	1,5	2	1,8	—	—	—	—
Белка	1	0,5	—	—	—	—	—	—
Слепыш	1	0,5	—	—	—	—	—	—
Кулан	—	—	—	—	—	—	—	—
ВСЕГО	198	100	113	100	9	100	27	100

Таблица 3

со славянских городищ Верхнего и Среднего Дона

Кузнецовское		Святилище на Воргольском городище		Белогорское I		Белогорское II		Животинное	
кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%
2	9,0	1	11,1	12	32,8	1	12,5	86	20,38
1	4,5	—	—	3	8,1	—	—	5	1,19
11	50,0	4	44,4	4	10,8	1	12,5	247	58,53
1	4,5	—	—	12	32,8	—	—	19	4,5
—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,47
1	4,5	1	11,1	1	2,7	1	12,5	15	3,55
1	4,5	—	—	1	2,7	—	—	3	0,71
—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,21
—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,24
1	4,5	—	—	—	—	—	—	3	0,71
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	12,5	2	0,47
2	9,0	3	38,3	4	10,8	4	50,0	32	7,58
—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,24
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	9,0	—	—	—	—	—	—	4	0,95
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,24
22	100	9	100	37	100	8	100	422	100

на...» (9, с. 98). Однако в том и в другом случае мы видим, что охота была одной из важнейших отраслей хозяйства донских славян и это свидетельствует о гармоничном сочетании различных отраслей хозяйства и об умении рационально использовать природно-географические условия, а ни в коей мере не о какой-либо примитивности их хозяйства (7, с. 71).

Способы охоты достаточно подробно описаны в литературе (11). Отметим лишь, что на поселениях из предметов охотничьего снаряжения обнаружены только наконечники стрел. Среди них несколько костяных (рис. 12, *25—27*) и довольно большая серия различного типа железных (рис. 12, *1—24*).

Наряду с охотой серьезным источником пропитания являлось рыболовство, которое также было довольно эффективно у донских славян. Практически на всех раскапывавшихся поселениях обнаружены рыбьи кости, чешуя, а также орудия лова. Особенно значительное количество костей рыбы и чешуи найдено на наиболее изученных поселениях: Большом Боршевском, Титчихинском и Животинном городищах. К сожалению, кости и чешуя рыб с Животинного городища анализу не подвергались, и мы используем только данные Боршевского и Титчихинского городищ.

Как видно из табл. 4, видовой состав рыб на Титчихинском и Большом Боршевском городищах примерно одинаков, с очень небольшим отклонением. Донские славяне промышляли 14 видов рыб, среди них и такие довольно редкие в этих краях, как стерлядь, севрюга.

В то же время необходимо отметить, что даже на двух поселениях, находящихся на Дону (Титчихинском и Б. Боршевском городищах), имеются весьма существенные различия в процентном соотношении различных видов рыб.

Судя по видовому составу рыб, крючковые орудия преобладали среди других рыболовных орудий (12, с. 133). Это подтверждается и археологическим материалом. На славянских памятниках Дона к настоящему времени обнаружено 22 рыболовных крючка: 6 — на Титчихинском, 1 — Кузнецовском, 4 — I Белогорском и 11 — на Животинном городищах. Подробная типология рыболовных крючков разработана В. К. Михеевым на материалах салтово-маяцкой культуры (13, с. 54, 137).

Все крючки с поселений донских славян можно разделить на четыре типа. К первому типу мы относим крючки, у которых на одном конце имеется петля для крепления лесы,

Таблица 4

Костные остатки и виды рыб на славянских памятниках Дона

Городище	Количество костей и особей	% особей	Размеры, см	Возраст	Количество костей и особей	% особей	Размеры, см	Возраст
		Стерлядь				Севрюга		
Боршево	1/1	0,5	67	—	3/1	0,5	1,5	—
Титчиха	1/1	0,5	41,2	—	4/3	1,5	115,8—176,4	—
		Щука				Вырезуб		
Боршево	326/105	55,5	27—87	—	23/12	6,4	28—69	—
Титчиха	58/53	2,6	35—105	5—7	22/19	9,83	44,3—70,2	5,5—6
		Язь				Красноперка		
Боршево	—	—			5/2	1	18,5—29,5	—
Титчиха	2/2	1,4	35,8—42	—	9/3	1,5	—	6—8
		Линь				Жерех		
Боршево	—	—	—	—	37/13	6,9	44—65	—
Титчиха	16/10	5,3	39,1—50,1	—	—	—	—	—
		Сазан				Лещ		
Боршево	3/3	1,6	35—38	—	67/29	15,3	36—66	более 13
Титчиха	—	—	—	—	49/27	13,5	33—52,8	6—10

Окончание табл. 4

Городище	Количество костей и особей	% особей	Размеры, см	Возраст	Количество костей и особей	% особей	Размеры, см	Возраст
	Карась				Сом			
Боршево	—	—	—	—	15/6	3,2	97—150	—
Титчиха	1/1	0,5	25	—	51/47	23	93,3—238,6	9—20
	Судак				Окунь			
	более 430/26	8,5	69—95	—	2/1	0,5	41	—
	38/34	17	27,8—98,5	6—16	4/4	2	23,4—39,4	—

а на другом — жало с оттянутой бородкой (тип 4 по В. К. Михееву). У части крючков этого типа стержень с петлей наклонен в сторону жала. Крючки типа 1 встречены на Титчихинском (рис. 13, *2*), Кузнецовском (рис. 13, *17*), I Белогорском (рис. 13, *16*) и Животинном (рис. 13, *6, 7, 11, 13*), городищах. Причем, если на Титчихинском городище к этому типу можно отнести один крючок из шести, то на городищах на р. Воронеж (Кузнецовском, I Белогорском, Животинном) 8 из 16. Это, как правило, очень большие крючки (8—15 см длины), изготовленные из четырехгранных стержней, предназначенные для ловли крупной рыбы. Крючки типа 2 не имеют петель для лески, у них жало без бородки. Головка цевья расплющена в лопаточку (тип 2 по В. К. Михееву) (рис. 13, *8*). Тип 3 — крючки с расплющенной в лопаточку головкой цевья и коротким жалом с маленькой бородкой (близок к типу 5 по В. К. Михееву). Один встречен на Титчихинском городище (рис. 13, *4*) и два на Животинном (рис. 13, *9, 10*). Тип 4. Крючок этого типа найден в единственом числе на Титчихинском городище. Это крупный крючок с прямым цевьем, конец которого загнут вовнуть, короткое жало имеет бородку (рис. 13, *1*), аналогичен типу 6 по В. К. Михееву.

Крючки типа 1 имеют довольно широкое распространение на славянских памятниках Дона, но наиболее часто они встречаются на поселениях Верхнего Дона (р. Воронеж). На других памятниках восточнославянского мира конца I тысячелетия крючки этого типа встречаются редко (14, с. 76). А. В. Куза обратил внимание на широкое распространение данных крючков на салтово-маяцких памятниках (12, с. 134). Работы В. К. Михеева подтвердили эту мысль (13, с. 54). Довольно широко распространены на славянских поселениях крючки третьего типа (15, с. 25).

Кроме крючков для ловли рыбы использовались составные трехзубые остроги. Один коленчатый зуб такой остроги был найден на Титчихинском городище (рис. 14, *2*), три зуба, лежащие рядом, естественно, без деревянной основы обнаружены на Воргольском городище (рис. 14, *1*). Острога — это орудие ударного действия, предназначенное для ловли очень крупных рыб (16, с. 226), которые, как видно из анализа костных остатков, были нередки в Дону в конце I тысячелетия.

Широко был развит у донских славян и подледный способ добычи рыбы, о чем свидетельствуют находки пешней — массивных втульчатых наконечников. Встречены они

на Титчихинском (рис. 14, *12*), Кузнецовском (рис. 14, *5*), Животинном городищах. На I Белогорском городище в жилище вместе с тремя рыболовными крючками были найдены долотообразные орудия (рис. 13, *3, 4*), которые, по мнению В. К. Михеева, могли использоваться в качестве пешней (13, с. 56).

Кроме крючков, острог ловлю рыбы осуществляли при помощи сетей. На поселениях донских славян обнаружены небольшие цилиндрические глиняные грузики (рис. 14, *9*), но их очень немного. Вероятно, в большей мере использовались каменные грузила, которые прикреплялись к сетям непосредственно у водоема и на поселении не встречены. Зато на поселениях найдены в большом количестве костяные иглы-кочедыки для плетения сетей (рис. 14, *5—8*). А. Н. Москаленко выделила на Титчихинском городище участок концентрации костяных игл, где, по ее мнению, «...было удобно плести сети и растягивать их для починки» (7, с. 35). На Большом Боршевском городище костяные острия в ряде жилищ встречены в комплектах по три-пять штук (2, с. 46). Аналогичная картина прослежена и на Животинном городище, где в некоторых жилищах также выявлены серии костяных игл — от трех до шести штук. Такое количество, как отмечает А. В. Куза, и требовалось при вязании сетей (12, с. 135).

Около 40 лет назад И. И. Ляпушкиным была высказана мысль, что у восточных славян рыболовством занимались лишь отдельные семьи (15, с. 216). С мнением И. И. Ляпушкина не согласились многие исследователи, считая рыболовство занятием каждой семьи. Действительно, рыбьи кости и чешуя на ряде поселений встречены в культурном слое, во многих хозяйственных ямах, жилищах, что свидетельствует о широком потреблении в пищу рыбы, а распространение костяных игл-кочедыков для плетения сетей говорит о вовлечении в рыбный промысел большого числа жителей славянских поселений. Но в то же время обращает на себя внимание факт концентрации и орудий лова, и костей рыбы, и чешуи в отдельных жилых и хозяйственных постройках.

На I Белогорском городище из четырех рыболовных крючков три были найдены в полуземляночном жилище 6, в этой же постройке было найдено долотовидное орудие значительных размеров, которое вполне могло быть использовано в качестве пешни. На этом городище в хозяйственной яме 10 было обнаружено значительное количество рыбьих костей и чешуи (около 1,5 кг), в яме 6 также было выяв-

лено значительное число костей рыб и чешуи. При этом необходимо отметить, что в других постройках и в культурном слое найдены единичные кости рыб. На Животинном городище шесть из одиннадцати рыболовных крючков обнаружены в постройке 29. Здесь также в одной из хозяйственных ям выявлено значительное число рыбьих костей при наличии их в незначительном количестве во многих жилищах, ямах, в культурном слое. На Большом Боршевском городище расчищена яма, на дне которой обнаружен слой в 10 см рыбьих костей и чешуи, «который мог получиться лишь в результате хранения в яме сушеной рыбы». Здесь были найдены остатки 16 судаков, 25 лещей, 11 жерехов, 4 вырезубов, 1 красноперки (17, с. 124).

Приведенные примеры дают возможность предположить, что наряду с добычей рыбы каждой семьей и владением ею рыболовецкими орудиями, существовали и специалисты-рыболовы, промышлявшие на особо крупных рыб и снабжавшие ими других жителей поселка в обмен на какие-то другие товары.

В целом, говоря о характере рыбного промысла, необходимо отметить, что это была исключительно важная отрасль хозяйства, неотъемлемая часть хозяйственного уклада донских славян. И вряд ли есть смысл говорить о рыболовстве как о вспомогательной отрасли, оно было столь же необходимо, как земледелие, животноводство и охота (12, с. 137).

§ 3. Металлургия и металлообработка

Одной из важнейших отраслей хозяйства донских славян являлись металлургия и металлообработка, т. е. изготовление изделий из металла, прежде всего из железа. О местной металлургии железа свидетельствуют очень многие факты и прежде всего значительное количество железного шлака, встреченного на всех без исключения раскапывавшихся поселениях. Шлак встречен и в культурном слое, и в хозяйственных ямах, и в жилищах (в заполнении, на полу, в очагах). Отмечены случаи использования железного шлака в качестве строительного материала при сооружении печей. Сырье, т. е. болотная руда, на территории лесостепного Дона встречается в значительном количестве.

Специальные металлургические печи, в которых плавилась руда, встречены лишь на двух поселениях: Кузнецовском и Животинном. Печи Кузнецовского городища неод-

нократно описывались в литературе (18, с. 3—34). Здесь мы только отметим, что они сооружались в полуземляночных постройках. Во всех этих помещениях обнаружены находки бытового характера, украшения, свидетельствующие об их использовании и в качестве обычных жилых помещений (19).

Вероятно, плавку железа в жилищах осуществляли и жители Титчихинского городища. На площади поселения, в жилых и хозяйственных комплексах встречены не только отдельные куски шлака и их скопления, но и большое число фрагментов перегоревшей до синевы, ошлаковавшейся керамики. Это, как правило, большие сосуды, форма которых не восстанавливается из-за сильной деформации. Хотя ошлаковавшаяся керамика и встречена на всей раскопанной площади, тем не менее можно наметить отдельные места ее концентрации.

А. Н. Москаленко уже отмечала, что иногда куски шлака повторяли форму глиняных горшков. Их обнаружено несколько десятков, а находок шлаков на дне сильно пережженных горшков и потому не отделявшихся от них насчитывается восемь экземпляров. Ошлаковавшаяся керамика вместе со шлаком встречена и на Животинном городище.

Раскопки В. А. Городцова в 1926 г. в Старой Рязани выявили ряд жилищ, в которых производилась плавка руды в глиняных горшках в обычной домашней печи.

А. Л. Монгайт, анализируя материалы раскопок 1926 г., подчеркнул, что «варка» железа в горшках в домашней печи была «древнейшим и простейшим способом» его производства. Им во время послевоенных раскопок Старой Рязани были найдены железные слитки, имевшие форму дна сосуда, которые могли быть получены в горшке в обыкновенной печи» (20, с. 98—99).

На Титчихинском поселении этот способ получения железа был распространен, вероятно, довольно широко. Это или плавка непосредственно из руды, или вторичное использование шлаков в новой плавке. Вряд ли этим способом получения железа пользовались все жители поселения, несмотря на его некоторую простоту. Во-первых, находки шлака отмечены далеко не во всех жилых постройках. Они найдены в районе печей жилищ 7, 21, 29, 32, 33, 39, 43. В этих жилищах и вокруг них обнаружено значительное число фрагментов ошлаковавшейся керамики. О варке железа в горшках населением Большого Боршевского городища пишет Б. А. Рыбаков по материалам раскопок П. П. Ефименко (21, с. 132).

Одна из специальных печей для получения железа раскопана на Животинном городище. Располагалась она в постройке 39 на площади мыса в его центральной части. Выявлена постройка только на уровне материка. В плане она имеет прямоугольную форму, ориентирована длинной осью по линии ССЗ—ЮЮВ. Размеры ее 1,46—1,7×3—3,5 м. Глубина в материке 0,2—0,65 м. Значительную часть постройки занимает весьма массивная глинобитная печь подковообразной формы. Ее размеры 1,4×1,8 м. Высота сохранившейся части — 0,62 м. Толщина стен — 0,18—0,15 м. Вся она очень сильно прокалена, так же прокален и материковый пол в районе печи. В основании печи обнаружены массивные камни со следами сильного действия огня. В заполнении печи обнаружены фрагменты от славянского сосуда конца I тысячелетия, а также 39 кусков железного шлака и точильный камень. В северо-западном углу котлована постройки на сильно прокаленной глиняной материковой площадке размером 0,4×0,84 м выявлено скопление железного шлака — 397 кусков, из них большинство довольно массивные, а некоторые имеют форму или стенок, или нижней части сосудов. Вместе со шлаком обнаружены один венчик, пять днищ и 27 стенок от славянских лепных сосудов (10 стенок сильно ошлакованы). К северо-восточной стене постройки примыкает яма, которая составляет с ней единый комплекс. В плане она округлой формы 1,31×1,1 м. Глубина материкового основания 0,39—0,42 м. Пол ямы имеет одинаковый уровень с полом постройки. Заполнение глинистое, особенно в южной части ямы. Вверху заполнения — большие куски шлака, в нижней части — маленькие (всего 280 кусков). В северной части заполнение сильно гумусированное, прокаленное.

Данная постройка является производственным помещением для плавки металла. Вероятно, она имела какую-либо деревянную конструкцию — на материковом полу у юго-западной стены обнаружена плаха.

Кроме «варки» железа в горшках славянским населением Дона использовался и сыродутный способ получения железа в специальных горнах, широко распространенный у восточных славян в конце I тысячелетия н. э. Горны располагались, как правило, ближе к сырью, за пределами или на самой окраине поселений (22, с. 26—29).

Об использовании донскими славянами сыродутного способа получения железа свидетельствует находка на Животинном городище обломка сопла, край которого сильно ош-

лакован (рис. 15, *1*). Он представляет собой мундштучную часть, диаметр внутреннего отверстия у выхода 1,5 см, далее он расширяется до 3 см, длина около 7 см. Обломок сопла (около 5 см) найден на Титчихинском городище (рис. 15, *2*). Он имеет форму цилиндрической трубочки с отверстием овальной формы 10×15 см. О сыродутном способе получения железа свидетельствует также довольно массивная крица, обнаруженная на I Белогорском городище. Она имеет овальную форму, весом 2,8 кг*. В целом можно отметить, что у донских славян масштабы железоплавильного производства достигли значительных размеров, позволяющих обеспечить производство необходимого количества орудий труда, оружия, бытовых предметов, украшений.

В литературе уже подчеркивалось, «что доменное и кузнечное дело находились в древнерусской деревне в руках одних и тех же мастеров» (21, с. 133).

Производственные помещения, открытые на некоторых поселениях, в частности, на Кузнецовском городище, также свидетельствуют о совмещении производства металла и кузнечного дела. Не исключено, что и в тех жилищах, в которых зафиксирована «варка» железа в горшках, занимались и кузнечным делом. На Титчихинском городище А. Н. Москаленко не зафиксировала каких-либо следов специализированного кузнечного дела.

Наряду с производственными помещениями, предназначенными и для плавки железа, и для выполнения кузнечных работ, у донских славян были и специализированные кузнечные мастерские. Одна из них была исследована на I Белогорском городище. Открыта она на площади между первой и второй линиями укреплений. Кузница эта имеет несколько неправильную прямоугольную форму размером 2,6×2,85 м, углублена в материк на 0,2—0,3 м, т. е. почти наземного типа. В северо-западном углу постройки расчищено небольшое углубление, в котором стояла каменная наковальня с плоской 0,25×0,3 м рабочей поверхностью. Общий вес наковальни более 28 кг, вокруг нее много мелких угольков и окалин металла. У западной стены выявлен открытый очажок, обложенный камнями. Глубина его 0,4 м, диаметр 0,45 м. На полу рядом с наковальней лежали кузнечные клещи, представлявшие собой две ветви, соединенные шарниром (рис. 15, *3*). Длина клещей 0,55 м. Кроме нако-

---

* Хранится в Воронежском областном краеведческом музее.

вальни и клещей на полу обнаружен точильный камень. Подтверждением использования данной постройки в качестве кузницы является значительное скопление шлака вокруг нее в культурном слое.

К постройкам производственного назначения можно отнести постройку 46 на Животинном городище. Она отличается от обычных жилых своей формой, внутренним интерьером и отопительным сооружением. В плане округло-овальной формы 3,92×4,2 м. Глубина котлована 0,8 м. В нижней части заполнения встречено значительное число угольков. С северной стороны вдоль стены идет ступенька-лавка из плотной материковой глины шириной 0,4 м. Местами она имеет следы довольно сильного прокала. В центре пола котлована расчищена округлая яма размером 0,9×1,1 м, глубиной 0,2 м. В юго-восточном углу в подбое глубиной 0,4 м, высотой 0,34 м выявлены остатки печи, сложенной из сильно прокаленных камней. В ее заполнении найдены куски железного шлака. Шлак в большом количестве обнаружен и в слое вокруг постройки. Узким проходом данная постройка соединяется с жилым помещением 42, составляя с ним единый комплекс.

Постройки аналогичного устройства встречены И. И. Ляпушкиным на Новотроицком городище. Материковые останцы-лавки им интерпретированы как «...верстаки (рабочие столы), на которых производились огнеопасные работы (15, с. 199). По мнению И. И. Ляпушкина, именно постройки с печами в виде подбоев, «ничего общего не имеющих с бытовыми печами», можно рассматривать как кузницы.

Кузнечное производство требовало определенного набора инструментов. Он в достаточно широком ассортименте представлен в материалах поселений: упомянутые выше клещи, ножницы по металлу (рис. 15, *4*), зубила (рис. 15, *5*), долота (рис. 15, *9*), шилья (рис. 15, *6*), пробойники (рис. 15, *7*, *8*) и т. д. И хотя эти предметы обнаружены на разных памятниках и не отражают полного набора, в целом они дают представление об инструментарии кузнеца.

Уровень развития металлургии и металлообработки у донских славян обеспечивал их необходимым количеством и ассортиментом железных изделий. Кроме рассмотренных выше орудий земледельческого, животноводческого и охотничьего хозяйств, рыболовного промысла, славянские кузнецы изготовляли разнообразные орудия труда, связанные с обработкой дерева. Строительство жилищ, сооружение деревянных оборонительных укреплений, изготовление дере-

вянной посуды — все это требовало разнообразного инструмента.

К деревообрабатывающим инструментам, безусловно, следует отнести прежде всего топоры, которых найдено три целых и несколько обломков. Два целых узколезвийных топора с прямоугольным, слегка скошенным обухом, обнаружены на I Белогорском городище (рис. 16, *1, 3*). Аналогичные топоры были широко распространены на памятниках второй половины I тысячелетия н. э. в Восточной Европе. Но особенно часто они встречаются на памятниках салтово-маяцкой культуры (13, с. 133). Один топор, относящийся к группе широколезвийных топоров, был найден на Малом Боршевском городище (рис. 16, *2*). Подобные топоры появляются в X в. и широко распространяются в последующее время (23, с. 38).

Значительна и разнообразна коллекция бытовых предметов. Среди них: ножницы для стрижки овец (рис. 17, *1*), кресала (рис. 17, *7, 8*), трубочки для фитиля (рис. 17, *12, 13*), замок (рис. 17, *11*), ключ для внутреннего замка (рис. 17, *5*), кочедыки (рис. 17, *2, 3*), дужки от ведер (рис. 17, *17*), скобы (рис. 17, *14, 15*), ушки от деревянной посуды (рис. 17, *10*), и конечно, ножи, на характеристике которых следует остановиться подробнее.

К сожалению, в археологической литературе характеристике ножей уделено мало внимания, хотя это одна из наиболее массовых категорий находок. Б. А. Колчин, анализируя материалы Древнего Новгорода, не только разделил ножи по строительным ярусам, выявив определенные технологические особенности их производства для отдельных периодов, но и дал их классификацию по функциональному признаку: хозяйственные кухонные, хозяйственные столовые; рабочие столярные, рабочие косторезные, рабочие сапожные; лекарские хирургические; рабочие малые; боевые ножи — «засапожники» (22, с. 54—55). Ножи с поселений донских славян представлены, главным образом, хозяйственными ножами универсального назначения.

Одной из первых статей, посвященных раннесредневековым ножам Восточной Европы, является работа А. Е. Леонтьева о ножах Сарского городища (24, с. 33). По положению черешка относительно спинки клинка и способу их соединения все ножи разделены им на три отдела: 1) ножи, у которых черешок продолжает спинку обушка; 2) с черешком, расположенным ниже обушка, и уступом между ними; 3) ножи с плавным переходом от спинки к низкому черешку;

Эта типология скоррелирована А. Е. Леонтьевым с данными металлографического анализа, и автор приходит к выводу, что основным формам орудий соответствуют определенные способы их изготовления.

Классификации хозяйственных ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья посвящена и статья Р. С. Минасяна (25, с. 68). По характеру перехода клинка в черенок и по форме клинка им выделено четыре группы ножей: 1. Ножи, у которых спинка клинка непосредственно переходит в черенок, образуя одну линию. 2. Черенок отделен от клинка асимметричными уступами, которые «...образуют со спинкой и режущей кромкой тупые углы». 3. Так называемые ножи «аланского типа» в деревянных ножнах, основной характерной чертой которых является отделение черенка от клинка строго перпендикулярными уступами. 4. Ножи, у которых «кончик черешка шилообразный, иногда загнут и расклепан». Клинки имеют четкие уступы, отделяющие их от черенка. По мнению Р. С. Минасяна, ножи этой группы появляются в Восточной Европе с середины VIII в.

Таким образом, те исследователи, которые специально занимались раннесредневековыми ножами, в основу типологии кладут характер перехода клинка в черенок. Исходя из этого признака, ножи, найденные на поселениях донских славян, можно разделить на четыре типа. При этом следует помнить, что за основу анализа взяты ножи с двух городищ (Титчихинского и Животинного), на которых имеются значительные коллекции. Другие памятники (Малое и Большое Боршевские, I и II Белогорские, Воргольское городища и др.) дали небольшое количество ножей, не вносящих каких-либо дополнений в предлагаемую типологию.

Тип 1 (рис. 18, *1—3*). Ножи с прямой спинкой, непосредственно переходящей в черенок и образующей с ним прямую линию, а лезвие или плавно переходит в черенок, или имеет уступ. Эти ножи составляют 24% анализируемых ножей. Из всех ножей данного типа 76% встречно на Животинном городище.

Тип 2 (рис. 18, *4—6*). Ножи с уступчатым или плавным переходом от лезвия и спинки к черешку. Ножей этого типа найдено 47. Они составляют 51,7% всех анализируемых ножей.

Тип 3 (рис. 18, *7—10*). Ножи, у которых в виде перекрестия под прямым углом лезвие и спинка отделяются от черенка. Ножей этого типа встречено 17 экземпляров (9 на

Титчихинском и 8 — на Животинном городищах), что составляет 18,7% всех анализируемых ножей.

Тип 4 (рис. 18, *11*). Ножи с непосредственным переходом лезвия в черенок и уступом в месте перехода спинки в черенок. На Титчихинском городище таких ножей нет. Они встречены на Животинном городище (три ножа — около 6%).

Ножи типа 1, у которых спинка и черенок образуют одну линию, по мнению Р. С. Минасяна и как подчеркивает А. Е. Леонтьев (24, с. 39), широко распространены на раннесредневековых памятниках лесной зоны.

Ножи типа 2 являются самой многочисленной группой у донских славян. По мнению Р. С. Минасяна, эти ножи со второй половины I тысячелетия являются ведущей формой на славянских памятниках Восточной и Центральной Европы (25, с. 70). На это же указывает и А. Е. Леонтьев (24, с. 42). Ножи этого типа действительно встречены на многих славянских памятниках конца I тысячелетия н. э.

Широко распространены ножи с перекрестием под прямым углом, отделяющим лезвие и спинку от черенка (тип 3). Р. С. Минасян, как подчеркивалось, называет их ножами «аланского типа». Одной из особенностей этих ножей, по его мнению, является наличие деревянных ножен. Действительно, аналогичные ножи часто находят в салтовских погребениях в деревянных ножнах, известны они и на поселениях и, естественно, без ножен. Ножи эти использовались, вероятно, не только в качестве метательного оружия (25, с. 72), но и как обычные хозяйственные. Ножи типа 3 на славянских памятниках лесостепного Дона являются одним из ведущих типов. Аналогичные ножи встречены на славянских памятниках Днепровского бассейна.

На Животинном городище обнаружено три ножа с волютообразным навершием (рис. 18, *12—14*), один нож с волютами найден на Семилукском городище (раскопки А. Д. Пряхина). Ранее такого типа ножи не были известны на памятниках донских славян. Ножи с волютообразным навершием вообще являются довольно редкой находкой на славянских памятниках второй половины I тысячелетия. Р. С. Минасян, опубликовавший статью о ножах с волютообразным навершием приводит сведения лишь о 22 ножах с территории Восточной и Центральной Европы (26, с. 149). По его мнению, наиболее ранние ножи данного типа встречены на территории Польши и датируются VI—VII вв., а в

Восточной Европе — в пределах VIII—X вв. После X в. они выходят из употребления.

Не совсем ясно назначение этих ножей. Единственный нож, найденный на Новотроицком городище, И. И. Ляпушкин интерпретирует как сапожный (15, с. 102). Обломанный нож с Каневского поселения Г. Г. Мезенцева называет «небольшим кинжалом» (27, с. 102). Р. С. Минасян называет ножи с волютообразным навершием ритуальными, которые использовались язычниками-славянами при жертвоприношениях (26, с. 152). Такой же точки зрения придерживается и В. В. Седов (28, с. 268).

К сожалению, местонахождение ножей с волютами на Животинном городище не вносит дополнительной информации в данный вопрос. Нет основания не согласиться с точкой зрения Р. С. Минасяна и В. В. Седова.

Металлургия и металлообработка донских славян не только давала возможность обеспечить всем нужным инвентарем внутрихозяйственную жизнь, но и снабжала необходимым военным снаряжением. На славянских поселениях Дона обнаружено двадцать пять наконечников стрел (рис. 12): 12 — на Титчихинском, 7 — Животинном, 3 — 1 Белогорском, 2 — Архангельском, 1 — на Воргольском городищах. Типология стрел Титчихинского городища сделана А. Н. Москаленко (7, с. 138). Наконечники стрел, обнаруженные на других памятниках, не нарушают этой типологии. Кроме наконечников стрел на Титчихинском городище найдены обрывки железной кольчуги, а на Титчихинском и Воргольском городищах — обломки мечей. На городище «Михайловский кордон» обнаружен наконечник сулицы (рис. 12, *19*). На памятниках донских славян выявлен ряд предметов, связанных с конской упряжью: распределительное кольцо на Малом Боршевском городище, обломок стремени с Животинного городища, удила с псалиями из ровика 24 кургана Боршевского могильника.

Обрабатывается донскими славянами и цветной металл: бронза и серебро. О том, что плавка цветных металлов осуществлялась непосредственно на поселениях донских славян, свидетельствуют находки глиняных и каменных тиглей на Титчихинском, Большом Боршевском, Животинном городищах, (рис. 19, *1—4*) и льячек на Воргольском городище (рис. 19, *5—8*). О местной плавке цветных металлов свидетельствуют и обломки литейных формочек, обнаруженные на Титчихинском и Большом Боршевском городищах.

Помимо свидетельства литейного производства на посе-

лениях донских славян выявлены и мастерские по обработке и изготовлению изделий из цветных металлов. Одна из них раскопана А. Д. Пряхиным на Воргольском городище (29, с. 119). Это была не специализированная постройка, а обычное жилое помещение с сильно разрушенной печью-каменкой в северо-западном углу.

Аналогичная постройка раскопана и на Животинном городище. Это полуземлянка площадью 17,2 кв. м, глубиной в материке 0,66—1,1 м. На полу найдено скопление бронзовой стружки (сырье или остатки производства), бронзовая серьга, ряд костяных проколок, пряслице. В северном углу расчищены остатки плохо сохранившейся печи-каменки. И в данном случае обычное жилище служило одновременно и мастерской. О том, что у славян мастера-ювелиры работали в обычных жилых помещениях, пишет и И. И. Ляпушкин (15, с. 217—218).

Одним из направлений обработки цветных металлов восточных славян в конце I тысячелетия н. э. было изготовление различного рода украшений. При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что, как отмечали П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, у восточных славян отсутствовала склонность «...к обильным украшениям из металла», и подчеркивали простоту мужского и женского наряда, которую «можно считать одной из этнографических черт восточных славян» (2, с. 14). И. П. Русанова отмечала, что одной из особенностей культуры ранних славян (пражского типа) является «отсутствие среди находок специфических украшений, за исключением вещей общеевропейских типов» (32, с. 197). Продолжая мысль И. П. Русановой, можно отметить, что славяне в процессе расселения по восточноевропейской равнине и вступления в контакты с различными народами (финскими, балтскими, тюркскими, аланами) заимствовали у них некоторые типы украшений. Нередко у восточных славян отдельные украшения появлялись в результате торговых отношений. Таким образом, не все найденные на славянских поселениях ювелирные изделия следует рассматривать как результат местного производства. Подтверждением этому являются украшения, встреченные на славянских памятниках Верхнего и Среднего Дона.

Безусловно, славянскими мастерами на месте изготовлены разнообразные височные подвески, колечки, обнаруженные на всех раскапывавшихся поселениях (рис. 20), и иные украшения, широко представленные в славянских древностях других территорий.

Часть украшений, встреченных на памятниках донских славян, как считает А. Н. Москаленко, является результатом местного производства, но изготовлены по восточным образцам. К таким она относит пяти- и семилучевые височные кольца и лунницы (рис. 21).

Неясным остается вопрос о сырье для бронзолитейного дела, но мы можем с полным основанием утверждать, что бронза находила очень широкое применение у донских славян. И это не только украшения, но и оковки деревянных сосудов, детали крепления и оковки сундуков и другие предметы.

Что касается изделий из серебра, то, вероятно, основным сырьем являлись арабские монеты, которые на памятниках среднего Дона встречены в достаточно большом количестве. Арабские дирхемы не только выступали в качестве сырья для изготовления других украшений, но и довольно часто сами служили украшением. Многие обнаруженные на Титчихинском городище монеты пробиты, а некоторые — дважды. Монета с отверстием, сильно обожженная, обнаружена вместе с кальцинированными костями в одном из курганов на II Белогорском могильнике. На Большом Боршевском городище найдена бронзовая трапециевидная подвеска с припаянным к ней дирхемом (2, с. 50).

Таким образом, материалы раскопок поселений позволяют говорить достаточно уверенно об определенной степени развития у донских славян ювелирного дела, которое хотя и не удовлетворяло полностью спрос на украшения, но соответствовало общему уровню развития экономики у славянского населения Дона.

Украшения, обнаруженные у донских славян, представлены и целой серией вещей салтово-маяцкой культуры (серьги, перстни, бубенчики и др., рассмотренные в гл. IV). Они появились или в процессе торговли славян с южными соседями, или в результате проникновения алано-болгар в славянский мир. На поселениях донских славян встречен ряд предметов, связанных с финским миром, бронзовые треугольные орнаментированные подвески (рис. 22, *1—3*), коньковые подвески (рис. 22, *4, 5*), усатые перстни (рис. 22, *6, 7*). На славянских среднедонских поселениях выявлены вещи угорского круга: на Большом Боршевском городище — бронзовая бляшка (рис. 22, *8*), на Архангельском городище — две бронзовые позолоченные бляхи (рис. 22, *9, 10*).

Безусловно, земледелием и животноводством, охотой и рыболовством, обработкой черных и цветных металлов не

исчерпываются занятия донских славян. Необходимо упомянуть о ткачестве, обработке кож, шерсти, кости. В целом они отвечают общему уровню развития аналогичных видов ремесел и промыслов у других групп славянского населения Восточной Европы. Необходимо лишь подчеркнуть исключительно разнообразный ассортимент изделий из кости и рога: иглы (кочедыки) для вязания сетей, лощила и скребки, терочники, псалии, многочисленные амулеты и другие изделия (рис. 23; 24).

§ 4. Торговля донских славян

У донских славян к концу I тысячелетия вряд ли существовал в развитом виде внутренний обмен. Даже при довольно высокоразвитых металлообрабатывающем производстве и других видах домашних ремесел ни на одном поселении не выявлено каких-либо крупных производственных комплексов, позволяющих заявлять о наличии специалистов-ремесленников, живших только за счет своего ремесла. Вряд ли можно говорить о существовании у донских славян в VIII—X вв. таких совершенно самостоятельных отраслей хозяйства, как железоделательное, кузнечное, ювелирное. Но при этом нужно отметить, что отрицать вообще внутренний обмен также нет оснований. Кузнецы, ювелиры, другие мастера, хотя, вероятно, полностью не оторвались от земледельческого и скотоводческого хозяйства, тем не менее эту свою продукцию, которую, как считает И. И. Ляпушкин, изготовляли на заказ, получали плату в виде различных натуральных продуктов (4, с. 149).

Больше оснований мы имеем говорить о довольно развитой внешней торговле донских славян. При этом необходимо иметь в виду географическое положение донской славянской группировки. Это были окраинные восточные районы славянского мира. Донские славяне не только сами торговали с Востоком, но и являлись своеобразной перевалочной базой, через которую осуществлялась торговля Востока с другими районами восточнославянского мира. О широкой торговле с арабским Востоком свидетельствуют многочисленные находки дирхемов. А. Н. Москаленко приводит сводку арабских монет, найденных в бассейне лесостепного Дона (18, с. 102). Она отмечает находки четырех кладов (Девицкий, Титчихинский, Острогожский и с Малого Борщевского городища) и отдельных монет (на Титчихинском городище — 8; с. Борщево — 1 (случайная находка), на

Большом Боршевском городище — 2, с. Урыв — 1, на Кузнецовском городище — 1, г. Елец — 2, Воргольское городище — 1, с. Павловское — 3). Подводя итоги исследования памятников донских славян к концу 60-гг., А. Н. Москаленко пишет, что «...дирхемы были найдены почти на всех поселениях, где велись раскопки. Это позволяет полагать, что последующие раскопки дадут новые находки куфических монет» (18, с. 105). К сожалению, этот прогноз А. Н. Москаленко не оправдался. Проведенные раскопки на городищах I Белогорском, Животинном, «Михайловский кордон», расположенных на р. Воронеж, не дали находок арабских монет. Не появилось новых монет и на Воргольском городище. Можно еще раз упомянуть лишь одну монету, найденную в одном из курганов II Белогорского могильника.

Таким образом, нетрудно заметить, что практически все монетные находки сосредоточены на Среднем Дону. Лишь пять разрозненных монет обнаружены на Верхнем Дону, включая р. Воронеж. И это, вероятно, не случайно. Торговля осуществлялась и с алано-болгарским миром, населением салтово-маяцкой культуры, непосредственно примыкающим с юга к территории, занятой донскими славянами.

Как уже неоднократно подчеркивалось, с арабского Востока и с юга к донским славянам поступали многочисленные украшения из стекла и цветного металла, куфические монеты, которые служили и сырьем для ювелиров, и украшениями, раковины каури, вина, масла и другие жидкие продукты, о чем свидетельствует наличие тарной посуды (пифосы, амфоры). В свою очередь донские славяне на внешний рынок могли предложить только продукты домашнего промысла и прежде всего охоты: меха бобров и других животных, кожи. Охота на бобра на среднедонских поселениях в районе расселения вятичей занимала ведущее место в охотничьем промысле. Кроме того, вероятно, продавалась или обменивалась вяленая или сушеная рыба, особенно ее ценные сорта. Ассортимент славянских товаров был не столь разнообразен, но крайне необходим для арабского Востока.

В свое время предметом дискуссии был вопрос о путях, по которым осуществлялась торговля восточных славян с Востоком: Волга — Дон — Северский Донец (через Хазарию) (4, с. 152) или Волга — Ока (через Булгар), (30, с. 97; 31, с. 105).

И. И. Ляпушкин большую посредническую роль в торговле восточных славян с Востоком отводил Хазарскому каганату. Не без основания он писал, что при содействии насе-

ления салтово-маяцкой культуры славяне получали в обме на свои продукты куфические монеты, а также всевозмож ные изделия из цветных металлов (4, с. 152). Кроме тог он отмечал, что и сами арабские купцы проникали в землю славян, живших по Дону, Донцу и в Днепровском Левобе режье. И. И. Ляпушкин считал, что лишь в конце IX — на чале X вв., в связи с печенежским вторжением в южнорус ские степи, Волго-Окский путь через Булгар становится глав ным в славяно-восточной торговле (4, с. 152).

А. Л. Монгайт подчеркивает, что начало интенсивных тор говых связей славян с Востоком совпадает с проникновение их в район Средней Оки и с тех пор Волго-Окский путь ста главным и единственным в этих связях, в том числе и дл донских славян (30, с. 87).

На наш взгляд, нельзя в данном вопросе категорично ста новиться на ту или иную позицию. Полностью отрицат «южный путь» торговли с Востоком, как это делает А. Л Монгайт, не позволяют имеющиеся материалы, свидетель ствующие о прочных экономических связях донских славя с алано-болгарским миром. Но в то же время не совсе прав и И. И. Ляпушкин, утверждавший, что с конца IX в юго-восточный торговый путь Волга — Дон — Донец в свя зи с печенежскими набегами прекратил функционировать Во второй половине IX в. наблюдается значительный прито славянского населения на Средний Дон, а многие арабски монеты, встреченные на поселениях Среднего Дона, датиру ются первой половиной X в. О торговле вятичей с Востоко путем Дон — Переволока — Волга и далее город Итиль на Волге пишет и Б. А. Рыбаков (33, с. 282).

Говоря о торговых связях донских славян, необходим отметить, что Средний Дон стоял и на пути караванно сухопутной торговли с Востоком. Некоторые интересные де гали организации и проведения караванной торговли араб ского мира с Древней Русью среднедонских славянских по селений отмечает и В. В. Кропоткин (34).

Довольно основательно этот вопрос рассмотрен Б. А. Ры баковым, анализировавшим караванный путь Киев — Булгар по материалам карты Идриси 1154 г. По его мнению, это путь мог идти следующим образом: Киев — водораздел Сейма и Сулы — верховья Северского Донца — Дон (между Воронежем и устьем Тихой Сосны) — верховья Цны и Хопра — водораздел Мокши и Суры — Болгар (35, с. 30). В другой работе Б. А. Рыбаков конкретизирует место возможной остановки каравана купцов с товарами, шедшими

из Булгара в Киев. Таким он считает городище «Михайловский кордон» на р. Воронеж, связывая его с упомянутым в арабских источниках г. Вантитом, расположенным в «самом начале пределов славянских», в названии которого, по его мнению, нашло отражение имя племени вятичей (36, с. 193). Несколько противоречивую мысль о возможном месте г. Вантита высказал Б. А. Рыбаков еще в одной работе, где он пишет, что таковым могло быть или Большое Боршевское городище на р. Дон или упомянутый выше «Михайловский кордон» (37, с. 51). В обобщающей работе, посвященной Киевской Руси, Б. А. Рыбаков неоднократно обращается к анализу торгового сухопутного пути Булгар — Киев и вновь предлагает рассматривать городище «Михайловский кордон» как г. Вантит в земле вятичей, на восточной окраине славянского мира (33, с. 183). В этой же работе он вводит в научный оборот понятие «воронежский узел». Его характеризует: 1. Середина сухопутной дороги — Булгар — Киев (проходившей на один день пути южнее Воронежа). 2. Крайние восточные поселения славян (по археологическим данным). 3. Восточная граница государства Руси. 4. Первый с востока славянский город «Вантит» (может быть, «Михайловский кордон»?) и ряд других признаков, которые с различных точек зрения связаны с сухопутным торговым путем (33, с. 221).

Но здесь необходимо отметить, что середина сухопутной дороги и, вероятно, остановка каравана связывается не с г. «Вантитом» («Михайловский кордон» на р. Воронеж), а «один день пути южнее Воронежа», т. е. на Дону. О середине пути, находившемся «где-то у Дона южнее Воронежа», пишет Б. А. Рыбаков еще в одном месте данной книги (33, с. 330).

Городище «Михайловский кордон» действительно одно из самых крупных славянских поселений в бассейне Дона. Площадь его 9 га. На площади городища насчитывается около 600 западин — остатки жилищ-полуземлянок. И хотя они все не одновременны, тем не менее данное поселение было одним из самых многолюдных в бассейне Верхнего и Среднего Дона. Незначительные раскопки городища, проведенные экспедицией ВГУ в 1985, 1989 гг., дали интересный материал, свидетельствующий о наличии здесь, как и на других славянских памятниках на р. Воронеж алано-болгарского населения. Выявлены довольно мощные и далеко не ординарные оборонительные сооружения. Все это может служить основанием для увязки поселения у Михайловско-

го кордона с г. «Вантитом» в земле вятичей, что и делает Б. А. Рыбаков. Но вместе с тем необходимо иметь в виду и следующие обстоятельства. Изучение погребального обряда славян лесостепного Дона показало, что курганы с деревянными погребальными конструкциями, связываемые с вятичами, сосредоточены на Среднем Дону (Боршевский могильник), а для славян, обитавших на р. Воронеж, характерны курганы без деревянных конструкций, более близкие к культуре Лука-Райковецкого Днепровского Правобережья (см. гл. III настоящей работы). Таким образом, городище «Михайловский кордон» расположено не в земле вятичей, которая в бассейне Дона начиналась несколько южнее, там, где, по мнению Б. А. Рыбакова, фиксируется середина пути Булгар — Киев. Во-вторых, не совсем убедительно звучит, что городище «Михайловский кордон» расположено в самом начале «пределов славянских». И сам Б. А. Рыбаков почти во всех случаях пишет о городище «Михайловский кордон» как о Вантите без полной уверенности, со знаком вопроса.

Безусловно, одним из опорных пунктов в торговле донских славян с Востоком было Титчихинское городище. Многочисленные находки монет, бусы и другие украшения, импортная тарная керамика, исключительно удобное географическое положение (действительно, «первый город в славянской земле»), кости верблюда (транспортное животное в караванной торговле), наличие клетей вдоль внутреннего вала, в которых могли останавливаться купцы с товарами (36, с. 194), — все это дало основание А. Н. Москаленко высказать мнение о возможности отождествления поселения на месте городища Титчиха с «Вантитом» (18, с. 79), и в настоящее время нет данных, которые бы этому противоречили.

В целом, оценивая роль торговли у донских славян, необходимо отметить, что она, с одной стороны, являлась существенным элементом экономики, восполняя недостающее сырье, некоторые вещи (главным образом украшения) и продукты, с другой, конечно, не торговля и обмен определяли общий уровень экономики славянского населения.

§ 5. Керамическое производство донских славян

Керамика поселений и могильников донских славян имеет существенные различия. Поселенческая керамика более разнообразна по ассортименту и форме, чем посуда из могильников, существенно отличается она и орнаментацией. Керамика из могильников носит особый ритуальный смысл,

нередко она специально изготовлялась для похоронного обряда и при этом нарушались сложившиеся приемы ее изготовления для каждодневного использования. В силу этих обстоятельств за основу анализа керамического производства донских славян мы берем керамику поселений, а посуду из могильников рассматриваем в специальной главе, посвященной погребальному обряду *.

В основу ее классификации мы кладем функциональную направленность того или иного керамического изделия и делим ее на группы: горшки, миски, сковородки, противни, сырницы, кувшины и керамика специального назначения (светильники и маленькие сосудики).

Наиболее многочисленна группа горшков. Они составляют 71—86,5% всей карамики. На основании профилировки сосудов и соотношения различных их частей: диаметра горла ($Д_1$), диаметра дна ($Д_2$) и высоты (H_1), диаметра наиболее широкой части ($Д_3$), расстояния от верха венчика до наиболее широкой части сосуда (H_2) среди горшков можно выделить десять типов. Внутри отдельных типов по особенностям оформления верхней части сосудов (форме венчика, плечиков) выделяются подтипы. Выделенные типы горшков проверены на корреляционном графике по методу, предложенному И. П. Русановой для средневековой керамики.

Тип 1 (рис. 25, *1—3*). Горшки с вытянутым туловом, сравнительно узким горлом и дном. Высота плеч составляет 1/4—1/3 общей высоты. Тесто плотное с мелкими примесями шамота. Орнаментированы они только по верху плоского венчика вдавлениями какого-либо острого предмета или округлой палочкой. Встречены на Титчихинском и Животинном городищах, где составляют от общего количества горшков 3—6%.

Тип 2 (рис. 25, *4—7*). Горшки эти сходны с горшками первого типа, но имеют некоторые отличия в пропорциях. У них более овальная форма, наибольшее расширение тулова приходится примерно на 1/2 общей высоты. Изготовлялись с примесью мелкого шамота, дресвы. Орнаментированы по краю венчика пальцевыми защипами, вдавлениями округлой палочкой или каким-либо острым предметом. Орнамент имеется почти на 80% горшков данного типа. Встречены на Большом Боршевском, Титчихинском и Животинном городищах и составляют 4—9%.

* Керамика славянского населения Дона нами рассмотрена в специальной статье (38). Здесь мы остановимся лишь на основных ее характеристиках.

Тип 3 (рис. 25, *8—13*). Горшки с коническим туловом и высоко поднятыми плечиками. По составу теста аналогичны описанным выше. Можно выделить два подтипа. Подтип «а» — сосуды с удлиненной, плавно отгибающейся шейкой со слегка утолщенным венчиком. Подпит «б» — горшки с несколько укороченной прямой шейкой с плоским венчиком. Эти сосуды имеют лучшую обработку поверхностей и чаще, чем другие, орнаментированы. Горшки типа 3 составляют 10—20%. Около 68% горшков имеет орнамент веревочным штампом, вдавлениями пальцев, палочкой, ногтем, каким-либо острым предметом.

Незначительное число горшков, главным образом, встреченных на Животинном городище, имеют хорошо обработанные, нередко на круге, поверхности, иногда украшенные линейно-волнистым орнаментом. Венчики у этих горшков имеют косо или прямо срезанную поверхность. Эту группу горшков можно отнести к категории раннегончарных.

Тип 4 (рис. 25, *14—20*). К этому типу относятся горшки приземистой формы, с широким дном и горлом. По форме верхней части делятся на три подтипа: подтип «а» — горшки с короткой почти прямой шейкой и крутыми почти остроугольными плечиками. Подпип «б» — горшки с высокими округлыми плечиками и с короткой резко отогнутой наружу шейкой. Подтип «в» — горшки, у которых плечико представляет собой хорошо выраженное острое ребро.

Тесто горшков типа 4 характеризуется примесью шамота и крупного песка. Поверхности очень бугристые, обжиг неравномерный, но встречаются сосуды и несколько лучшей выделки, с тщательно обработанными поверхностями. Горшки лучшей обработки орнаментированы не только по венчику, но и по тулову ногтевыми вдавлениями, вдавлениями веревочного штампа в различных комбинациях. Встречены на всех славянских памятниках Подонья, подвергавшихся раскопкам, и составляют 21—27%. На Животинном городище их несколько меньше — около 15%.

Часть горшков данного типа сделана без примеси шамота, только с песком, нередко правлены на круге, а некоторые из них полностью изготовлены на круге. Керамика орнаментирована по тулову волнистыми линиями. Край венчика имеет косой или горизонтальный плоский срез. Эта керамика, так же как и аналогичная типа 3, может быть отнесена к наиболее ранним типам гончарной посуды. Встречена она только на Животинном городище.

Тип 5 (рис. 26, *1—8*). Это конусовидные сосуды удлинен-

ных пропорций с узким дном и широким горлом. По форме верхней части горшки типа 5 можно разделить на три подтипа. Подтип «а» — с короткой прямой шейкой. Подтип «б» — с короткой резко отогнутой шейкой и плавно очерченными плечиками. Подтип «в» — горшки с выступающими плечиками, слегка отогнутой шейкой, несколько удлиненной.

Горшки типа 5 бывают самых различных размеров — от небольших кухонных до довольно крупных — тарных. Цвет их коричневый или темно-серый, поверхности бугристые, заглажены пальцами, реже травой, в тесте примеси крупного шамота и песка. Орнаментировались по верху венчика пальцевыми защипами, вдавлениями пальца, ногтевыми вдавлениями, вдавлениями палочки или острым предметом. Нередко встречается и веревочный орнамент по тулову. Составляют 21—34% всех горшков, встреченных на славянских памятниках Подонья. Лишь на городищах на р. Воронеж их несколько меньше, в среднем около 17%.

Часть горшков типа 5 с Животинного городища сделана с помощью гончарного круга, без примеси шамота и крупного песка, и орнаментирована по тулову волнистыми линиями. Край венчика этих горшков имеет косой или горизонтальный плоский срез. Встречены эти сосуды только на Животинном городище.

Тип 6 (рис. 26, *9—16*). По своим контурам эти горшки похожи на горшки типа 4, только несколько удлиненных пропорций. У них короткая, почти прямая шейка и хорошо выраженные, высоко приподнятые плечики. У некоторых в тесте встречается растительная примесь. Приемы орнаментации те же, что и у горшков типа 3. Имеются горшки, отличающиеся от большинства лучшей обработкой поверхностей, более плотным тестом, составляют 13—22%. На I Белогорском и Животинном городищах их меньше — не более 8%.

Тип 7 (рис. 27, *1—5*). Характерной чертой горшков этого типа является высокая, почти вертикальная шейка. Они изготовлялись без крупных примесей, тесто плотное, обжиг ровный. На отдельных сосудах прослеживается лощение поверхностей и видны следы правки их на гончарном круге. Некоторые из них имеют орнамент из вдавлений зубчатого штампа. Встречаются в очень незначительном количестве горшки с примесями крупного шамота, с бугристыми, плохо заглаженными поверхностями. Нередко эти сосуды орнаментированы только по верху венчика пальцевыми или ногтевыми вдавлениями, или концом прямоугольной палочки. В не-

скольких случаях встречен орнамент, выполненный веревочным штампом.

Горшки типа 7 составляют очень незначительный процент (3—5%), лишь на I Белогорском и Животинном городищах он несколько выше — 8%.

Тип 8 (рис. 27, *6—11*). Горшки яйцевидной формы, с резко (почти на 45°) отогнутым наружу или коротким венчиком. Изготовлялись из плотного, хорошо промешанного теста с очень мелкими примесями шамота и песка. Орнаментированы вдавлениями пальца и округлой палочкой по верху венчика, насечками ножа по венчику и по тулову, вдавлениями веревочного штампа в различных комбинациях. Этот тип горшков на поселениях, расположенных на р. Дон, не получил широкого распространения. На I Белогорском городище они составляют 26% горшковидных сосудов и изготовлены с помощью гончарного круга. На Животинном городище этой керамики значительно меньше — около 4%.

Тип 9 (рис. 27, *12—14*). Горшки с почти шаровидным туловом. Изготовлены с примесью мелкого шамота и песка, тесто плотное, поверхности тщательно заглажены. На Титчихинском городище встречен сосуд, изготовленный из теста с примесью крупного шамота. Горшки типа 9 орнаментированы веревочным штампом и лишь один сосуд орнаментирован вдавлениями пальца по верху венчика. На донской группе поселений встречены в незначительном количестве (1—3%), а на I Белогорском городище несколько больше — около 9%. Совсем мало их на Животинном городище — 2%.

Тип 10 (рис. 28). К этому типу относятся горшки, с так называемым манжетовидным венчиком. Это гончарные сосуды, сделанные из хорошего теста с примесью мелкого песка, орнаментированные по тулову линейно-волнистым орнаментом. Этот тип горшков встречен только на Животинном городище и составляет около 2% всей керамики данного поселения.

Миски имеют весьма характерные пропорции. Диаметр горла не менее, чем в 1,5 раза больше диаметра дна и равен (или больше) высоте сосуда. Они составляют 12—15% всей керамики донских славян. Среди мисок мы различаем несколько типов.

Тип 1 (рис. 27, *15—17*). Миски этого типа имеют широкое открытое горло, несколько превышающее высоту сосуда. По оформлению венчиков они похожи на горшковидные сосуды, однако отличаются от них не только своей формой и пропорциями, но и лучшей выделкой и хорошим обжигом,

очень мелкими примесями шамота, песка. У крупных мисок можно заметить следы нагара, накипи. Вероятно, они применялись в качестве кухонной посуды. Миски этого типа составляют более 50% всех мисок донских славян, а на поселениях на р. Воронеж это почти единственный тип мискообразных сосудов (95%).

Тип 2 (рис. 27, *18*). Для них характерна остроребернность, поверхности бугристые и темного цвета, в тесте примесь шамота. Встречены на Титчихинском и Большом Боршевском городищах.

Тип 3 (рис. 27, *19—21, 23*). Это небольшие мисочки с прямыми стенками, почти баночной формы. Они изготовлялись из хорошо промешанного глиняного теста с мелкими примесями. У них хорошо заглажены поверхности с элементами лощения.

Тип 4 (рис. 27, *22, 24—26*). К четвертому типу относятся миски с высокими, сильно отогнутыми стенками. Высота этих мисок 10—15, диаметр горла 20—25 см. У них красный или темно-красный цвет поверхностей. Иногда они орнаментировались по верху венчика пальцевыми вдавлениями. Находки обломков этих мисок со следами нагара и копоти в очагах некоторых жилищ дают нам возможность предполагать использование их в качестве кухонной посуды.

Довольно частой находкой на славянских поселениях Подонья являются сковородки (рис. 29, *1—9*). Составляют 3—10% от общего количества керамических изделий и встречены, главным образом, в очагах и на полу жилищ. Они бывают самых разных размеров: диаметр 12—28 см, высота 1—6 см. Для сковородок характерно сильно прокаленное дно. На Животинном городище встречены сковородки, изготовленные на гончарном круге.

В этой керамической группе можно выделить и тарелки, которые не имеют прокаленности днищ, отличаются более тщательной выделкой, более аккуратным заглаживанием поверхностей, на тарелках чаще можно встретить орнамент вдавлениями пальца, пальцевыми защипами, округлыми ямками.

Сырницы составляют 0,5—4% всего лепного керамического комплекса донских славян. Это большие миски с плавно отогнутыми стенками с круглым отверстием у дна (рис. 29, *10, 11*). Сырницы отличаются толстостенностью. Обработаны они очень плохо, заглажены только пальцами. Некоторые из них орнаментированы по верху венчика раз-

личными вдавлениями. На поселениях на р. Воронеж сырницы встречены в единичных экземплярах.

Противни составляют около 3% всей керамики. Это большие полукруглые блюдца диаметром до 60 см, с высокими до 10 см вертикальными стенками (рис. 29, *12—14*). Вылеплены из теста с большим количеством растительной примеси, которая при обжиге выгорела, отчего образовались большие пустоты. Противни использовались для выпечки хлеба, сушки зерна в зимних условиях в помещениях.

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков подчеркивали, что кувшины не характерны для донских городищ (2, с. 95). Дальнейшие раскопки подтвердили это. Они в нескольких экземплярах встречены на Титчихинском городище, совершенно неизвестны в материалах Большого и Малого Борщевских городищ. На городищах, расположенных на р. Воронеж, кувшинообразные сосуды представлены в несколько большем количестве. На I Белогорском городище около 5% всей керамики (рис. 29, *15—18*). Это довольно грубые сосуды, вылепленные из теста с примесью шамота и песка, с плохо обработанными бугристыми поверхностями. Высота их колеблется от 13 до 20 см.

Нередкой находкой являются маленькие толстостенные сосудики, которые использовались или в качестве светильников (они имеют на внутренней поверхности следы нагара), или в качестве детских игрушек.

Следует остановиться еще на одной группе керамики, встреченной на славянских поселениях Подонья — мордовской (финской) посуде, представленной только горшками. В целом по своим технологическим данным эти горшки мало чем отличаются от славянской посуды. Изготовлялась она на месте, в пользу этого говорит орнаментация некоторых сосудов веревочным орнаментом.

Вопросы типологического развития славянской лепной керамики второй половины I тысячелетия в литературе рассматривались неоднократно. И. П. Русанова прослеживает развитие керамики от пражского типа до ранних форм гончарной посуды древнерусского облика. Изменения в форме горшков, по ее мнению, в основном выражаются в развитии плечиков, которые приобретают более или менее выраженный характер в керамике VIII в. И. П. Русанова считает, что плечистость сосудов является одним из характерных признаков славянской керамики конца I тысячелетия н. э. (40, с. 148).

На славянских городищах Подонья мы застаем сравни-

тельно развитый, уже сложившийся керамический комплекс, т. е. тот, с которым восточные славяне подошли к такому этапу развития гончарного производства, когда зарождение гончарного круга стало вполне логичным и реальным фактом. Вместе с тем далеко не на всех исследованных поселениях этот процесс нашел свое завершение, да и не на всех раскапывавшихся поселениях можно проследить какую-либо эволюцию керамического производства. В этом отношении некоторый интерес представляют Титчихинское городище на Дону и Животинное на Воронеже.

Стратиграфическое изменение керамики на Титчихинском городище удается проследить лишь там, где культурный слой не нарушен. Вместе с тем нужно учитывать и то обстоятельство, что на Титчихинском городище из раскопанных сорока шести жилищ лишь четыре были заброшены в процессе существования поселка. Поэтому в большинстве жилищ обнаружена керамика, характерная для последнего периода существования поселения. В отдельных жилищах встречены датирующие вещи, главным образом, IX—X вв., но ни в одном из этих жилищ нет горшков первых двух типов. Лишь в жилищах 11 и 27, которые были заброшены еще во время существования поселения, встречены фрагменты горшков типов 1 и 2. А. Н. Москаленко датирует жилища 11 и 27 более ранним временем (7, с. 39). Горшки типов 1 и 2 распространены исключительно на мысовой части городища, причем подавляющее большинство их залегает в нижней части культурного слоя. Горшки типов 3—7 распространены на Титчихинском городище более равномерно. Но горшков типа 7 нет в нижней части культурного слоя мыса. Горшки типов 8 и 9, напоминающие по форме салтово-маяцкую посуду и изготовлявшиеся по славянской технологии с типично славянским орнаментом (что свидетельствует о ее местном производстве), также встречены по всей раскопанной площади поселения, за исключением нижней части культурного слоя мыса.

Типология керамики Титчихинского городища позволяет отметить относительную стабильность в пропорциях и профилировке сосудов. Это, в свою очередь, приводит к мысли о неразрывной связи всех типов горшков и о возможности поставить их в определенный ряд типологического развития от сосудов, менее профилированных к керамике с хорошо выраженной шейкой и резко выделяющимися плечиками. Но это отнюдь не означает, что каждый последующий тип сменяет другой, вытесняя его из производства. Почти все

типы горшков на последнем этапе существования Титчихинского городища сосуществовали.

Аналогичная картина наблюдается и на Малом Боршевском городище, датируемом второй половиной X в., где встречены все типы горшков, кроме первых двух (41).

Для анализа типологического развития керамики значительный интерес представляет керамический комплекс Животинного городища. Здесь в более ранних жилищах, от которых на современной поверхности не прослежены западины, обнаружены горшки первых двух типов и совершенно нет посуды раннегончарной, а в постройках с раннегончарной керамикой отсутствуют горшки типов 1 и 2. Все это позволяет говорить об относительно ранней хронологии горшков первых двух типов. В то же время в ряде построек, где встречена раннегончарная керамика, включая манжетовидную, которая хорошо датируется концом X — началом XI вв. (42, с. 19), обнаружена и лепная посуда разных типов (кроме 1 и 2), что свидетельствует об их сосуществовании вплоть до конца функционирования славянского поселения на месте Животинного городища. Раннегончарная посуда и по форме, и по основным пропорциям не выходит из круга обычной лепной посуды, отличаясь технологией и линейно-волнистым орнаментом. Все это свидетельствует о неразрывной связи лепной и раннегончарной посуды, которая появилась на местной основе. Гончарных горшков с манжетовидным венчиком обнаружено очень мало, нет целых форм. Встречены они в одних комплексах с лепной посудой, т. е. и здесь наблюдается сосуществование разнородной керамики.

Но вместе с тем Животинное городище — это единственный памятник в бассейне Верхнего и Среднего Дона, где удается проследить появление гончарного круга и определенную эволюцию керамического производства в этом направлении, которая протекала по тому же пути, что и в других районах восточнославянского мира. В связи с этим необходимо остановиться на вопросе о путях и времени зарождения гончарного круга у донских славян.

Хотя о времени появления гончарного круга в восточнославянском мире в литературе и нет единого мнения, но нельзя сказать, что имеются какие-то разногласия принципиального характера, И. И. Ляпушкин считал, что сосуды, сделанные на гончарном круге местного производства, появляются у восточных славян лишь к середине IX в. (4, с. 174). Близких взглядов придерживается Б. А. Тимошук, который

полагает, что гончарная керамика, изготовленная восточнославянскими мастерами, появляется на средней фазе Луки-Райковецкой, которая датируется им IX в. (43, с. 12). По мнению И. П. Русановой, гончарная посуда появилась в самом конце I тысячелетия н. э. и произошло это не ранее IX в. (32, с. 25). Несколько иных взглядов придерживается В. В. Седов, который пишет, что начиная с VIII в. постепенно распространяется керамика, сделанная на гончарном круге местными славянскими ремесленниками (28, с. 242).

Большинство исследователей считает, что гончарная керамика у восточных славян является результатом внутреннего развития соответственно славянского керамического производства. Именно об этом по материалам Гочевского городища писал Б. А. Рыбаков (21, с. 74). Особенно доказательно это звучит в работах И. П. Русановой, Б. А. Тимощука (44, с. 21). Об этом же пишет и В. В. Седов (28, с. 242). Но И. П. Русанова не отрицает и возможности импорта гончарной посуды на определенном этапе. М. И. Артамоновым было высказано иное мнение по данному вопросу. Он считал, что гончарный круг не изобретался в каждой местности самостоятельно, «а заимствовался со стороны вместе с теми формами керамики, какие господствовали при данном уровне развития гончарного производства» (45, с. 63). Вероятно, следует согласиться с первым тезисом М. И. Артамонова о том, что сам гончарный круг вполне мог заимствоваться одним народом у другого. А второй тезис М. И. Артамонова о распространении вместе с кругом и форм керамики, соответствует фактам лишь частично. И подтверждением тому служат материалы поселения донских славян.

Славянское население I Белогорского и ряда других городищ познакомилось с гончарным кругом через постоянные и довольно прочные контакты с населением салтово-маяцкой культуры, выразившиеся в конечном итоге в совместном проживании этих двух народов на одном поселении (46). Но такого рода знакомство донских славян с гончарным кругом не отразилось на собственно славянском производстве посуды у населения I Белогорского городища. Переход от ручной лепки посуды к работе на круге связан с ломкой традиционных приемов работы гончаров, процесс этот длительный и требует приобретения определенных навыков.

Несколько иную картину можно наблюдать на другом поселении р. Воронеж — Животинном городище. Здесь не прослежено интенсивного взаимодействия славян и алано-

болгар, хотя салтовская керамика (обломки пифосов, гончарные кувшины) здесь имеется. Наличие раннегончарной керамики на Животинном городище является результатом эволюции собственно славянского керамического производства.

Выше уже отмечалось, что раннегончарная керамика, включая и манжетовидную, на Животинном городище сосуществовала с лепной посудой и не стала господствующей на данном поселении. Причины этого явления необходимо искать в условиях внутренней социально-экономической жизни славян Подонья, которые способствовали консервации сложившихся приемов гончарного производства. О подобных явлениях на раннем этапе развития круговой посуды писали Б. А. Тимошук (43, с. 12), И. П. Русанова и другие авторы. В этом отношении Животинное городище стоит в одном ряду с другими восточнославянскими поселениями и, прежде всего, с памятниками типа Луки-Райковецкой (42, с. 25). В. В. Седов отмечал, что лепная посуда у восточных славян бытует до конца X в., а на окраинах их территории изредка встречается еще в начале XI в. (28, с. 241).

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно отметить: во-первых, гончарный круг у восточных славян распространялся довольно длительный период — с рубежа VIII—IX вв. вплоть до конца X — начала XI вв.; во-вторых, истоки круговой керамики не везде одни и те же, в подавляющем большинстве она является результатом внутреннего развития керамического производства и лишь в отдельных случаях могут быть заимствования у других народов. Даже на такой локальной территории, какой является Верхнее и Среднее Подонье, на отдельных памятниках можно наблюдать определенные различия в этом процессе.

Интересные сведения для изучения керамического комплекса донских славян содержит орнаментация посуды, одной из особенностей которой считались вдавления веревочного штампа в различных комбинациях. Исследования последних лет показали, что веревочный орнамент является далеко не единственным на донской славянской керамике (47) и на территории распространения памятников роменского типа в Днепровском Левобережье (48).

Количество орнаментированной посуды на поселениях донских славян составляет в среднем около 70%. Из них веревочным штампом украшено менее половины (на Титчихинском городище 31,5%, Большом Боршевском 28%, Малом Боршевском 17,2%, Воргольском 19,5%, Архангельском 22,9%, Животинном около 4,5%). Большинство сосудов

имеет иные орнаментальные приемы. И среди них, прежде всего, следует отметить пальцевые вдавления и защипы, отпечатки ногтя, вдавления округлой палочкой.

Не останавливаясь подробно на описании орнамента керамики донских славян, так как это сделано в специальной статье (47), отметим лишь, что и веревочный орнамент на Титчихинском городище является более поздним по сравнению с другими приемами орнаментации.

Это наблюдение подтверждается и материалами Животинного городища. На части поселения, расположенной ближе к оконечности мыса (раскоп 5), которая, судя по почти полному отсутствию здесь раннегончарной керамики, была заселена на раннем этапе основания славянского поселка, почти нет керамики с веревочным орнаментом (менее 1% всей орнаментированной посуды).

На более позднее появление веревочного орнамента обратил внимание А. А. Узянов, изучая керамику Большого Горнальского городища, расположенного на р. Псел. Здесь доля веревочного штампа составляет 46% всех орнаментов керамики. А. А. Узянов убедительно показал, как на смену «нелинейным орнаментам», нанесенным пальцем или ногтем, приходят «линейные элементы орнаментики», нанесенные различными инструментами и, прежде всего, веревочным штампом (48, с. 130—132).

Почти все группы и типы керамических изделий донских славян находят себе аналогии на тех или иных памятниках восточных славян. Трудно указать прямые аналогии керамики типов 1 и 2, но ближе всего к ним стоит керамика некоторых раннеславянских поселений Днепровского Правобережья (49).

Раннегончарная керамика, включая и манжетовидную, встреченная на Животинном городище, известна на очень многих памятниках культуры типа Луки-Райковецкой — ее развитого и позднего этапа (42, с. 19). Изучение керамики славянских памятников Дона приводит к мысли о неразрывной связи их с культурой соседних восточнославянских племен, но вместе с тем керамический комплекс славян лесостепного Дона имеет и определенные отличия, прежде всего, от роменских: некоторая разница в ассортименте посуды; на роменских памятниках горшкообразные сосуды имеют, в основном, более удлиненные пропорции; в связи с влиянием салтово-маяцкого керамического производства на славянское у донских славян появились некоторые формы, которые восполнили пробел в ассортименте посуды (типы 8 и 9).

Отмечая общность донской славянской керамики с керамикой других восточнославянских регионов, подчеркивая одновременно и ее некоторую специфику, необходимо отметить, что по керамическому материалу на Верхнем и Среднем Дону довольно четко выделяются два района: Средний Дон (городища Титчиха, Боршевские и др.) и р. Воронеж, которая фактически относится к бассейну Верхнего Дона (I Белогорское, Животинное городища и др.). На воронежских поселениях значительно меньше сырниц, противней, сковородок; заметно больше горшков, несущих традиции смешанного славяно-алано-болгарского керамического производства; на керамике воронежских поселений веревочный орнамент встречается намного реже, чем на донских. Животинное городище, расположенное на р. Воронеж, является в настоящее время единственным поселением, где не только обнаружена раннегончарная керамика, но и прослежен процесс зарождения гончарной посуды. На поселениях Среднего Дона, как уже отмечалось, вплоть до конца их существования, гончарный круг фактически не нашел своего применения.

Различия в керамическом производстве двух групп славянского населения на Верхнем и Среднем Дону отражают этнические процессы, протекавшие в этих двух районах.

---

1. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.

2. Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

3. Минасян Р. С. Классификация жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.)//СА, 1978, № 3.

4. Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX вв.)//МИА. 1968. № 152.

5. Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. Между Днепром и Западным Бугом//САИ. 1973. Вып. Е1-25.

6. Ахтырцев Б. П., Ахтырцев А. Б. Лесные палеопочвы Лысогорского могильника конца I тысячелетия н. э.//Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.

7. Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

8. Громова Р. И. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа//МИА. 1948. № 8.

9. Цалкин В. И. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ//СА. 1964. № 4.

10. Цалкин В. И. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке (по материалам раскопок дьяковских, верхнеокских и юхновских городищ)//МИА. 1962. № 107.

11. Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси//Там же. 1956. № 51.

12. Куза А. В. Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия//Древние славяне и их соседи. М., 1970.
13. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
14. Шрамко Б. А., Цепкин Е. А. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII—XIII вв.//СА. 1963. № 2.
15. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое//МИА. 1958. № 74.
16. Древняя Русь. Город. Замок. Село//Археология СССР. М., 1985.
17. Световидов А. И. К истории ихтиофауны р. Дон//МИА, 1948, № 8.
18. Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981.
19. Смирнов И. О. Славянское городище под Воронежем//Арх. ИИМК, 1933, ф. 2, № 215.
20. Монгайт А. Л. Старая Рязань//МИА. 1955. № 49.
21. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
22. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. 1959. № 65.
23. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие//САИ, 1966. Вып. Е1-36.
24. Леонтьев А. Н. Классификация ножей Сарского городища (VIII — начало IX вв.)//СА. 1976. № 2.
25. Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы//АСГЭ. 1980. № 21.
26. Минасян Р. С. Железные ножи с волютообразным навершием//Пробл. археологии. 1978. 2.
27. Мезенцева Г. Г. Канівске поселення полян. Київ, 1965.
28. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
29. Пряхин А. Д. Археологические памятники боршевской культуры на р. Воргол//Вопр. истории славян. Воронеж, 1963. Вып. 1.
30. Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
31. Янин В. Л. Денежно-весовая система русского средневековья. М, 1956.
32. Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.
33. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и Русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
34. Кропоткин В. В. Караванные пути в Восточной Европе//Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
35. Рыбаков Б. А. Русские земли на карте Идриси 1154 г.// КСИИМК, 1952. Вып. 43.
36. Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев//Древности Восточной Европы. М., 1969.
37. Рыбаков Б. А. Новая концепция предыстории Киевской Руси//История СССР. 1981. № 2.
38. Винников А. З. Керамика донских славян конца I тысячелетия н. э.//СА, 1982. № 3.
39. Русанова И. П. Один из методов классификации славянской керамики//КСИА. 1977. Вып. 148.
40. Русанова И. П. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья//Славяне и Русь. М., 1968.
41. Винников А. З. Керамика Малого Боршевского городища//Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977.
42. Тимощук Б. А. Давньороска Буковина IX — перша половина XIV ст. Київ, 1982.

43. Тимощук Б. А. Общинный строй восточных славян VI—X вв. (по археологическим данным Северной Буковины): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983.
44. Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976.
45. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции//Изв. ГАИМК. 1935. № 131.
46. Винников А. З. Славянское городище на Белой Горе под г. Воронежем//Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. Вып. 6.
47. Винников А. З. Орнаментация боршевской керамики//Древняя Русь и славяне. М., 1978.
48. Узянов А. А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики//Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.
49. Русанова И. П. Керамика раннеславянских поселений Житомирщины//Археологическое обозрение (чеш.). 1968. 9.

Глава III

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДОНСКИХ СЛАВЯН

Исследователями уже неоднократно отмечалась значимость изучения погребального обряда для решения ряда вопросов истории и культуры отдельных этносов. Будучи наиболее консервативным, устойчивым элементом духовной культуры народа, погребальный обряд содержит сведения о происхождении, истоках формирования его культуры, в погребальном обряде, как правило, содержатся данные о религиозных представлениях населения. Все эти сведения и ряд других можно найти при изучении погребальных памятников славянского населения лесостепного Дона конца I тысячелетия.

В лесостепном Подонье выделяются две группы погребальных памятников: Средний Дон (Боршевский могильник) и р. Воронеж (Кузнецовский, Лысогорский, три Белогорских и другие могильники).

Боршевский могильник расположен на высоком плато правого берега р. Дон у с. Борщево в Хохольском районе Воронежской области. Высота курганов от 0,7 до 2,15 м при диаметре 9—14 м. Боршевскому могильнику посвящен ряд специальных работ (1; 2). Первые его исследования, проведенные А. А. Спицыным, дали важные сведения о погребальном обряде донских славян. Им было исследовано шесть курганов. В пяти сохранились остатки деревянных погребальных камер, в которых обнаружены лепные сосуды. К сожа-

лению, отсутствие подробных чертежей лишает нас возможности более детально проанализировать конструкцию камер. А. А. Спицын копал только центральную часть курганов, края их оказались неисследованными, в результате чего ни в одном кургане не прослежены оградки.

Интересные результаты были получены во время раскопок этого могильника экспедицией ГАИМК. Было раскопано четыре кругана. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков подчеркивают, что несмотря на некоторые различия в деталях, все курганы дают одинаковую картину погребального обряда: 1) под северо-восточной полой обнаружены деревянные ящики, стоящие на погребенной почве; 2) в ящиках находились пережженные кости и глиняная посуда; 3) сожжение на стороне, следов кострищ нет; 4) курганы являлись коллективными погребальными сооружениями, принадлежащими, вероятно, родственным группам, захоронения совершались постепенно; 5) во всех курганах обнаружены остатки круглых оград; 6) кроме глиняной посуды и оплавившихся бус в кургане 2, другого инвентаря нет (3, с. 81—82). Наличие во всех раскопанных курганах деревянных погребальных конструкций находится в полном соответствии с результатами раскопок А. А. Спицына. Выделяется курган 4, в котором помимо основного погребения в деревянной погребальной камере обнаружено впускное погребение ребенка. Скелет не носил следов огня. Он сохранился очень плохо и принадлежал новорожденному. Умерший был погребен, по-видимому, в скорченном положении, головой к центру насыпи. В погребении обнаружены бронзовый бубенчик и бронзовая крестовидная подвеска, датируемые П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым IX—X вв. (3, с. 91—92).

В 1963 и 1965 гг. работы на Боршевском могильнике проводила экспедиция Воронежского университета. В эти годы здесь было раскопано 23 кургана. А. Н Москаленко выделила четыре группы погребений (4, с. 134): 1) с камерой и оградкой; 2) курганы только с кольцевой оградкой; 3) курганы с камерой; 4) курганы без камеры и оградки. В 1980 г. славянским отрядом экспедиции Воронежского университета на Боршевском могильнике был раскопан один курган (24), который позволил проследить некоторые новые черты погребального обряда на данном могильнике.

Все курганы сложены из чернозема с меловой щебенкой. Землю для насыпи курганов брали не только из околокурганных ровиков, очень незначительно углубленных в материк, но и с окружающей площади, в том числе, вероятно, и с тер-

ритории Большого Боршевского городища. Б. А. Рыбаков применительно к Черной Могиле показал, что большая часть земли для насыпи этого кургана была привезена со стороны (5, с. 25). Наблюдения В. И. Сизова и Д. А. Авдусина также довольно убедительно свидетельствуют о том, что и Гнездовские курганы насыпались в основном из привозной земли (6, с. 12).

В связи с этим интересно назначение ровиков, окружающих курганы. К сожалению, в большинстве из них ровики полностью не раскапывались, а перерезались лишь траншеями по линиям север — юг и запад — восток, за исключением кургана 24, где он раскопан по всему периметру (рис. 30). Исследование ровика показало, что в материк он почти не углублен, в нем выявлены пять костровых ям, располагавшихся на расстоянии 5,5—6,7 м друг от друга. Ровик является своеобразным культовым сооружением. Прав В. В. Седов, который писал о связи ровиков языческих святилищ и ровиков, опоясывающих славянские курганы (7, с. 101). На культовый характер ровиков указывал и Д. А. Авдусин (16, с. 15).

В насыпях ряда курганов выявлены площадки из обожженной глины. Эти площадки специально сооружались для ритуальных костров. Курганы с ритуальными кострищами на могильнике не составляют отдельной группы. В трех курганах встречены камни, причем лишь в одном из них камни лежат по всей площади кургана, образуя своеобразную площадку.

Одной из интересных особенностей Боршевских курганов является наличие в них деревянных конструкций (рис. 31; 32), которые представлены погребальными камерами, круговыми оградками. Погребальные сооружения в виде камер — деревянных ящиков выявлены в 28 курганах, включая раскопанные П. П. Ефименко и А. А. Спицыным. Располагались они в северо-восточном секторе. Размеры их — 1,3—2,35×0,8—1,4 м, высота — 0,3—0,6 м. Форма камер различна: от почти квадратной до вытянутой прямоугольной. Длинной осью почти все камеры ориентированы по линии северо-восток — юго-запад, с некоторыми отклонениями в ряде случаев. Камеры имеют три стены: северо-западную, юго-восточную и юго-западную, четвертая стена, та, которая обращена к поле кургана, в большинстве случаев отсутствует. С этой стороны камеры открыты. У входа в камеру в ряде курганов вкопаны в материк два столбика, которые составляют конструкцию входа в камеру. В большинстве из

них имеется деревянная крыша, сооруженная из трех-четырех продольных плах. В кургане 5 поверх деревянной крыши был положен слой обожженной глины. В двух курганах под деревянным полом камер выявлены площадки обожженной глины. В ряде курганов полом служит сама площадка из обожженной глины. На месте камеры жгли костер — освящалось место будущего погребения. В некоторых курганах нет вообще специально сделанного пола. Стенки камер сооружались, как правило, из бревен, расколотых вдоль пополам, а крыша и пол делались из досок. Задняя стенка камеры, которая была ближе к центру кургана и, естественно, испытывала большее давление насыпи, сооружалась иногда из более массивных плах, чем боковые стенки. В кургане 13 погребение было совершено в прямоугольной яме, обложенной по периметру деревом. По-видимому, это обычная камера, опущенная в яму. Размеры и формы ямы близки размерам и форме обычных камер (0,65×1,65 м). Яма так же, как и камера, ориентирована по линии СВ — ЮЗ.

Одним из обязательных элементов погребальных сооружений почти всех Боршевских курганов является круговая ограда, которая сохранилась на высоту 0,3—0,7 м. В пяти курганах оградка стояла в кольцевой канаве, в двух — была комбинированная: часть столбиков стояла в канавке, часть — в отдельных ямках; в одном из курганов столбовая оградка была поставлена в погребенную почву, не углубляясь в материк; в остальных — столбики стояли в отдельных ямках, выкопанных для каждого отдельно. Диаметры кольцевых оградок 5,5—10,5 м. Оградки несли двойную функцию: культовую и конструктивную. Трудно сказать, какой из них придавалось больше значения. Во всех курганах, там, где это удалось проследить, оградки прерывались в северо-восточном секторе напротив входа в погребальную камеру. Во всех курганах, кроме двух, оградки не имеют следов огня.

В пяти курганах прослежены остатки столбов, которые стоят в центре или почти в центре курганов. Не исключено, что столбы были и в других курганах, но были поставлены в самой верхней части и не сохранились. Камеры в сочетании с оградками обнаружены в 18 курганах. В некоторых курганах камеры не обнаружены, но выявлены оградки. В тех курганах, где не обнаружены камеры, но выявлены оградки, погребения в виде скоплений кальцинированных костей располагались в северо-восточном секторе, а конструкции оградок были идентичны тем курганам, в которых выявлены и камеры и оградки.

В трех курганах раскопками не выявлены ни камеры, ни оградки, но в них обнаружено по нескольку захоронений, которые вряд ли были одновременны. Местоположение погребений в этих курганах такое же, как и в курганах с деревянными погребальными сооружениями. Исключать наличие каких-либо погребальных камер в курганах, где они раскопками не прослежены, с полной уверенностью мы не можем. Скорее всего, в этих курганах имелись какие-то легкие, несколько упрощенные по своей конструкции, погребальные камеры, которые не сохранились.

В некоторых курганах раскопками не выявлены оградки. В трех из них были камеры, но не было оградок, в трех других нет ни камер, ни оградок. В этих курганах, по всей видимости, оградки были не столь фундаментальные и, главное, как в других, не были опущены в материк и, вероятно, не сохранились.

Ни в одном из курганов кальцинированные кости не встречены в насыпи. В 17 курганах кости располагались не только в сосудах, но и на полу вне сосуда, в трех курганах остатки кремации в очень незначительном количестве были помещены в сосуды.

Одной из характерных черт данного могильника является почти полное отсутствие, кроме керамики, инвентаря в погребениях, не считая отдельных находок: бляшка, четыре оплавившихся бусины, сильно коррозированный железный нож, железный нож с обломанным лезвием, две бусины — хрустальная 14-гранная и сердоликовая призматическая. Эти отдельные находки вряд ли являются результатом преднамеренного ритуала — класть вещи в погребения. Они попали сюда вместе с кальцинированными костями.

В 34 раскопанных курганах Боршевского могильника было встречено 50 сосудов, различных по форме, по обработке, по тесту, из которого они изготовлены. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, исследуя погребальный обряд Боршевского могильника, обратили внимание на характер керамики, заметив, что некоторые сосуды не имеют в своем заполнении пережженных человеческих костей и высказали предположение, что эти сосуды, по-видимому, были предназначены для ритуальной пищи (3, с. 81) (рис. 33—35).

Детальное изучение керамики, учет количества сосудов, их местоположение дает возможность в какой-то степени выявить количество погребений в том или ином кургане, уточнить или раскрыть различные стороны погребального ри-

туала, назначение и роль поставленных в кургане сосудов и их место в похоронном обряде.

В Боршевском могильнике глиняные сосуды найдены как в целом состоянии, так и в обломках. Целые сосуды встречены только при погребениях. Иногда отдельные части сосудов, связанные непосредственно с погребением, выполняли роль целого. Встречаются обломки от специально разбитых сосудов и разбросанных в насыпи. Назначение целых сосудов, встреченных в курганах, как известно, может быть двоякое. С одной стороны, они выполняли функции погребальных урн, куда ссыпали прах покойника после сожжения, с другой — сосуды могли быть заполнены пищей или иметь какое-либо иное ритуальное значение.

Керамика, обнаруженная в курганах, представлена лепной и гончарной. Лепная посуда — местного производства, гончарная — привозная. Наиболее массовой группой лепной керамики являются горшки. Согласно выработанной ранее типологии керамики они представлены несколькими типами. Прежде всего, нужно заметить, что не все типы, встреченные на поселениях, представлены в погребальных комплексах. При анализе славянской керамики Боршевского могильника мы придерживаемся типологии, разработанной для керамики поселений донских славян. Здесь встречены горшки типов 2, 4, 5, 7, 8, 9. Кроме того, интересны два сосуда, по форме напоминающие аланские кружки, но изготовленные от руки из глины с примесью шамота. Несколько необычны по форме банкообразные сосуды, встреченные в курганах, раскопанных А. А. Спицыным (рис. 33, *3, 5*). Аналогичная керамика встречена в некоторых погребениях у д. Западной (8, с. 134). За пределами распространения памятников роменско-боршевского типа рассматриваемая посуда встречается в кривичских длинных курганах, где она является одним из характерных типов для этой группы славянских памятников (9, с. 100). Так же, как и на ряде поселений, в боршевских курганах встречены биконический (рис. 35, *3*) и чашевидные (рис. 35, *1*) сосуды, близкие к тем, которые довольно широко распространены в финских погребениях ярославских могильников (10, с. 45).

В Боршевском могильнике нет лепных кувшинообразных сосудов. Но в трех курганах встречены гончарные кувшины. Причем ни в одном случае кувшин не был целым, без дефектов. Изготовлены они из красной, хорошо промешанной глины. Кувшины имеют округлое тулово и сравнительно узкое горло. Совершенно очевидно, что эта посуда не местного

производства, а является предметом импорта. Встречаются рассматриваемые кувшины в Саркеле, Тамани, но, по-видимому, центром ее изготовления был Херсонес (11, с. 311—314). Именно в Херсонесе обнаружены формы кувшинов, наиболее близкие к кувшинам Боршевского могильника.

Несмотря на разнообразие типов керамики, встреченной на Боршевском могильнике, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в керамических комплексах отдельных курганов неизменно присутствует или только славянская посуда, или в сочетании с другими сосудами. Курганов только с финской или с импортной гончарной посудой нет.

В четырех курганах вместо целых сосудов были обнаружены нижние части горшков. Причем, во всех четырех курганах это были фрагменты от славянских горшков. Наличие славянской керамики практически во всех курганах, где встречены целые, раздавленные или части сосудов, свидетельствует о стабильности погребального обряда на Боршевском могильнике и о единстве этнической принадлежности исследованных курганов.

В большинстве раскопанных курганов сосуды были лишь частично заполнены кальцинированными костями. Сосуд, который служил погребальной урной, содержал, как правило, очень незначительное количество кальцинированных костей, он больше символизировал роль погребальной урны, нежели выполнял ее. И вряд ли для этой роли при одном захоронении использовали два сосуда. Сосуды, находящиеся вместе с погребальной урной, не содержащие кальцинированных костей, предназначались для ритуальной пищи или воды, которая была необходима при погребальном обряде. При одиночном захоронении кальцинированные кости, находящиеся вне сосуда, лежат довольно компактно или рядом с сосудом, или под ним. В курганах с несколькими захоронениями имеется ряд сосудов, содержащих кальцинированные кости. Количество их, вероятно, соответствует количеству погребений в данном кургане. Кроме того, кальцинированные кости, содержащиеся вне сосудов, в этих курганах располагаются менее компактной массой, иногда небольшими кучками в разных местах камеры. Таким образом, количество сосудов с кальцинированными костями может служить показателем числа погребенных в том или ином кургане. В качестве погребальных урн использовались только целые или почти целые сосуды. Но в то же время в погребениях ряда курганов отмечены находки отдельных частей сосудов. Случаи использования частей сосудов в погребальном обряде

были отмечены при раскопках Тимеревского и Михайловского могильников (10, с. 43). Об использовании в погребальном ритуале не целых, а отдельных частей сосудов, пишет и С. А. Плетнева при анализе погребального обряда аланских племен Подонья. Она указывает, что в катакомбах и дромосах часто встречаются поломанные сосуды: кувшины, горшки или просто части от них. Как отмечает С. А. Плетнева, считалось, что в загробной жизни эти принесенные на тризну и погребенные обломки керамики превратятся в новую (12, с. 188—189).

Следует упомянуть еще об одном обычае, связанном с использованием керамики при погребальном ритуале в Боршевских курганах. Во время насыпки курганов посуда специально билась и разбрасывалась в насыпи на различных глубинах по всей площади насыпи. Разбрасывались обломки от одного или нескольких сосудов, ранее бывших в употреблении. Причем, намеренно разбивали и разбрасывали только горшки. В тех же курганах, в погребениях которых имеются лишь части сосудов, специально разбитые сосуды не встречены. Обычай разбивать горшки во время свершения погребального ритуала неоднократно отмечали различные исследователи славянских и не только славянских курганов второй половины I тысячелетия. А. Котляревский обращал внимание на наличие рассматриваемого обряда при захоронении и в более позднее время у русского населения. Он отмечал, что при выносе покойника из дома «жена хватала новый горшок и разбивала его о земь...» и высказал предположение, что данный обряд может быть символическим выражением мысли, «что домашняя собственность не переживает своего хозяина, или что усопший разорвал свою связь с хозяйством» (13, с. 220). Преднамеренное разбивание сосудов, встреченное в верхнеднепровских курганах конца I тысячелетия, В. В. Седов связывает с влиянием балтов. Он пишет, что в латышской этнографии имеется поверье, согласно которому при захоронении необходимо разбивать глиняную посуду, так как в загробной жизни пригодна только битая посуда (9, с. 168). Вряд ли этот элемент погребального ритуала был предметом заимствования одного народа у другого. Уже сама география его распространения противоречит этому. Встречается этот обряд у славян, балтов, восточно-финских народов, алан. Вероятно, возник он у различных народов вполне самостоятельно.

В подавляющем своем большинстве погребальные урны специально изготовлялись для погребений. Они, как прави-

ло, плохо обожжены, очень хрупкие, не имеют никаких следов употребления в хозяйстве. На аналогичные особенности посуды указывает Т. Н. Никольская, исследуя керамику из курганов у с. Лебедка (14, с. 78). Отдельные лепные сосуды из Ярославских могильников, отличавшиеся грубостью лепки, рыхлостью теста, слабым обжигом, будучи явно непригодными для употребления в быту, «свидетельствовали о специальной выделке сосудов для похоронного обряда» (10, с. 49). При знакомстве с керамикой из Западненских курганов (раскопки С. А. Изюмовой), хранящейся в Тульском областном краеведческом музее, нами было обращено внимание на то, что ряд сосудов вылеплен очень небрежно, имеют асимметричные формы, плохой обжиг. Их, вероятно, также следует связать со специальным изготовлением для погребального ритуала. О специальном изготовлении посуды для погребального обряда свидетельствует наличие в ряде погребений более ранних пережиточных форм. А. Котляревский указывает на применение в погребальном ритуале новых горшков, т. е. не бывших ранее в употреблении. Факты специального изготовления погребальной посуды можно было бы и продолжить, но даже из того, что сказано, ясно, что использование в погребальном обряде специально изготовленной посуды было довольно широко распространено в славянском и неславянском мире.

Подводя итоги анализа материалов Боршевского могильника, можно отметить следующие наиболее характерные элементы погребального обряда населения, оставившего этот могильник. 1. Трупосожжение за пределами кургана. Ни в одном из курганов нет следов сожжения на месте. 2. Деревянные конструкции в виде камер и оградок. Степень сохранности деревянных сооружений в анализируемых курганах далеко не одинакова. 3. Остатки кремации — кальцинированные кости во всех курганах, независимо от того, выявлены деревянные камеры или нет, помещены в северо-восточном секторе на уровне погребенной почвы. 4. Почти полное отсутствие инвентаря в погребениях, кроме керамики и отдельных предметов. Все эти моменты, характеризующие боршевские курганы, подчеркивают единство погребального обряда, выявленного на данном могильнике.

Курганных могильников конца I тысячелетия н. э. на р. Воронеж известно семь и все они связаны с конкретными городищами: Шиловский, Кузнецовский, Лысогорский, Белогорский I, Белогорский II; Белогорский III (Чертовицкий), Животинный.

Курганы из могильников на р. Воронеж содержат разные типы погребений (1, с. 45): курганы с трупосожжением на стороне с помещением кальцинированных костей на погребенной почве в восточной половине (первая группа); курганы с трупосожжением на стороне и помещением остатков кремации в деревянные камеры (вторая группа); трупосожжение на стороне с вторичным обжигом на месте кургана (третья группа); курганы с трупосожжением на месте (четвертая группа); курганы с трупосожжением на месте в деревянных сооружениях (пятая группа).

Курганы первой группы составляют около 69% всех раскопанных курганов. Высота курганов 0,65—1,5 м при диаметре 5—12 м. Во многих из них диаметр погребенной почвы под насыпями значительно меньше самой насыпи, что, вероятно, и определяет диаметр курганных насыпей в момент их сооружения. У большинства курганов с одной или с двух сторон прослежены ровики, какой-либо закономерности в их расположении проследить не удалось. На дне некоторых ровиков встречены угольки.

Почти во всех курганах в насыпи встречены специально разбрасывавшиеся угольки, а в ряде курганов и угольные скопления. В насыпи ряда курганов вместе с угольками есть и кальцинированные кости. В отдельных курганах выявлены остатки специальных ритуальных костров в насыпи на разных ее уровнях.

Погребения в виде скопления кальцинированных костей расположены на уровне погребенной почвы в восточной половине. Погребенная почва не имеет следов огня, за исключением курганов I Белогорского могильника, где место захоронения предварительно обжигалось. Как правило, кальцинированные кости занимают незначительное пространство. В некоторых насыпях выявлено по два и больше захоронений. Преобладают курганы с одним сосудом и вообще без сосудов, что соответствует характеру одиночных погребений. В большинстве погребений в сосудах вообще нет костей или заполнены они ими частично. Исключение составляют лишь два кургана на Лысой горе. В одном из них, где было встречено три сосуда, в которых кальцинированные кости тщательно уложены, — внизу лежали более крупные, а сверху мелкие. В другом кургане, где обнаружены четыре сосуда, во всех четырех были кальцинированные кости и сосуды стояли попарно у довольно значительного костного скопления. Кроме керамики, других находок в погребениях нет, за исключением ряда курганов II Белогорского могиль-

ника, где вместе с кальцинированными костями встречены обломок сердоликовой бусины, железный нож, дирхем с отверстием, подверженный действию огня, каменный оселок-амулет, заготовка глиняного пряслица.

В двух курганах II Белогорского могильника выявлены остатки круговой оградки. Одной из особенностей II Белогорского могильника является наличие подкурганных ямок, в которых стоят сосуды. Ямки выкапывались в погребенной почве.

Курганы второй группы составляют 19% всех раскопанных здесь курганов. Лишь у некоторых курганов прослеживаются ровики с одной или нескольких сторон. В насыпях встречены отдельные угольки, а в двух лысогорских — и мелкие кальцинированные косточки. В ряде случаев прослежены небольшие кострища в насыпи или в основании кургана на погребенной почве.

Погребальные камеры располагались в восточной половине кургана, в ряде случаев на небольшой земляной досыпке. По своей конструкции они представляют исключительно простые сооружения длиной 1—1,85 м, шириной 0,45—0,9 м, высотой 0,15—0,25 м. Ориентированы по линии запад — восток, или ЮЗ — СВ, а в одном случае на II Белогорском могильнике — СЗ — ЮВ. Камеры имеют три стены, а со стороны края кургана они открыты. В одном из курганов на Лысой горе выявлена камера, представлявшая собой ящик, закрытый со всех сторон (рис. 36; 37).

Стены камер, как правило, сооружены из одного венца бревен. Все камеры довольно сильно обожжены. Деревянная крыша прослежена лишь в одном кургане на II Белогорском могильнике, деревянный пол — в трех курганах (два на Лысой горе и один на II Белогорском могильнике). В других курганах полом служила или площадка из обожженной глины, или просто погребенная почва, или подсыпка, на которой стояла камера. Некоторые камеры сверху перекрыты площадкой из обожженной глины. Совершенно иной конструкции была камера в кургане 60 II Белогорского могильника. Она сооружена из четырех вертикальных столбов и соединяющих их поперечных досок-плах. Ни крыши, ни специально сделанного какого-либо пола в этой камере не прослежено.

Во всех камерах обнаружены кальцинированные кости. Они лежали или в центре камеры, или у входа, или занимали всю площадь внутри. На Лысогорском могильнике во всех камерах, а на II Белогорском лишь в пяти, выявлены со-

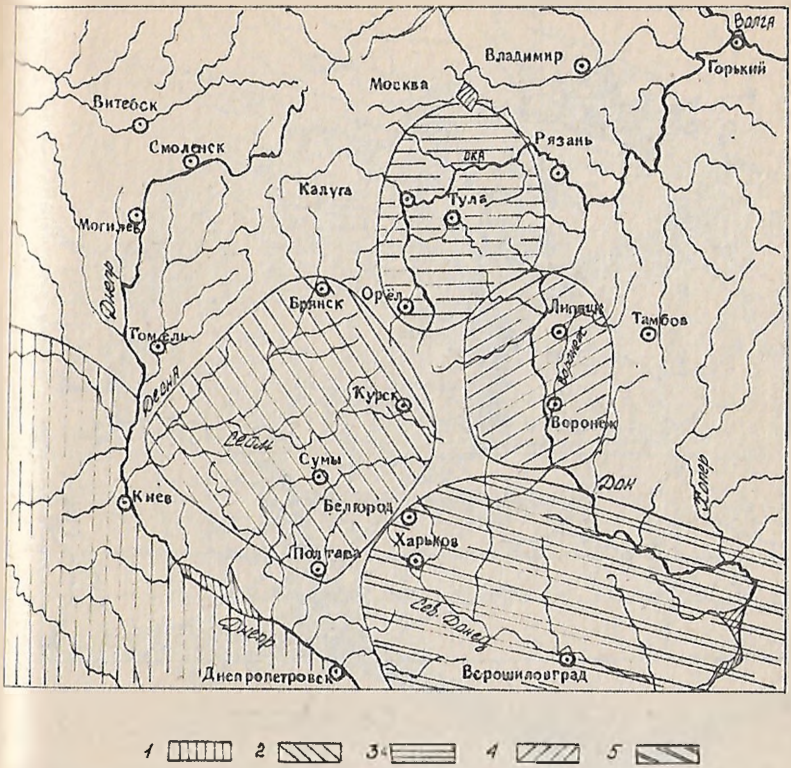
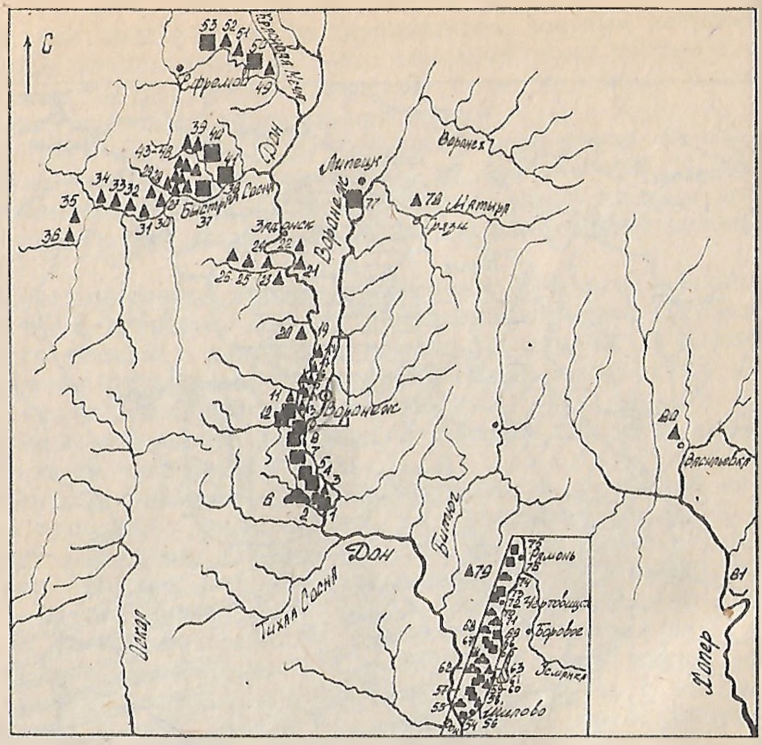


Рис. 1. Археологические культуры и этнические группировки в лесостепной зоне Восточной Европы в VIII - нач. XI вв.

1 - культура Лука-Райковецкая, *2* - роменская культура, *3* - территория ранних вятичей, *4* - донские славяне (боршевская культура), *5* - салтово-маяцкая культура



1 2 3 4

Рис. 2. Памятники донских славян. *1* - городище, *2* - селище, *3* - курганный могильник, *4* - грунтовое погребение.

1 - хут. Титчиха; 2 - с.Архангельское; *3 - 6* - с.Борщево; *7* - с.Костенки; *8* - пос.Орловка; *9* - с.Устье; *10* - г.Семилуки; *11, 12* - с.Семилуки; *13-16* - с.Подклетное; *17-19* - с.Подгорное; *20* - д.Вериловка; *21* - д.Веденка; *22* - с.Даньшино; *23* - с.Сосновка; *24* - с.Ксизово; *25-26* - с.Сновское; *27* - д.Апухтино; *28* - д.Ермолово; *29, 30* - с.Чернава; *31* - д.Козловка; *32* - д.Сусловка; *33* - с.Успенка; *34* - г.Ливны; *35, 36* - д.Бунино; *37, 38* - с.Нижний Воргол; *39-40* - с.Нижний Воргол; *41* - с.Пажень; *42-48* - с.Нижний Воргол и с.Казаки; *49* - д.Дубики; *50* - д.Дубики; *51-52* - с.Солдатское; *53* - с.Маслово; *54, 55* - с.Шилово; *56* - г.Воронеж (Чижовское-5); *57* - г.Воронеж (южная окраина); *58* - г.Воронеж ("Акатова поляна"); *59* - г.Воронеж (ВОГРЭС); *60* - г.Воронеж (стадион "Динамо"); *61-62* - сан. им.Горького; *63-65* - ур."Лысая гора"; *66* - ур. "Михайловский кордон"; *67-71* - ур."Белая гора"; *72* - с.Чертовицкое; *73,74* - с.Староживотинное; *75,76* - р.п.Рамонь; *77* - г.Липецк; *78* - с.Ярлуково; *79* - ур. "Дрониха"; *80* - с.Васильевка; *81* - хут. Ендовский

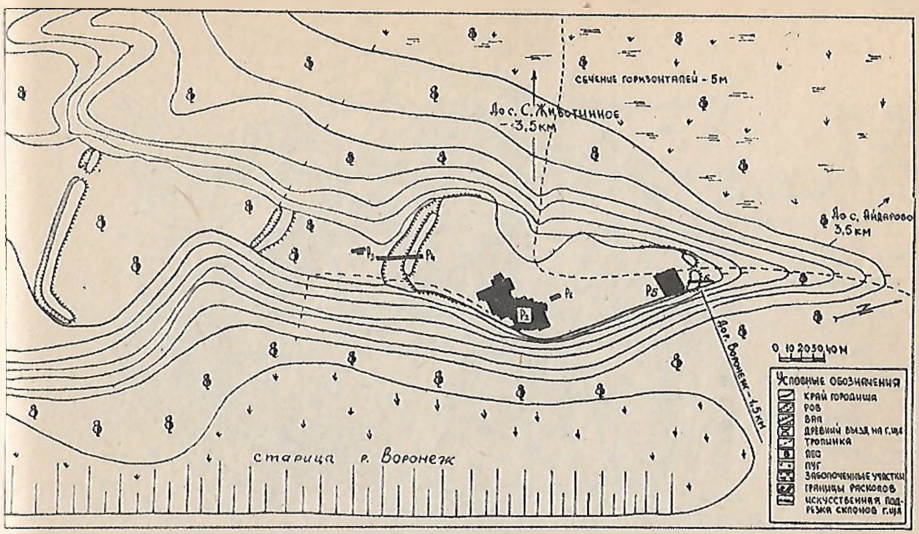


Рис. 3. Животинное городище

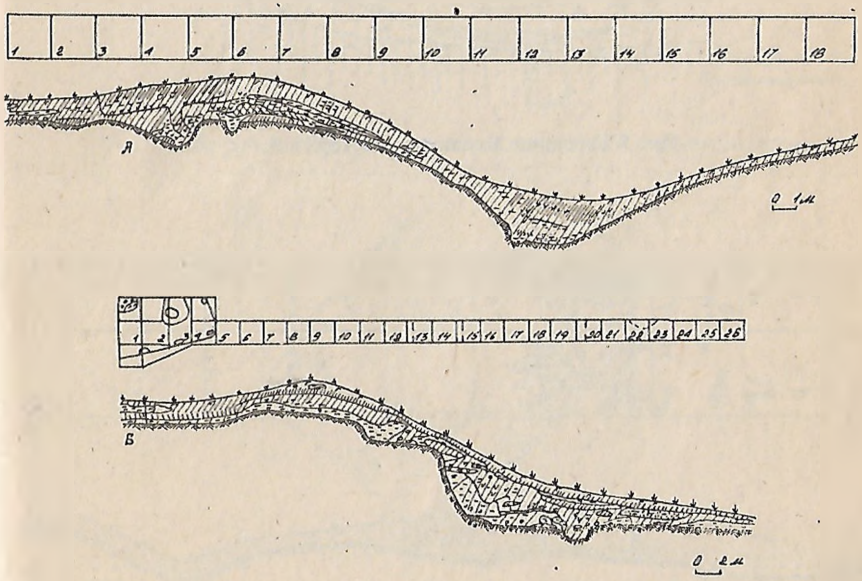


Рис. 4. Укрепления Животинного городища: а - первая линия, б - на стрелке мыса

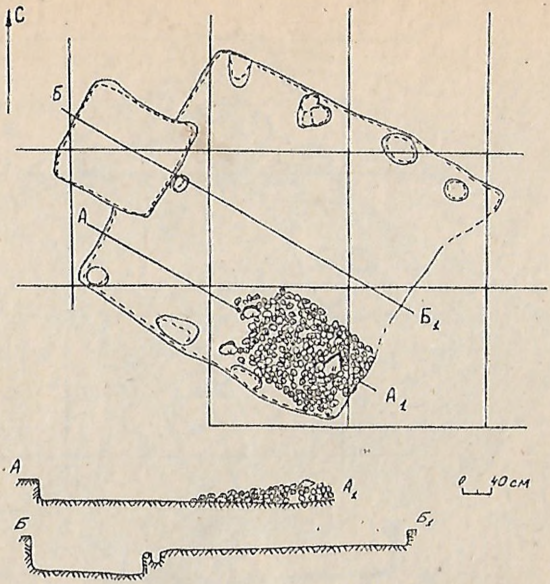


Рис. 9. Постройка №35 и хозяйственная яма №102 Животинного городища

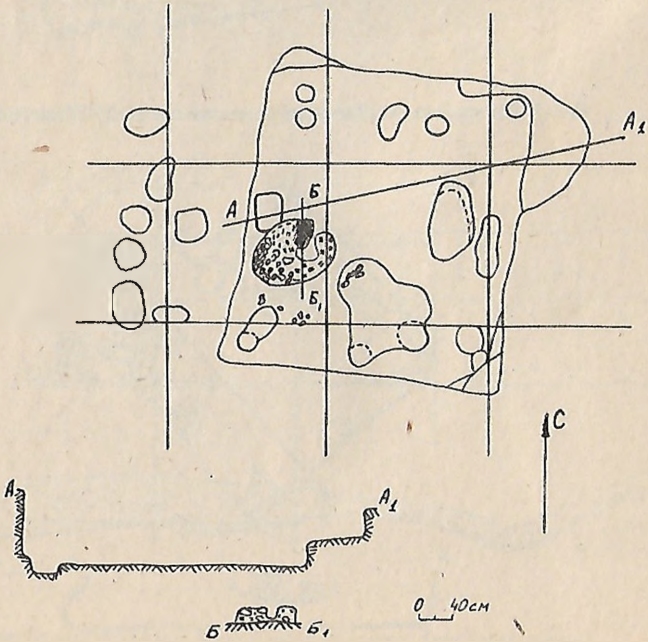


Рис. 10. Постройка № 49 Животинного городища

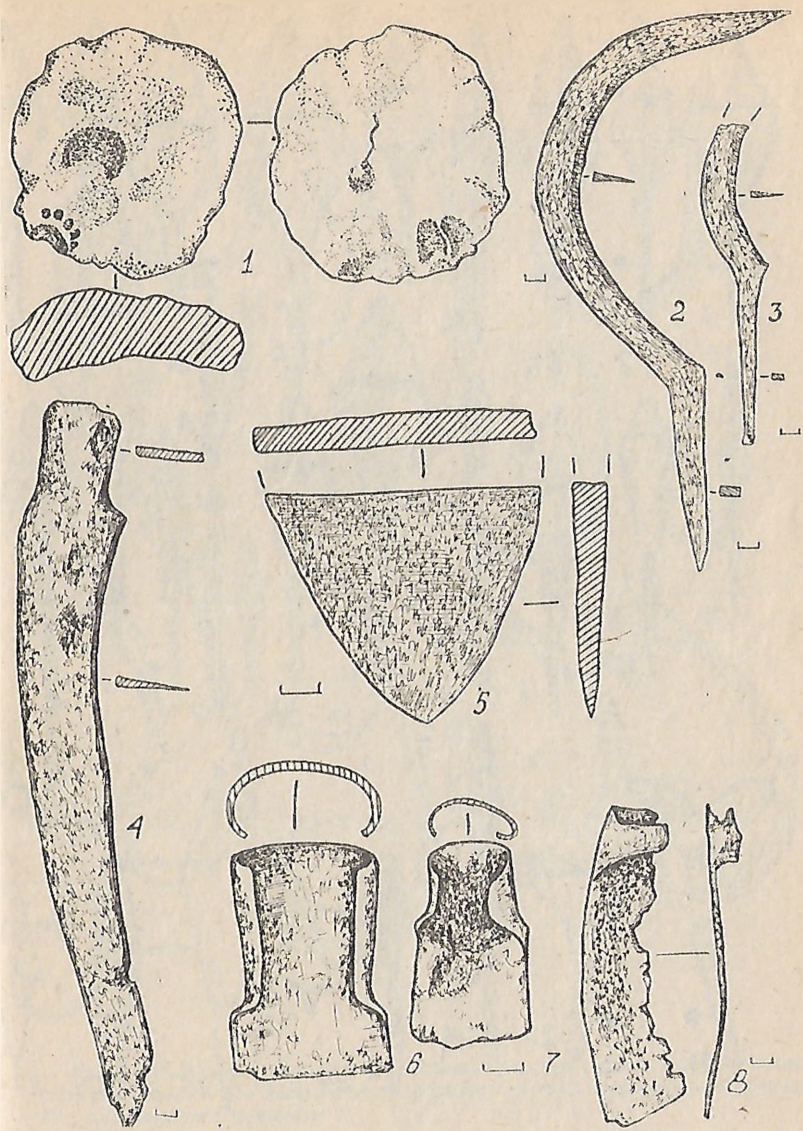


Рис. 11. Предметы, связанные с земледельческим хозяйством с памятников донских славян

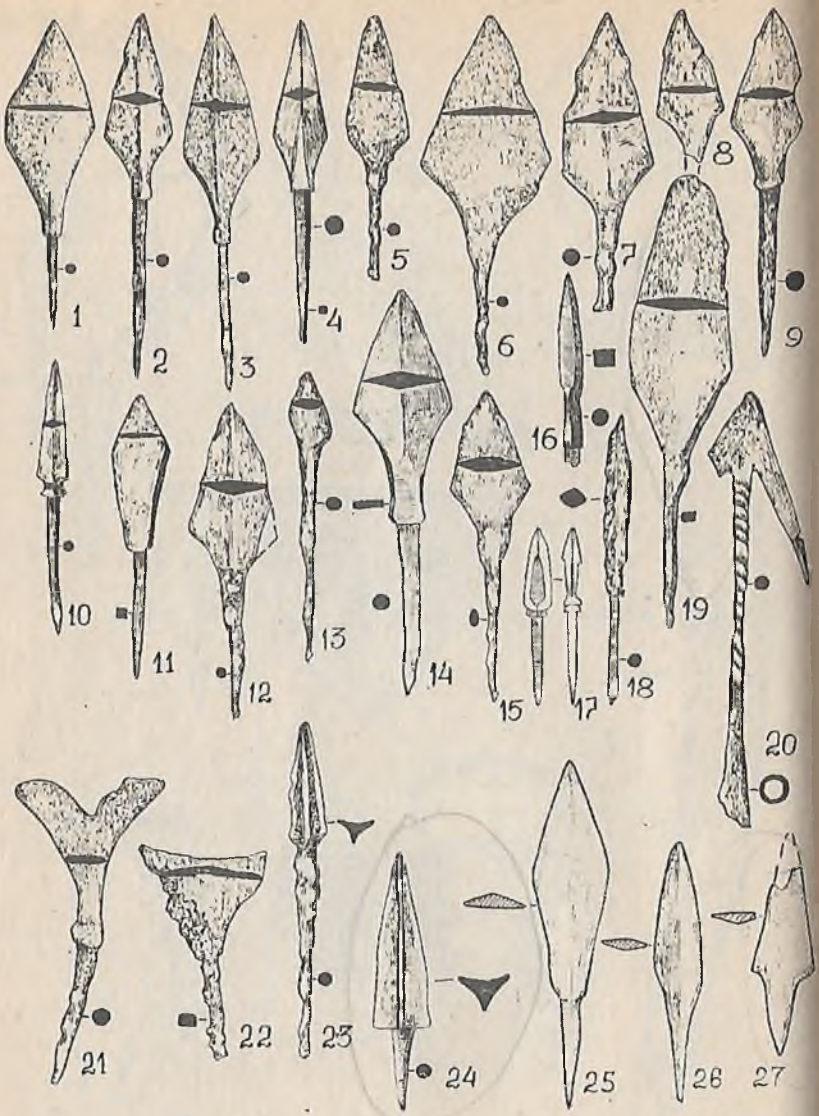


Рис. 12. Наконечники стрел (*1-18, 20-27*) и сулица (*19*) с памятников донских славян. *1-24* - железо; *25-27* - кость. *1-8, 16-18, 20, 25, 26* - Титчихинское городище; *9, 10* - Архангельское городище; *11, 21, 24* - I Белогорское городище; *12-15, 22, 23, 27* - Животинное городище; *19* - Городище Михайловский кордон

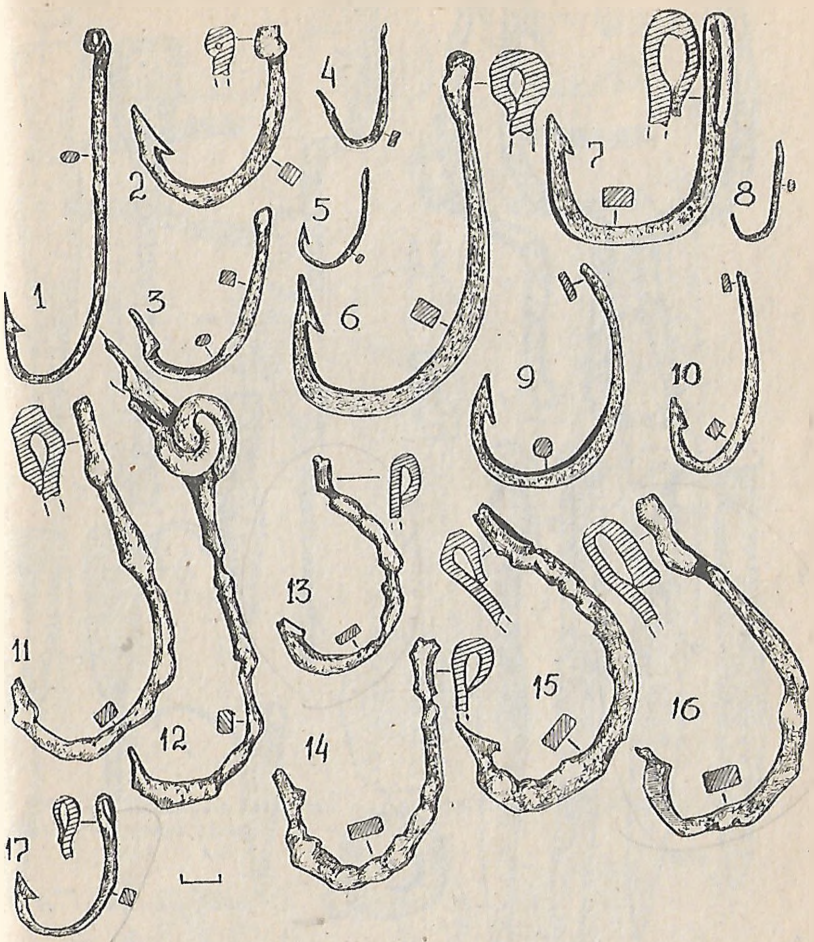


Рис. 13. Рыболовные крючки с памятников донских славян. *1-5* - Титчихинское городище, *6-12* - Животинное городище, *13-16* - I Белогорское городище, *17* - Кузнецовское городище

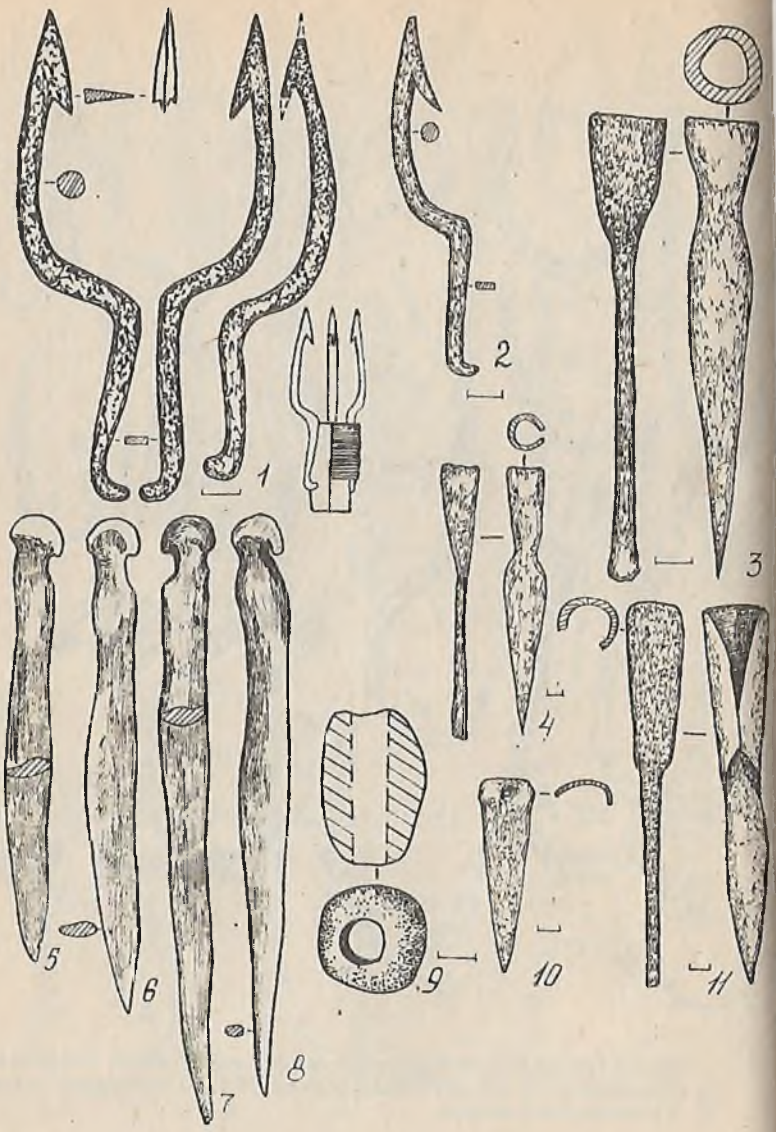


Рис. 14. Предметы, связанные с рыболовством с памятников донских славян

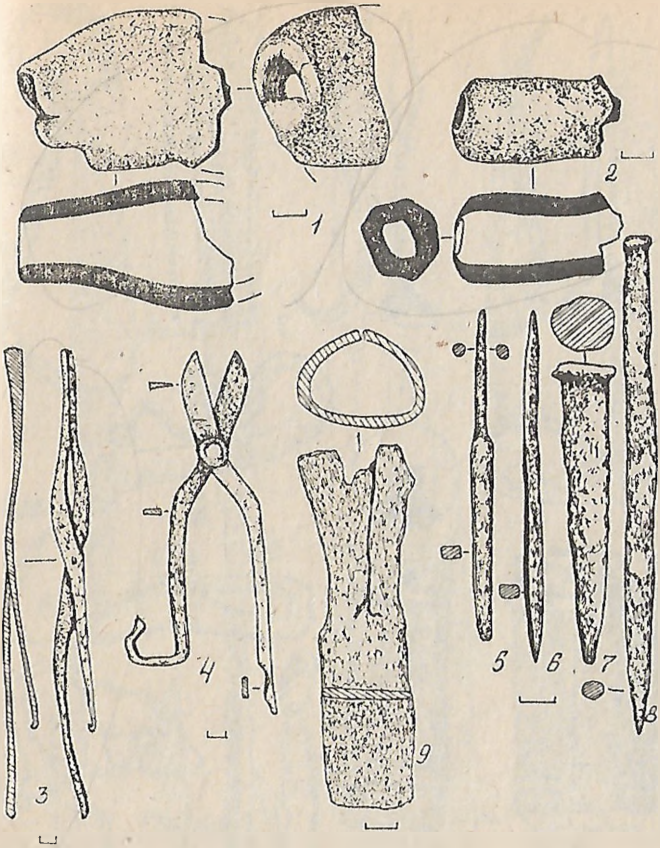


Рис. 15. Предметы, связанные с металлургией и металлообработкой с памятников донских славян.

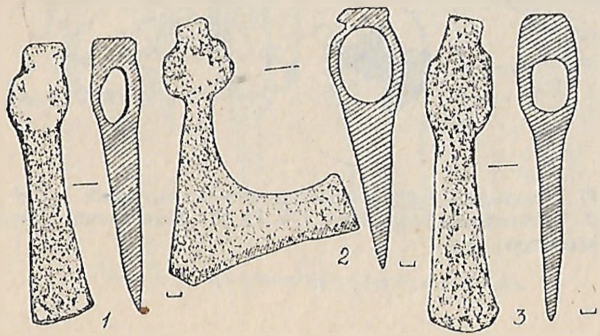


Рис. 16. Железные топоры. *1, 3* - I Белогорское городище, *2* - Малое Боршевское городище

1-4 - камень, 5-8 - глина

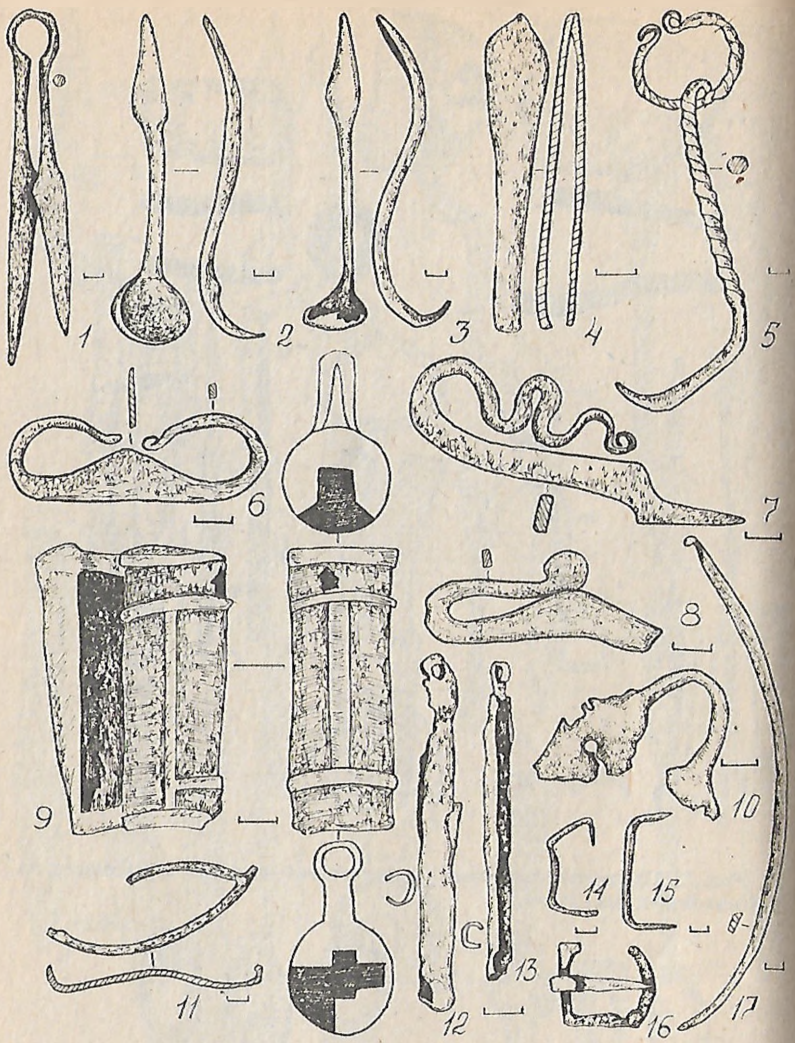


Рис. 17. Бытовые предметы с памятников донских славян *1, 2, 4-9, 11, 12, 14, 16, 17* - Титчихинское городище, *3, 8, 13, 15* - Животинное городище, *10* - I Белогорское городище

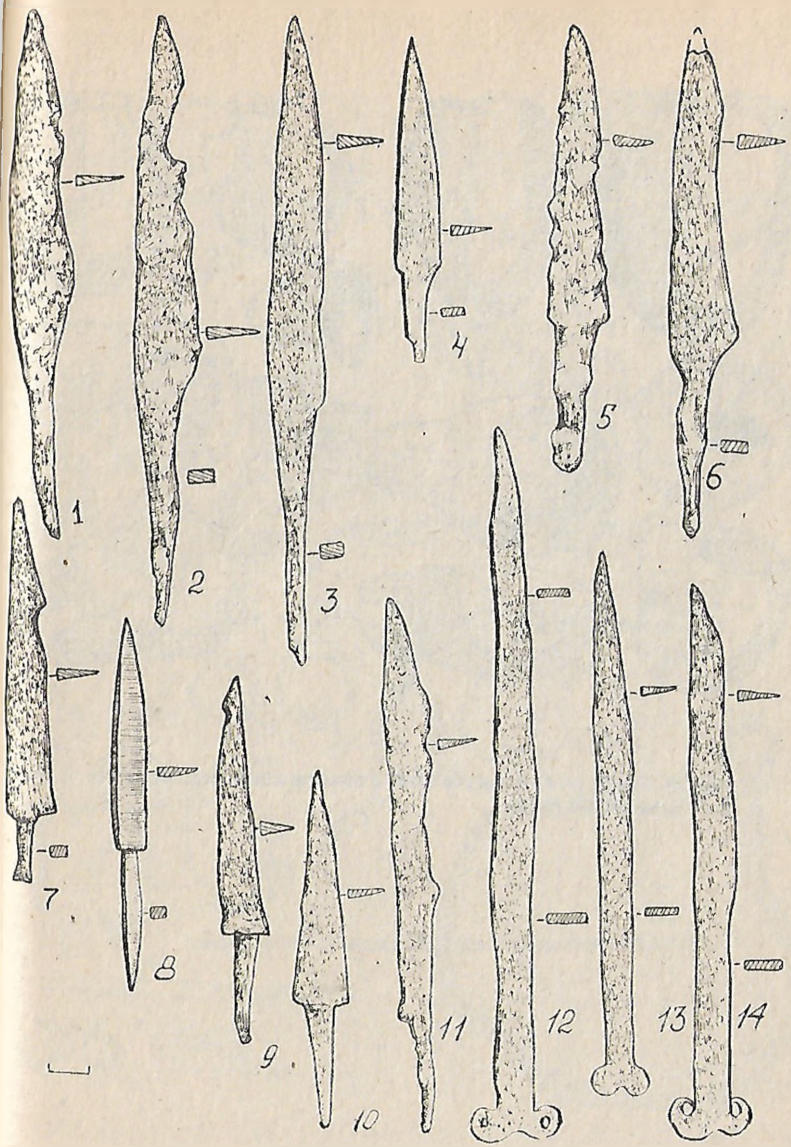


Рис. 18. Ножи с памятников донских славян

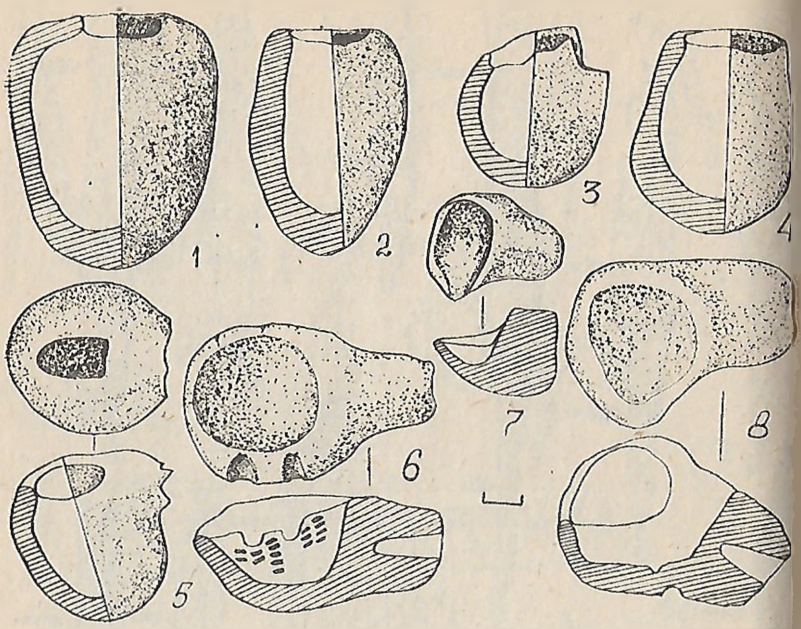


Рис. 19. Тигли (*1-4*) и льячки (*5-8*) с памятников донских славян. *1-4* - камень, *5-8* глина

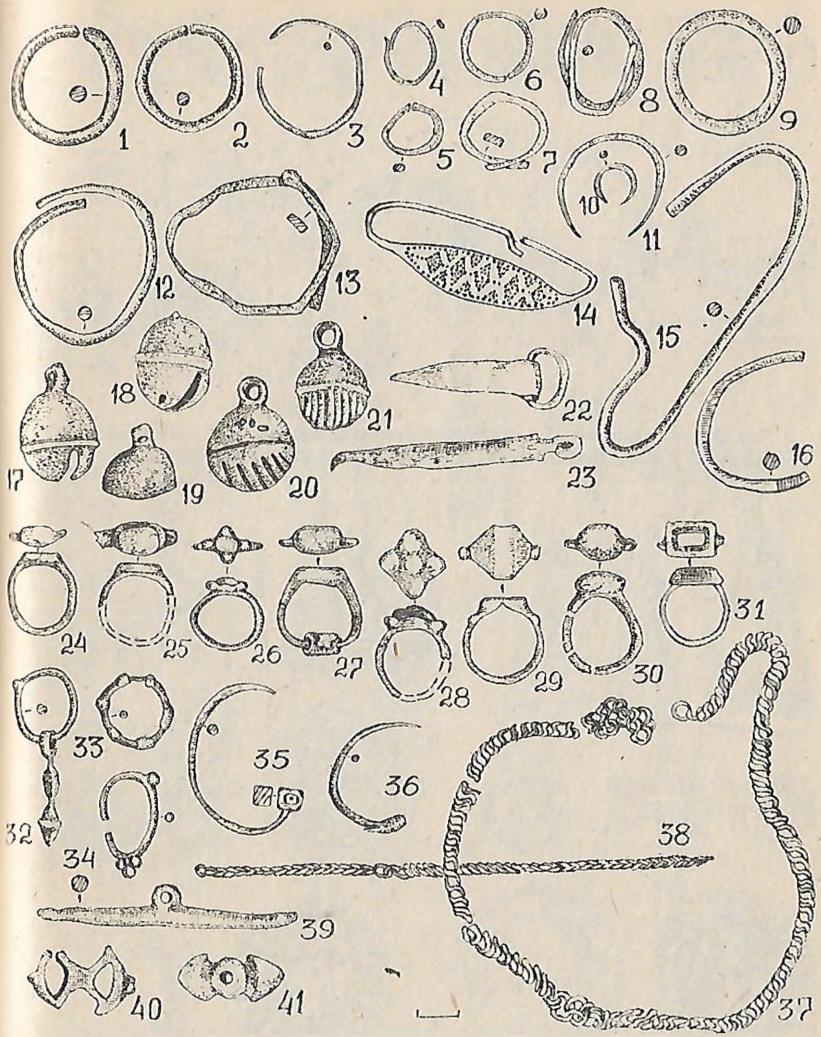


Рис. 20. Украшения с памятников донских славян. *1-6, 12, 13, 17-20, 22, 24, 26, 38-40* - Титчихинское городище, *7, 14* -Архангельское городище, *8* - Кузнецовское городище, *9-11, 15, 16, 23, 29-31, 33-37, 41* - Животинное городище, *21* - Боршевский могильник, *27* - городище Михайловский кордон, *28* - I Белогорское городище, *32* - Воргольское городище

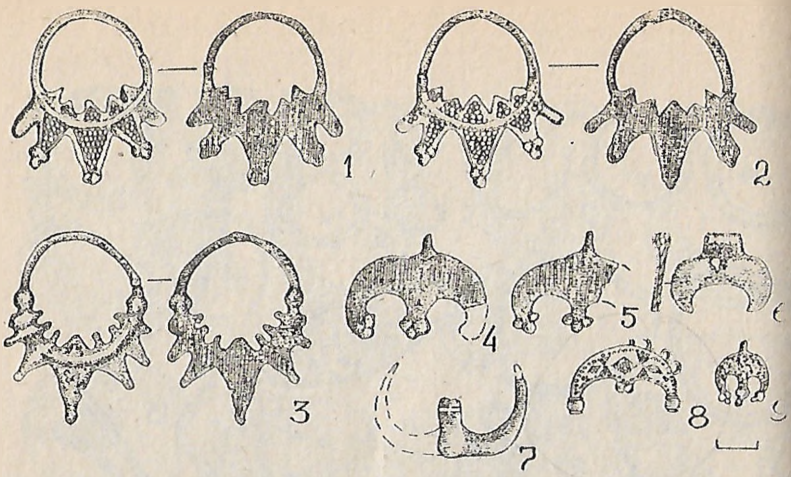


Рис. 21. Украшения с памятников донских славян. *1-6* - Титчихинское городище, *7* - Животинное городище, *8,9* - Кузнецовское городище

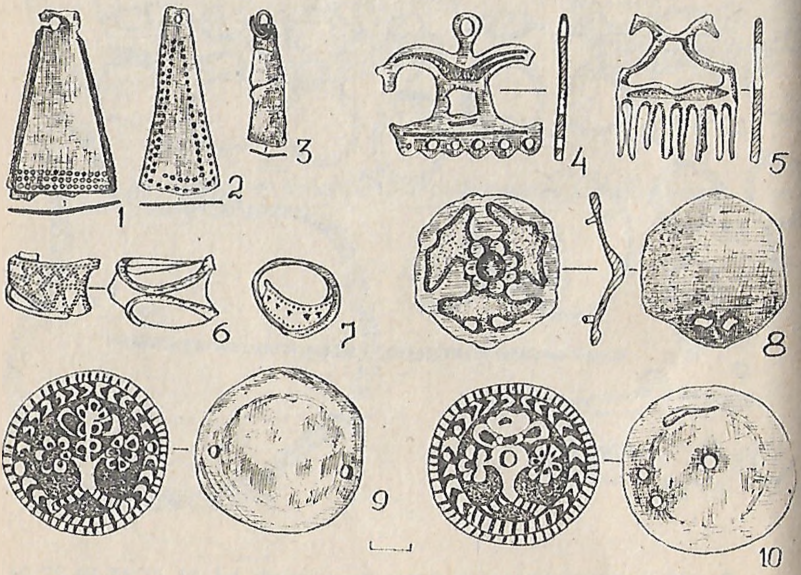


Рис. 22. Финно-угорские украшения с памятников донских славян. *1* - Воргольское городище, *2-4* - Животинное городище, *5* - I Белогорское городище, *6, 7* - Титчихинское городище, *8* - Большое Боршевское городище, *9, 10* - Архангельское городище

Рис. 23. Изделия из кости с памятников донских славян. *1, 4, 6, 7, 8, 10* - Титчихинское городище, *2* - Архангельское городище, *3, 11* - Животинное городище, *5* - Большое Боршевское городище, *9* - I Белогорское городище

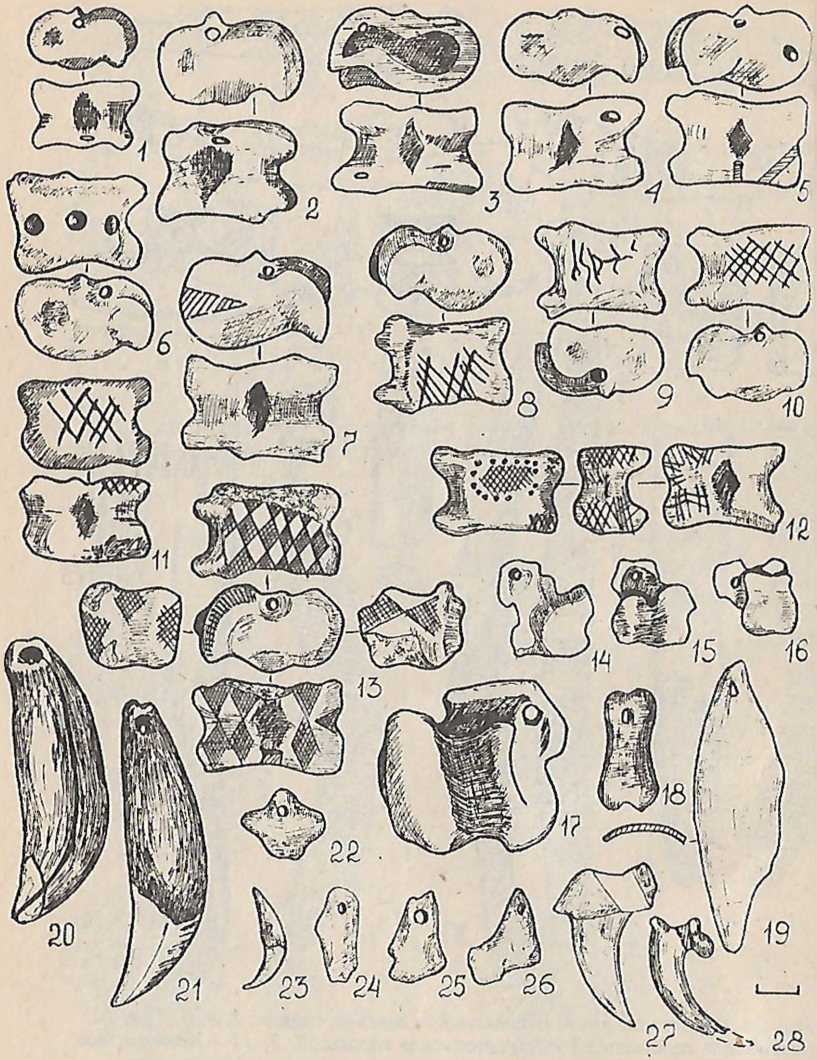


Рис. 24. Костяные амулеты с памятников донских славян. *1, 2, 4, 15, 16, 17, 20, 23-26* - Титчихинское городище, *3, 5-14, 18, 19, 21, 22, 27, 28* - Животинное городище

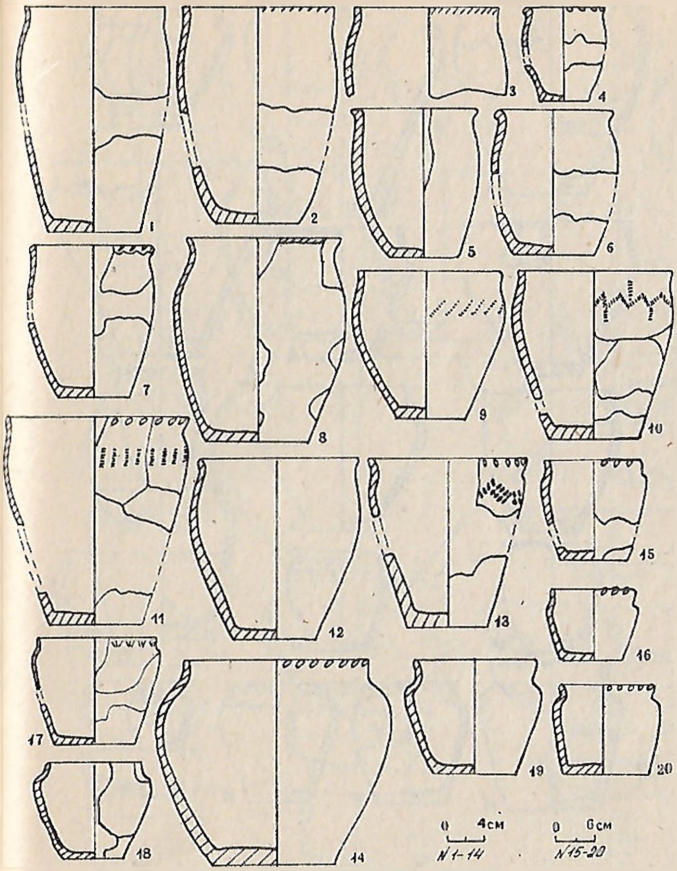


Рис. 25. Керамика донских славян

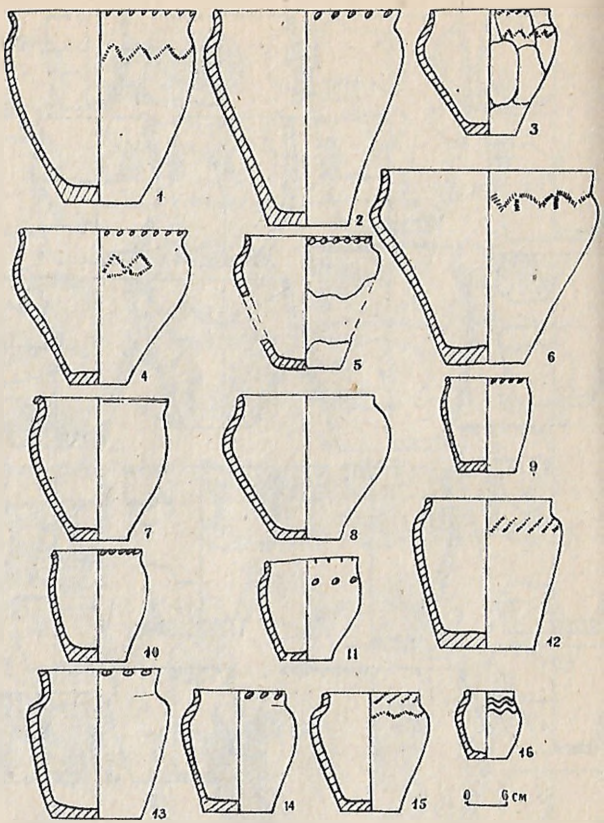


Рис. 26. Керамика донских славян

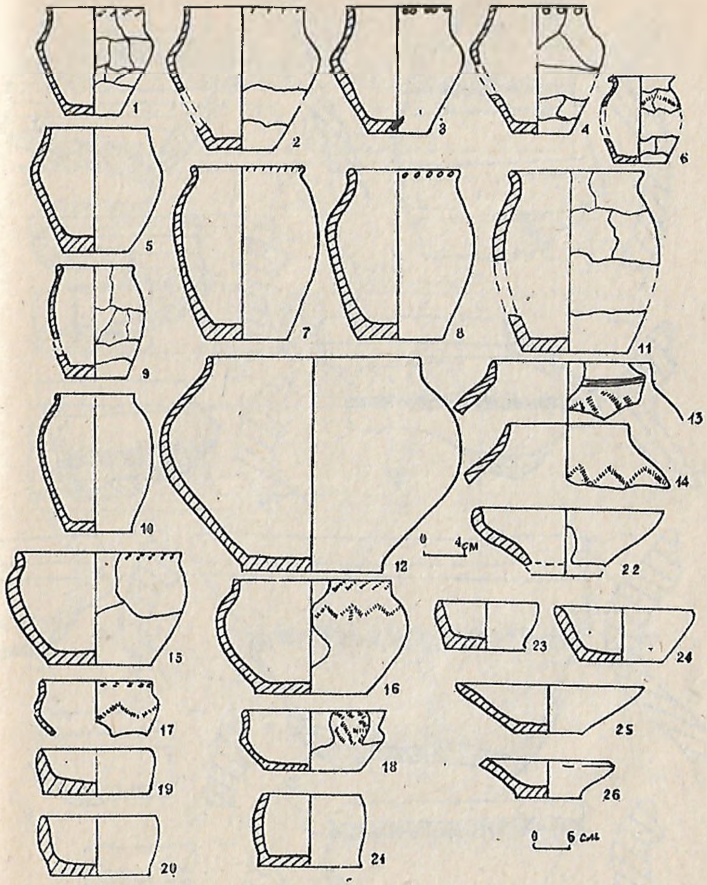


Рис. 27. Керамика донских славян

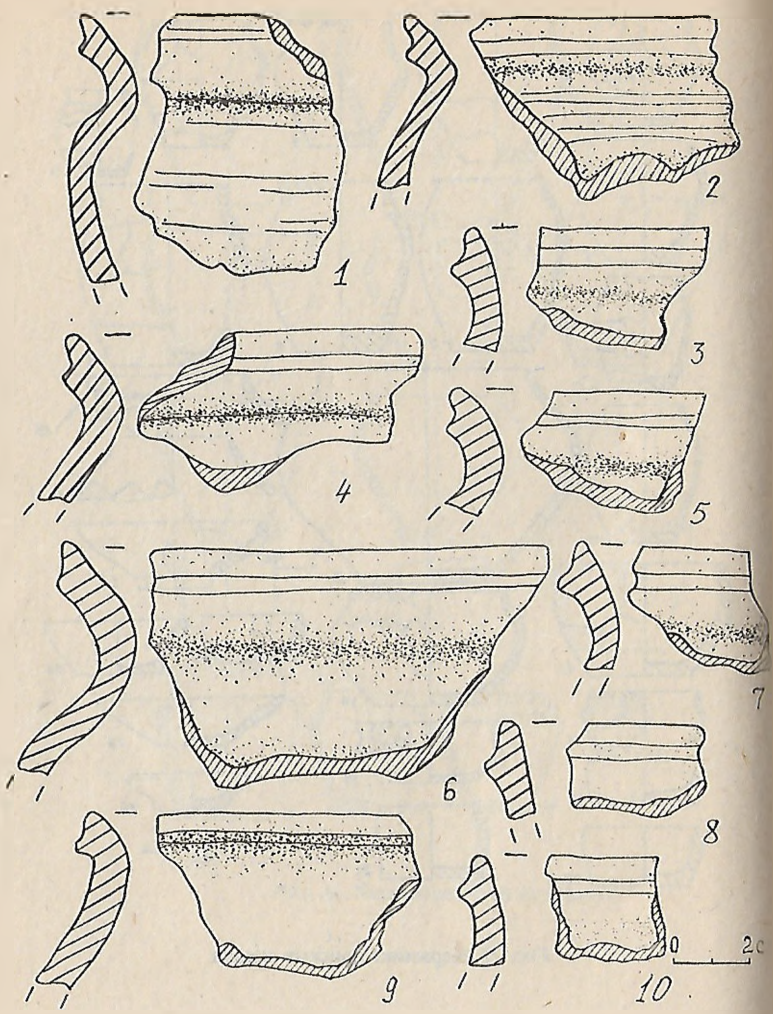


Рис. 28. Керамика донских славян

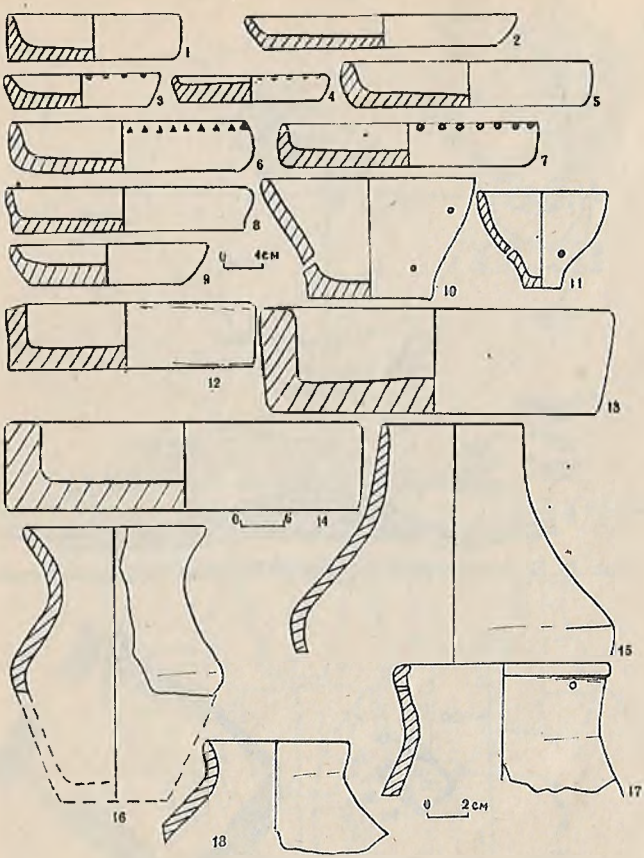


Рис. 29. Керамика донских славян

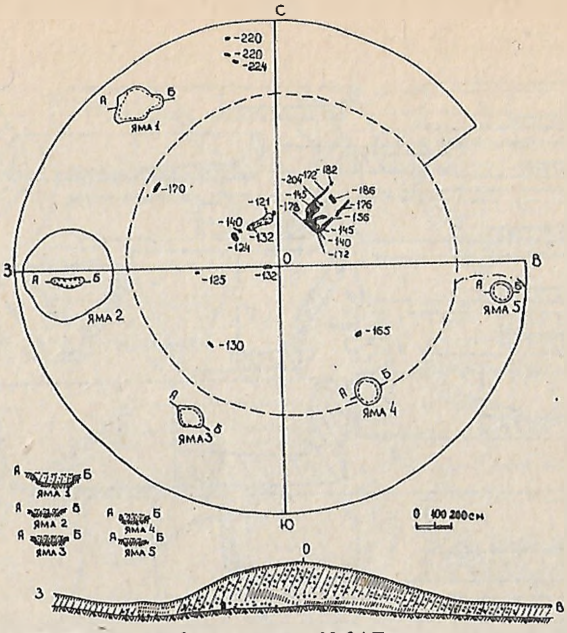


Рис. 30. План и профиль кургана №*24* Боршевского могильника

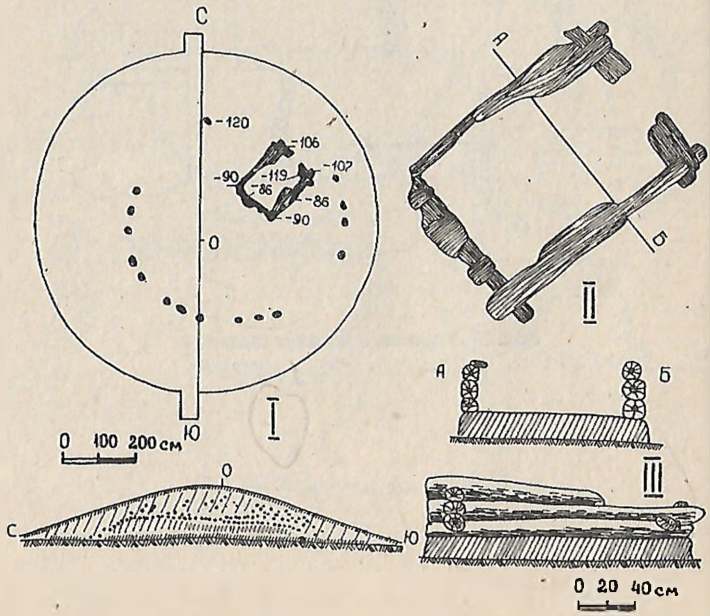


Рис. 31. Курган № 15 Боршевского могильника: I - план и профиль, II - погребальная камера, III - юго-восточная стена камеры

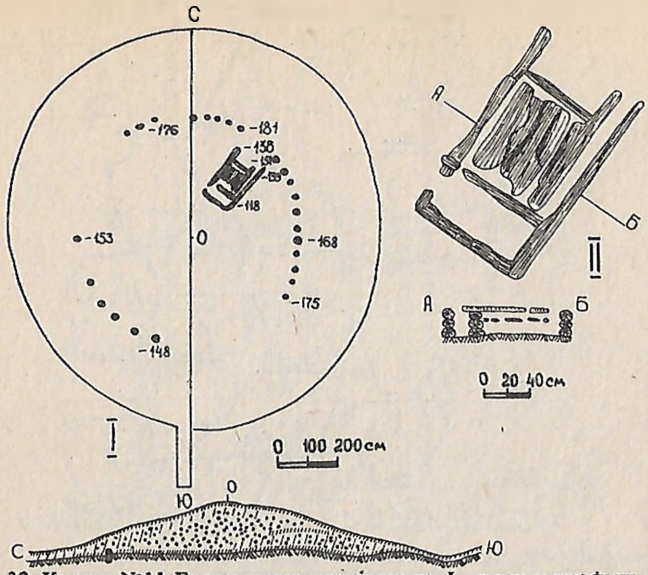


Рис. 32. Курган №11 Боршевского могильника: I - план и профиль, II погребальная камера

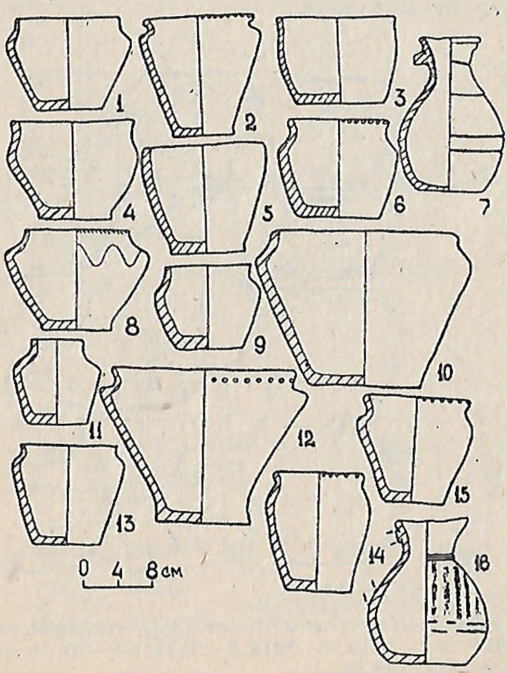


Рис. 33. Керамика из курганов Боршевского могильника: *1-5* - раскопки А.А. Спицына, *6-11* - раскопки экспедиции ГАИМК (*6,7* - курган № 1; *8-12* - курган *2; 13* - курган *3; 14-16* -курган № 4)

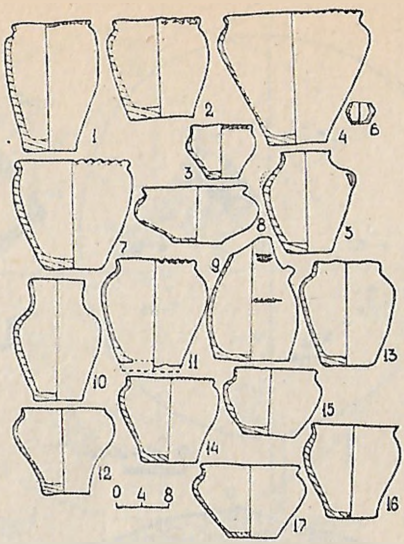


Рис. 34. Керамика из курганов Боршевского могильника, раскопанных экспедиций ВГУ: *1-3* - № 1; *4* - № 2; *5, 6* - № 3; *7-9* - № 4; *10, 11* - № 6; *12* - №7; *13* - № 8; *14,15* - № 12; *16* - № 14

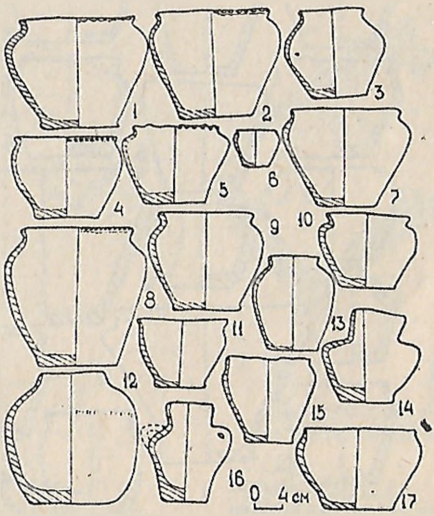


Рис. 35. Керамика из курганов Борщевского могильника, раскопанных экспедицией ВГУ: *1-3* - №16; *4* - №18; *5* - № 19; *6-9* - 20; *10, 11* - № 21; *12* -№ 22; *13-16* - № 23; *17* - № 24

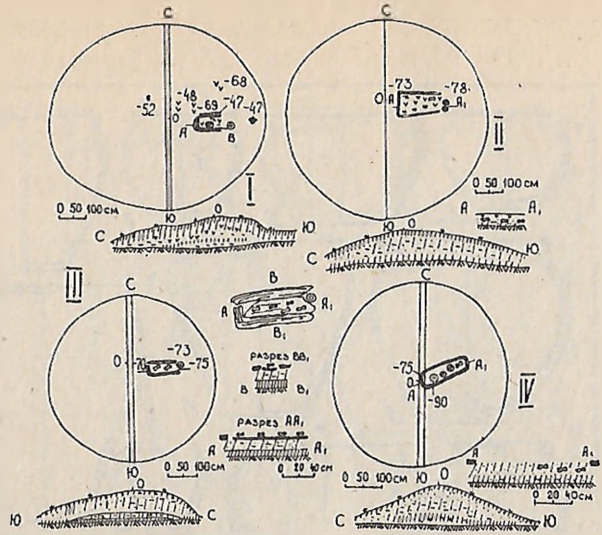


Рис. 36. Планы и профили курганов с деревянными камерами Лысогорского могильника: *I* - № 7; II - № 10; III - № 16; IV - № 19

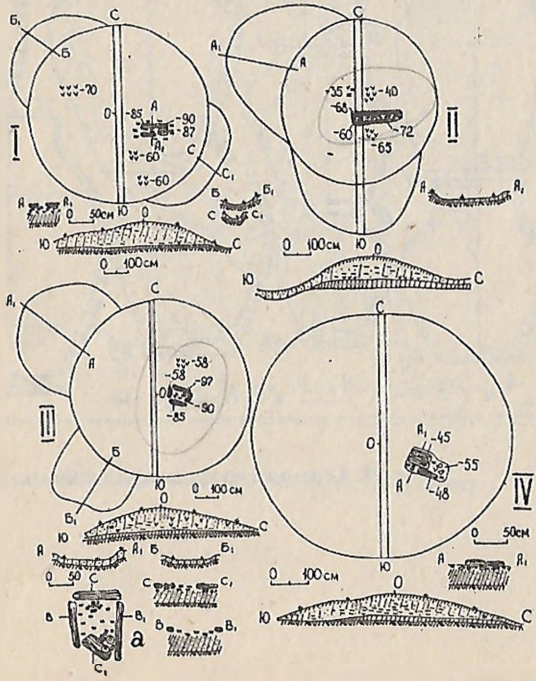


Рис. 37. Планы и профили курганов с деревянными камерами II Белогорского могильника: I - № 30; II -№ 31; III - № 38 (а -погребальная камера); IV - № 44

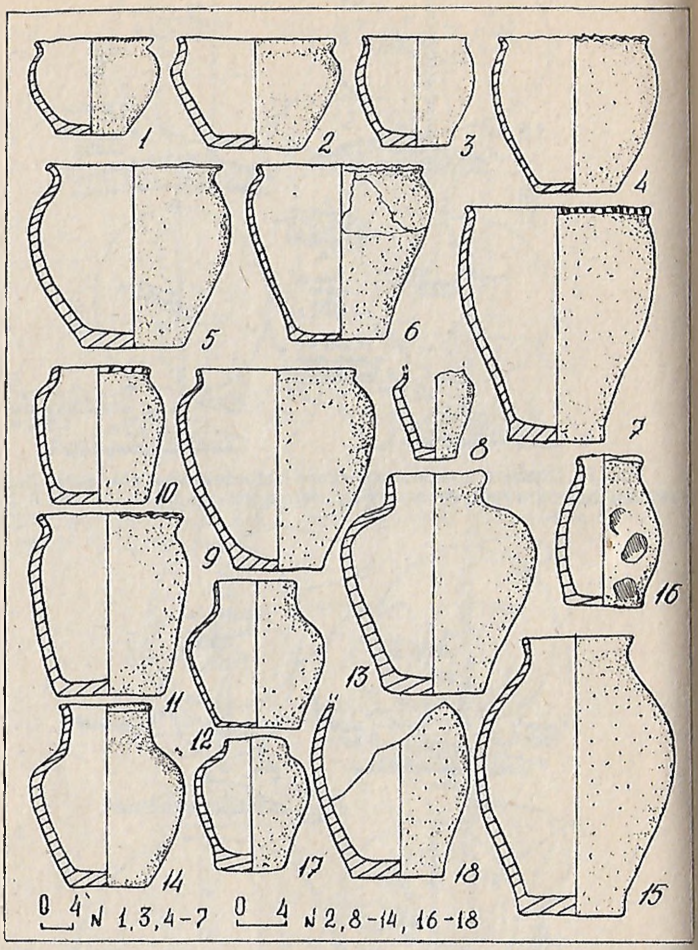


Рис. 38. Керамика из курганов на р.Воронеже

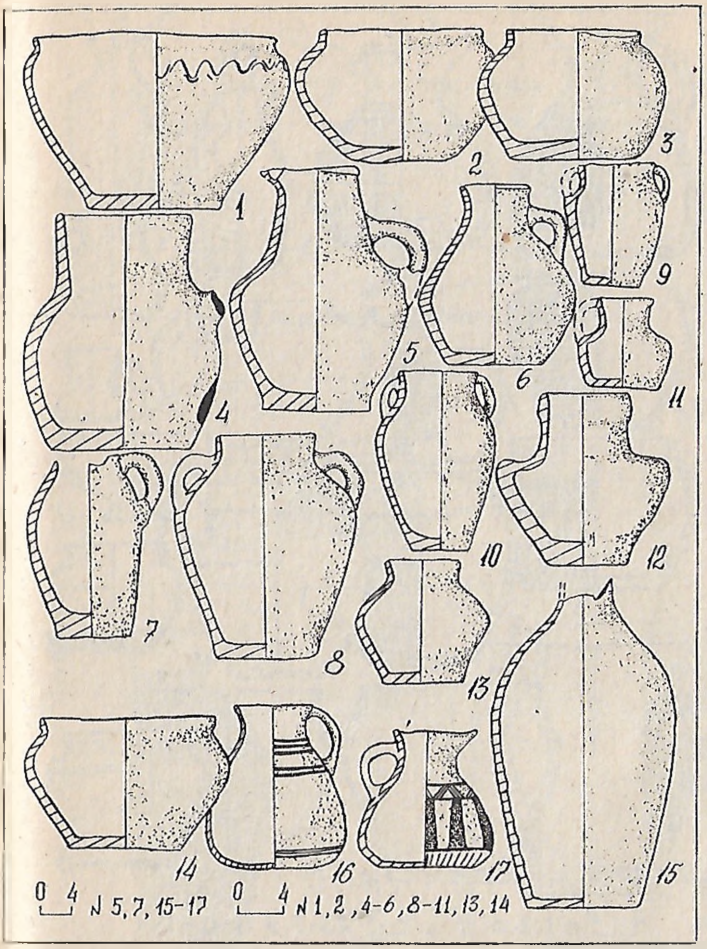


Рис. 39. Керамика из курганов на р.Воронеже

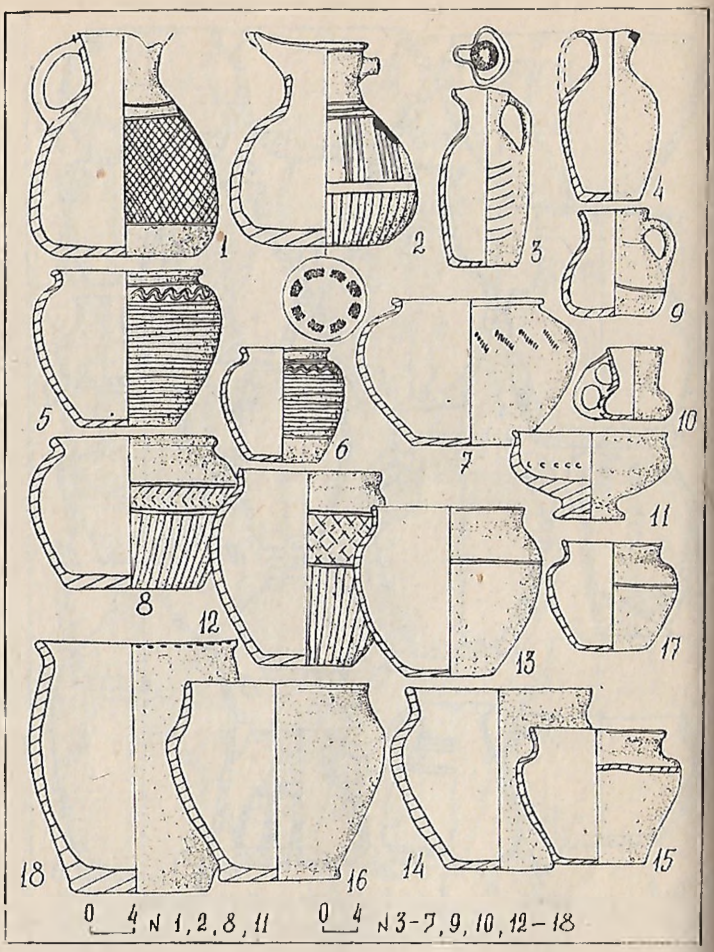


Рис. 40. Керамика из курганов на р.Воронеже

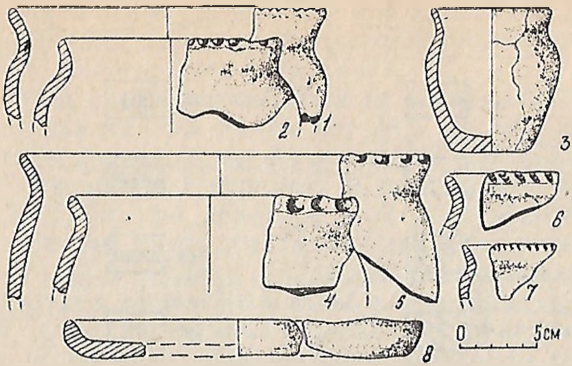


Рис. 41. Керамика с поселения "Дрониха"

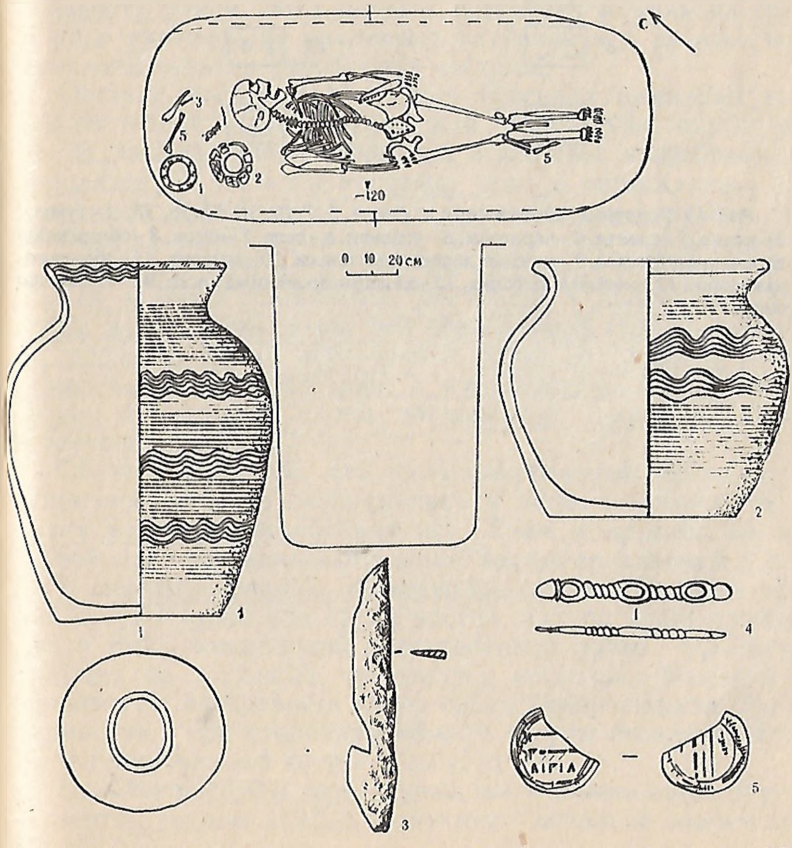


Рис. 42. Погребение салтово-маяцкой культуры с поселения Чертовицкое III

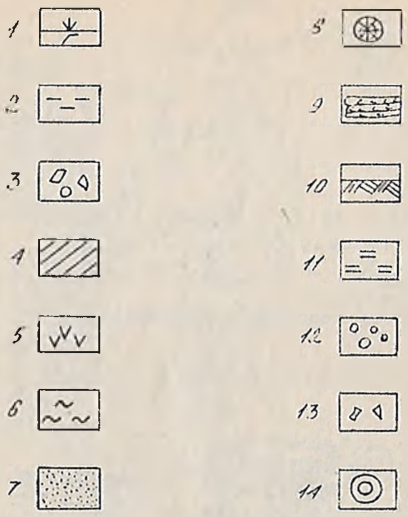


Рис. 43. Условные обозначения к рис. *4, 5, 7-10, 30-32, 36, 37*. *1* - гумус, *2* - глина, *3* - камни, *4* - чернозем, *5* - угольки, *6* - зола, *7* -песок, *8* - обгоревшие деревянные столбы, *9* - горелые деревянные плахи, *10* -материк, *11* - обожженная глина, *12* - меловая щебенка, *13* - кальцинированные кости, *14* - глиняный сосуд

суды, но ни в одном из них не было кальцинированных костей. Деревянная оградка прослежена только в одном из курганов II Белогорского могильника.

К третьей группе можно отнести 15 насыпей II Белогорского могильника, что составляет 28% от всех раскопанных курганов, и курган 9 на Лысогорском могильнике. Подавляющее большинство курганов в этой группе имеет высоту — 1,1—1,2 м при диаметре 7—9 м. В некоторых курганах погребенная почва показывает диаметр курганов в древности: 4,5—6,5 м. Ровики в виде небольших канавок с одной или нескольких сторон выявлены в некоторых курганах. Ни в одном из исследованных ровиков не обнаружены следы кострищ. В насыпях ряда курганов встречены очень редкие угольки. В кургане 5 в нижней части насыпи в юго-западном секторе найден небольшой славянский сосуд с отбитым в древности боком. Этот сосуд с погребением вряд ли связан. В ряде курганов на различных глубинах и в разных частях выявлены остатки ритуальных кострищ,

Остатки погребений во всех курганах выявлены или в юго-восточной части кургана, или строго к востоку от центра. В данной группе курганов встречены погребения трех вариантов: 1) остатки кострищ, угли и обожженные плахи вперемежку с мелкими кальцинированными костями расположены на погребенной почве, которая имеет следы прокала; 2) на погребенной почве имеется площадка обожженной глины, на которой выявлены кострища и кальцинированные кости, погребенная почва под обожженной глиной имеет следы прокала; 3) на погребенной почве со следами прокала выявлены остатки кострищ с кальцинированными костями, сверху перекрытые слоем обожженной глины, на которой встречены угли.

Следует отметить, что кальцинированные кости в силу вторичного обжига очень мелкие и легко рассыпаются. Никаких вещей в погребениях нет. Лишь в кургане 10 среди костей найдена невыразительная железная поделка.

В десяти курганах обнаружены сосуды. Во всех курганах сосуды стоят или среди костей, или на краю площадки, или в ямке, выкопанной в погребенной почве. На сосудах, стоящих на кострище, чувствуется несколько большая прокаленность, поверхность имеет следы закопченности. По всей видимости, при вторичном обжиге сосуды стояли на костре. Кальцинированных костей в сосудах нет.

На Лысогорском могильнике исследовано пять курганов четвертой группы (19%). Они имеют довольно значительную

высоту — 1,2—1,5 м при диаметре 8,2—10,2 м. У трех курганов прослежены ровики, у одного из них ровик имеется по всему периметру. В ровике кургана 5 обнаружен славянский горшок, орнаментированный по верху венчика вдавлениями палочки. Во всех курганах выявлены погребальные кострища, располагающиеся в разных частях: к северу от центра, в центре насыпи, в западной половине, к северо-западу от центра, в восточной половине. В четырех курганах кострища располагались на специально сооруженной подсыпке, а в одном сожжение произведено на уровне материка. Здесь почва предварительно была очищена, возможно ранее, для насыпки других курганов. На площадках находятся зола, угли и очень мелкие кальцинированные кости. Во всех курганах, независимо от места расположения погребального кострища, остатки кремации захоронены в восточной части кургана на уровне погребенной почвы. Погребения представляют собой скопления кальцинированных костей без углей и золы, рядом с которыми или на них стоят сосуды без костей.

На II Белогорском могильнике раскопаны два кургана данной группы. Оба кургана выделяются своей высотой — 1,3 и 1,4 м, хотя по диаметру незначительны. В насыпях обоих курганов в большом количестве обнаружены отдельные угольки, угольные скопления. Остатки погребального костра выявлены в восточной половине. Остатки кремации собраны на месте сожжения, что отличает их от аналогичных курганов Лысогорского могильника.

Курганов с сожжением в специальных сооружениях (пятая группа) раскопано два и оба на II Белогорском могильнике. Ровики у этих курганов отсутствуют. Угли обнаружены в насыпях обоих курганов.

Конструкции погребальных сооружений, в которых совершался обряд сожжения, трудно восстановить, но они весьма существенно отличаются от описанных выше погребальных камер. Они в два-три раза больше по площади и довольно однотипны. Сверху, как правило, их перекрывает слой обожженной глины толщиной 5—10 см, на котором почти всегда имеются в большом количестве угли, зольные пятна. О сожжении на месте свидетельствует сильная прокаленность погребенной почвы, на которой стояли эти конструкции. В погребальных сооружениях обнаружены сосуды со следами сильного прокала. В сосудах костей нет.

Заканчивая обзор раскопанных курганов из могильников на р. Воронеж, можно отметить, что не для всех могильни-

ков разные группы погребений характерны в одинаковой степени (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение групп погребений на отдельных могильниках, расположенных на р. Воронеж, % к раскопанным курганам

Могильник	Группа погребений				
	первая	вторая	третья	четвертая	пятая
Лысогорский *	50	23	4	19	—
I Белогорский	100	—	—	—	—
II Белогорский	53,4	15	25	3,3	3,3

* Не учтен курган 18 с невыразительным погребальным обрядом.

Наиболее широко распространенным погребальным обрядом является трупосожжение на стороне с последующим захоронением остатков кремации в восточной половине кургана на уровне погребенной почвы (первая группа).

Второй тип погребений — трупосожжение на стороне и помещение остатков кремации в деревяных камерах — распространен значительно меньше. Причем, деревянные погребальные сооружения значительно более упрощенные, примитивные, нежели на Боршевском могильнике. Вероятно, здесь этот обряд представлен в своем вырождающемся варианте. Довольно широко в воронежских курганах представлен обряд трупосожжения на месте. На II Белогорском могильнике выявлено два кургана, в которых кремирование производилось в специальных деревянных сооружениях на месте будущего кургана. Можно отметить, что наличие трупосожжения в специальных деревянных сооружениях является одной из особенностей II Белогорского могильника.

Керамика, встреченная в могильниках на р. Воронеж, разнообразна по форме и технологии изготовления. Она делится на лепную и гончарную. Кроме того, имеются сосуды, изготовленные ручным способом, со следами правки на гончарном круге.

Наиболее многочисленна, как и следовало ожидать, лепная керамика, в основном представленная славянской посудой. Здесь встречены горшки, миски, кувшины (рис. 38; 39, *1—14;* 40, *15—18*).

Горшки. Первых трех типов горшков в курганах нет. Горшки представлены типами 4, 5, 6. Кроме того, есть в достаточно большом количестве сосуды, относимые нами условно к типам 7, 8, 9, но они существенно отличаются от славянской донской керамики. Горшки типов 7, 8, 9, кувшины и кувшинообразные сосуды рассмотрены в гл. V. Кроме горшков в курганах на р. Воронеж встречена значительная коллекция мискообразных сосудов. Кроме славянской лепной посуды найдено два сосуда, которые по форме сопоставимы с керамикой мордовских могильников конца I тысячелетия.

Курганные могильники на р. Воронеж наряду с лепной посудой содержат в большом количестве гончарную керамику салтово-маяцкой культуры, представленной кувшинами, горшками, кружками и вазой-светильником. Подробно эта керамика рассмотрена в гл. V.

К кругу древностей, близко стоящих к салтово-маяцким, необходимо отнести так называемые «волынцевские» горшки. Под этим термином обычно понимают горшки с высокой вертикальной или слегка отклоненной шейкой и лощеными поверхностями.

На рассматриваемых памятниках горшки, которые можно отнести к волынцевским, далеко не идентичны. Среди них выделяется один горшок, встреченный в одном из курганов I Белогорского могильника (рис. 40, *12*), который по всем показателям может быть причислен к волынцевской керамике. Это лощеный гончарный сосуд, вылепленный из плотного хорошего теста, с высокой прямой шейкой, конусовидным туловом. Нижняя часть сосуда орнаментирована пролощенными вертикальными полосами, а верхняя — двумя параллельными горизонтальными врезными линиями, между которыми имеется пролощенный сетчатый орнамент. С. А. Плетнева, называя такие сосуды «горшки-корчаги», считает, что эти горшки являются результатом взаимных контактов славянского и салтово-маяцкого населения — форма типично славянская, а техника изготовления, тесто, лощение — салтовские (15, с. 121).

К волынцевской керамике мы относим и два горшка конусовидной формы с крутыми плечиками и высокой плавно отгибающейся наружу шейкой. Один из них (I Белогорский)

(рис. 40, *13*) — гончарный, а с Лысой горы (рис. 40, *15*) — лепной, правленный на круге и довольно тщательно отделан. Поверхности сосудов имеют хорошее лощение черного и светло-коричневого цвета. Оба горшка по плечикам орнаментированы двумя горизонтальными врезными параллельными линиями, на лысогорском сосуде в пространстве между ними имеются штрихи. На Лысогорском и Белогорском могильниках найдены три горшка с высокой прямой шейкой приземистой формы (напоминающих тип 4 славянских горшков). Они лепные, но правленные на круге, с очень хорошо обработанными поверхностями, имеющими некоторое лощение. Один из них орнаментирован в верхней части тулова врезной горизонтальной линией. К этой же группе керамики, с очень большой оговоркой, можно отнести еще один лепной сосуд из Лысогорского могильника (рис. 40, *16*). Он имеет высокую прямую шейку, широкое горло и дно, поверхности бугристые и одновременно залощенные.

Таким образом, к группе так называемых «волынцевских» сосудов можно отнести не только собственно «классические» волынцевские, но и те, которые несут черты волынцевской керамики, сочетая в себе элементы славянского и салтово-маяцкого керамического производства. Итак, рассмотренная керамика из курганных могильников на р. Воронеж далеко не идентична. Самая многочисленная группа лепной посуды заключает в себе довольно разнообразные формы славянской керамики, но асимметричность форм, крупные примеси и плохо размешанное керамическое тесто, отсутствие нередко на поверхности следов какого-либо заглаживания, слабый обжиг или наоборот, очень сильный пережог посуды, от которого она крошится, — все это свидетельствует о ее специальном изготовлении для похоронного ритуала. Это же явление мы отмечали и применительно к керамике Боршевского могильника. В ряде случаев использовалась керамика, уже бывшая в употреблении, эти сосуды отличаются несколько лучшим качеством.

Горшки типов 7, 8, 9 и яйцевидные сосуды с двумя ушками по технологическим признакам образуют довольно устойчивое единство: коричневые или кирпичного цвета поверхности; примесь песка; у многих из них тщательно обработанные поверхности нередко с лощением, хотя и не очень качественным; почти полное отсутствие орнамента; общность в пропорциях (вытянутость форм, при равных или почти равных диаметрах дна и горла); у подавляющего большинства сосудов верх венчика плоско срезан. Все это отличает эту

керамику от обычной славянской, и в то же время, в ней ощущается некоторое влияние салтовского керамического производства: яйцевидность и шаровидность форм, орнаментация накольчатым штампом, примесь песка. Как правило, сосуды этих типов небольших размеров, асимметричных форм, скорее всего, большинство из них изготовлялось специально для погребального ритуала. Как уже указывалось, сосуды с ушками несут традиции кочевнической керамики. Все эти типы сосудов, безусловно, изготовлены населением, оставившим II Белогорский могильник, на котором они встречены. Два мордовских сосуда по своим технологическим данным также не отличаются от рассмотренных выше сосудов. Они тоже местного производства (рис. 39, *13, 14*).

Почти вся салтовская керамика, встреченная в курганах, вряд ли изготовлена здесь на поселениях на р. Воронеж, за исключением нескольких сосудов, не являются они и предметом славянского импорта. Все салтовские сосуды и прежде всего кувшины, имеют следы употребления в хозяйстве (обломаны ручки, сливы, древние сколы на тулове, стертое лощение). В отличие от славянских, салтовская керамика для погребения специально не изготовлялась. На I Белогорском могильнике салтовской керамики и близкой к ней волынцевской значительно больше в процентном отношении, чем на других могильниках.

Что касается волынцевской керамики, то она, как мы уже подчеркивали, очень разная. С одной стороны, мы здесь видим сосуды, которые, по всей видимости, не местного производства, с другой — сосуды, по форме близкие к волынцевским, являются подражаниями волынцевским и изготовлялись, конечно, на месте населением, оставившим эти могильники.

Для каждой из групп погребений удается наметить наиболее характерные типы керамики. В курганах с трупосожжением на стороне и помещением остатков кремации в восточной половине на уровне погребенной почвы (первая группа) встречаются практически все виды посуды, подавляющее большинство славянской лепной керамики найдено именно в этих курганах. В рассматриваемых курганах встречена и салтово-маяцкая керамика. На I Белогорском могильнике салтовский кувшин лишь в кургане 5 находился вместе со славянским горшком, все остальные курганы содержали только салтовскую посуду. На II Белогорском могильнике салтовская керамика также встречена без других сосудов. На Лысогорском могильнике в кургане 6 салтовский кувшин

был единственным в погребении, а в двух других курганах (17, 20) вместе со славянской посудой. В курганах первой группы встречено также несколько волынцевских сосудов.

В курганах с деревянными камерами (вторая группа) не прослежено каких-либо стабильных керамических групп. Как и в курганах первой группы, салтовская посуда редко встречается в сочетании с обычной славянской.

В курганах с трупосожжением на месте, так же, как и в курганах с камерами, нет какой-либо определенной стабильности в керамике. Обращает на себя внимание, что в кургане 1 Лысогорского могильника встречен только салтовский кувшин, хотя, возможно, и местного производства.

В курганах со вторичным обжигом кальцинированных костей на месте погребения керамика довольно разнообразна. Можно отметить находку салтовского кувшина в кургане 9 с Лысогорского могильника, где он был единственным сосудом в погребении.

Подводя итоги рассмотрения погребального обряда донских славян, необходимо подчеркнуть, что он дает возможность выделить два района: Средний Дон и Верхний Дон (р. Воронеж), имеющие существенные различия в погребальной обрядности. 1. Совершенно очевидно, что на р. Воронеж преобладают курганы меньших размеров (высота и диаметр) по сравнению с Боршевским могильником. 2. Различен характер околокурганных ровиков. На Боршевском могильнике это кольцевые, прерывающиеся в северо-восточном секторе ровики, в курганах р. Воронеж ровики или не прослежены совсем, или имеются только с одной из сторон. Лишь на II Белогорском могильнике исследованы ровики, прерывающиеся в нескольких местах. 3. Только на Боршевском могильнике встречены курганы со столбом в центре. 4. Подавляющее большинство курганов Боршевского могильника имеют деревянные оградки, чего нельзя сказать о курганах на р. Воронеж. 5. Почти во всех курганах Боршевского могильника выявлены деревянные погребальные камеры. Что касается могильников на р. Воронеж, то в них деревянные камеры составляют незначительный процент и весьма существенно отличаются от боршевских. 6. Воронежские курганы содержат разнообразные способы захоронения. 7. В Боршевском могильнике преобладает славянская керамика, лишь несколько сосудов импортного происхождения. К Боршевскому могильнику близок керамический комплекс Лысогорского могильника, но и он имеет весьма существенные отличия: большой процент салтовской и волынцевской

керамики. На I Белогорском могильнике преобладает салтовская и близкая к ней волынцевская керамика. На II Белогорском могильнике значительный процент составляет керамика славяно-алано-болгарского облика.

Эти различия в погребальном обряде Боршевского могильника и могильников на р. Воронеж связаны с этническими процессами, протекавшими в этих двух районах.

---

1. Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

2. Винников А. З., Пряхин А. Д. Боршевский курганный могильник на Дону//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983.

3. Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

4. Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону//Вопр. истории славян. Воронеж, 1966. Вып. 2.

5. Рыбаков Б. А. Древности Чернигова//МИА. 1949, № 11.

6. Авдусин Д. А. Ровики славянских курганов//Древности Восточной Европы. М., 1969.

7. Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни//КСИИМК. 1953. Вып. 50.

8. Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около дер. Западной//СА. 1964. № 2.

9. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья//МИА. 1970. № 163.

10. Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников//Ярославское Поволжье X—XI вв. (по материалам Тимеровского, Михайловского и Петровского могильников). М., 1963.

11. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры//МИА. 1959. № 63.

12. Плетнева С. А. О некоторых погребальных обычаях аланского населения Подонья//Исслед. по археологии СССР. Сб. в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961.

13. Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1865.

14. Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э.//МИА. 1959. № 72.

15. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура//Там же. 1967. № 142.

Глава IV

ХРОНОЛОГИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ДОНСКИХ СЛАВЯН

Хронологии памятников донских славян в литературе уделялось достаточно много внимания. Имевшиеся в свое время разногласия по данному вопросу закончились довольно четким обоснованием И. И. Ляпушкиным даты славянских поселений на Дону VIII—X вв. (1). А. Н. Москаленко предложила более узкую дату, подчеркивая, что нет никаких данных для отнесения времени появления памятников боршевского типа к VIII в. (2, с. 106), отмечая при этом, что славянская керамика не несет никакой информации по данному вопросу (2, с. 105).

Действительно, если рассматривать эти памятники с точки зрения появления на Среднем Дону черт, которые определяют специфику донских славян, так называемые боршевские черты (веревочный орнамент на керамике, деревянные погребальные конструкции), то их появление относится не ранее, чем к IX в. Заселение славянами территории Верхнего и Среднего Дона началось несколько раньше. И это хорошо видно в керамическом комплексе славян. Речь идет о раннеславянской керамике. Она встречена на хорошо изученных донских городищах (Титчихинском, Большом Боршевском) и на р. Воронеж (Животинном городище). Но на названных поселениях не удается вычленить комплексы, содержащие только керамику типов 1 и 2. Что касается Титчихинского городища, то нужно учитывать то обстоятельство, что здесь очень мало жилищ было оставлено жителями в период существования поселения. Большинство полуземлянок функционировало со времени их строительства и до момента, когда население покинуло поселок. Не случайно, что из раскопанных сорока шести жилищ лишь четыре были заброшены в процессе существования поселка (3, с. 42). Это дает возможность предположить, что площадь поселения росла не за счет строительства новых жилищ вместо оставленных и заброшенных старых, а за счет роста населения и соответственно строительства новых жилищ. Поэтому в большинстве жилищ мы застаем в основном тот керамический комплекс, который характеризует культуру населения поселка в последний период его существования. Как правило, вышедшая из употребления посуда, а точнее ее фрагменты, в

жилищах не встречаются, за исключением нескольких случаев.

На Большом Боршевском и Животинном городищах есть возможность выделить постройки, в которых встречены горшки первых двух типов, но в этих постройках имеется и другая керамика.

Как же можно датировать этот относительно ранний керамический комплекс? А. Н. Москаленко датирует Титчихинское городище IX—X вв. Подавляющее большинство изделий из металла, украшений, встреченных при раскопках Титчихинского городища, бытовали в восточнославянском мире достаточно широко по времени: VIII—X вв. Но при этом следует обратить внимание на то, что в нижней части культурного слоя мыса, т. е. там, где встречены горшки типов 1 и 2, практически нет керамики салтово-маяцкого типа. Известно, что салтовская керамика лишь в IX в. появляется на памятниках роменской (4, с. 133) и боршевской (3, с. 160) групп, а памятники салтово-маяцкой культуры в донской лесостепи появляются в середине VIII в. (5, с. 135).

Кроме этих косвенных данных относительно датировки отдельных типов горшков Титчихинского городища можно привести некоторые находки. Среди них трехконечная лунница, о которой со ссылкой на чешские аналогии А. Н. Москаленко писала, что ее можно датировать временем до IX в. (3, с. 123).

На основе некоторых стратиграфических наблюдений и других данных горшки типов 1 и 2 можно датировать ранее IX в. Существенное значение в подтверждение этой даты могут иметь аналогии с раннеславянскими керамическими комплексами Правобережья Днепра, которые хорошо датируются вещами VIII в.

На Большом Боршевском городище И. И. Ляпушкин выделил жилища более ранние и более поздние (7). Именно в более ранних постройках (2, 7) встречены горшки второго типа (горшков первого типа на этом городище нет). Причем горшков второго типа в других жилищах, которые хорошо датируются находками IX—X вв., нет.

Что касается Животинного городища, то основной массой вещей оно может быть датировано IX—X вв. Среди них можно назвать коньковую подвеску, которые бытовали в основном в финно-угорской среде (см. рис. 22, *4*). По мнению Л. А. Голубевой, к славянам они не проникали и датируются данные подвески X — началом XI вв. На Животинное городище она, вероятно, попала из Волжской Болгарии,

где могло быть собственное производство этих изделий. Не случайно полная аналогия данной подвески происходит из Биляра (8, с. 49, табл. 17).

Целая серия наконечников стрел, встреченная на Животинном городище, относящихся к разным типам, весьма широко распространенных на ранее изученных славянских памятниках Дона и в Днепровском Левобережье, не выходят за рамки IX—X вв. (см. рис. 12). Среди вещей, которые дают довольно четкую дату, необходимо отметить: бронзовый перстень с гладким щитком (см. рис. 20, *29*). Аналогичный перстень встречен в Шумске, где он датируется IX в. (6, с. 18), этим же временем они датируются и в мордовских древностях, от рубежа VIII—IX до конца X вв. они широко бытуют в салтово-маяцкой культуре (9, с. 150). Среди датирующих вещей на Животинном городище можно назвать и ряд других: ножи с волютообразным навершием (см. рис. 18), кресала, бусы и др. Все они подтверждают дату IX—X вв.

Но вместе с тем на Животинном городище имеется определенная группа материалов, позволяющая несколько расширить хронологические рамки данного памятника. Это прежде всего керамика. Выше уже обращалось внимание на то, что горшки типов 1 и 2 на Животинном городище встречены, главным образом, в жилищах, которые были заброшены еще в период существования здесь поселения. Это отнюдь не означает, что в этих жилищах нет керамики других типов, но два первых типа горшков встречены только в этих постройках и керамики, правленной на круге, не говоря уже о раннегончарной, в них нет. Все это позволяет считать, что и на Животинном городище, так же, как и на других памятниках, горшки типов 1 и 2 являются более ранними по отношению к другим. Типологически данная керамика вполне сопоставима с раннеславянской посудой Днепровского Правобережья, датируемой VIII в.

Для подтверждения этой даты необходимо отметить, что ряд вещей, найденных на Животинном городище, датируется VIII—IX вв. Среди них прежде всего перстень с каменной вставкой, широко распространенной в салтово-маяцкой культуре во второй половине VIII — начале IX вв. (см. рис. 29, *30*), трехконечная лунница, близкая по форме титчихинской, датируемой А. Н. Москаленко ранее IX в.

Таким образом, и на Животинном городище можно выделить определенные комплексы, датируемые если не полностью VIII в., то во всяком случае его второй половиной.

Кроме рассмотренных городищ материалы, предшествующие формированию в бассейне Дона значительного массива славянского населения в IX—X вв., встречены еще в ряде пунктов, причем все они сосредоточены в бассейне р. Воронеж, т. е. фактически на Верхнем Дону.

Интересные данные были получены во время раскопок на р. Матыре (приток р. Воронеж) у с. Ярлуково Грязинского района Липецкой области. Здесь исследовано раннеславянское жилище с керамикой, предшествующей IX в. (10).

Ряд ранних славянских памятников выявлен на р. Воронеж в пределах г. Воронежа. Лысогорское селище располагается на территории Лысогорского могильника, датируемого IX—X вв., а селище, следовательно, — более ранним временем. Стационарно оно не раскапывалось. В 1952 г. в обнажении мыса была обнаружена полуземлянка, в которой встречены обломки слабо профилированного горшка, со слегка отогнутым наружу венчиком, орнаментированного пальцевыми вдавлениями, украшенного по тулову налепными шишечками (11, с. 143).

Налепные шишечки не характерны не только для славянской донской керамики, но и для керамики славян этого же времени с других территорий. Этот орнамент встречается в более раннее время и в более западных районах. В некоторых местах обнажения со стороны реки во время разведки был зафиксирован культурный слой, здесь была зачищена хозяйственная яма, в которой находились обломки слабопрофилированного неорнаментированного горшка (12, с. 17). Большая часть слоя с поселения была использована на насыпку курганов, не случайно в насыпи всех раскопанных курганов встречено большое количество керамики и костей животных. Следует указать еще на одну находку на Лысогорском могильнике. В 1968 г. в межкурганном пространстве в овальной яме, размером 0,38×0,6 м, углубленной в материк на 0,15 м, были обнаружены два сосуда, заполненные кальцинированными костями. Это погребение связано с расположенным здесь селищем и совершено на его территории.

Таким образом, на Лысой горе мы имеем поселение, которое по времени предшествует могильнику и расположенным рядом городищам — Кузнецовскому и Михайловский кордон, датируемых IX—X вв. Лысогорское селище, судя по керамическим аналогиям, может быть датировано не позже VIII в. (нет веревочного орнамента, тулово сосудов вообще не орнаментировано, преобладают слабо профилированные формы).

Интересным славянским поселением на р. Воронеж является Чижовское 5. Поселение расположено у южной окраины г. Воронежа. Занимает мыс коренного правого берега р. Воронеж (Воронежское водохранилище). На поверхности прослежено несколько западин. Исследовалось поселение в 1980 г. Кроме материалов эпохи бронзы и раннего железного века здесь обнаружена небольшая коллекция славянской лепной керамики. Это в основном гладкостенные горшки с примесью дресвы. Некоторые сосуды имеют бугристые поверхности. Все сосуды орнаментированы только по верху венчика пальцевыми вдавлениями. Обращает внимание отсутствие в коллекции орнаментации веревочным штампом. В целом по характеру обработки, тесту, орнаментации эта керамика довольно близка керамике Лысогорского селища и предварительно может быть датирована VIII в. С этим же временем, вероятно, связана и расчищенная здесь полуземляночная жилая постройка. Интересный материал был выявлен на поселении у ВОГРЭС. К сожалению, само поселение оказалось полностью разрушенным, но была собрана небольшая керамическая коллекция. Это фрагменты слабопрофилированных горшков с примесью песка, дресвы, мелкого шамота. Некоторые из них орнаментированы по краю венчика пальцевыми вдавлениями (13, с. 19—20).

Таким образом, в бассейне Среднего и значительно больше — Верхнего Дона (р. Воронеж) выявлена серия памятников VIII в. Естественно встает вопрос, где же лежат истоки этой группы славянского населения?

С. А. Плетнева на Дмитриевском могильнике салтово-маяцкой культуры (бассейн Северского Донца) выявила ряд погребений, совершенных по обряду трупосожжения, где урнами служили горшки пеньковского типа (14, с. 112). Кроме того, недалеко от могильника обнаружено поселение, содержащее керамику пеньковского типа.

Со времени исследования Дмитриевского могильника количество памятников пеньковской культуры в бассейне Северского Донца, включая р. Оскол, значительно увеличилось. Но нужно признать, что практически ни на одном из них не отмечено перерастания в последующую славянскую культуру VIII—X вв. А что касается р. Оскол, то на ней вообще не обнаружено славянских материалов интересующего нас времени. Эта территория оказалась занятой населением салтово-маяцкой культуры, памятники предшествующего времени, т. е. пеньковские VI—VII вв., просто прекратили свое функционирование, а население отступило в более северные рай-

оны. Мы не можем рассматривать пеньковское население Донетчины и Поосколья как один из возможных вариантов формирования славянской культуры Дона в VIII—X вв., и пеньковская керамика без какого-либо внешнего воздействия вряд ли приобрела бы черты, характерные для поздней славянской донской керамики (15, с. 94).

Истоки раннеславянской культуры бассейна Дона, вероятно, следует искать в материалах Днепровского Правобережья — поздних памятников типа Корчак и наиболее ранних Луки-Райковецкой. Именно здесь, как подчеркивалось выше, имеются наиболее характерные аналогии раннеславянской донской керамики. Более конкретные истоки сейчас трудно указать, ибо в бассейне Дона все-таки очень мало этих ранних материалов. Вероятно, эти памятники синхронизируются с первым этапом культуры типа Луки-Райковецкой, выделенной Б. А. Тимощуком (16). Это было проникновение на Дон очень небольшой группы славянского населения, причем р. Воронеж оказалась для переселенцев более благоприятным районом, здесь имеется наибольшее число поселений этого времени. И это не случайно, так как проникновение славян в донской бассейн совпало по времени с освоением южных районов донской лесостепи населением салтово-маяцкой культуры, что и приостановило более интенсивное заселение славянами берегов Дона.

Конечно, не эта первая, незначительная волна славянского переселения предопределила этническое и культурное лицо населения Верхнего и Среднего Дона в последних веках первого тысячелетия н. э. Исторические судьбы раннеславянского населения на Среднем Дону и на Верхнем (р. Воронеж) оказались несколько различными. Если на р. Воронеж наблюдается новый, более массовый прилив славянского населения также из Поднепровья, т. е. с территории распространения памятников Луки-Райковецкой, то на Среднем Дону картина была несколько иная. Но именно здесь и прослежены те элементы культуры донских славян, которые оказались в центре внимания исследователей (веревочный штамп на керамике, деревянные погребальные конструкции и т. д.) и которые известны как памятники боршевской славянской культуры.

И. И. Ляпушкин, приводя аналогии орнаменту веревочным штампом, керамики Новотроицкого городища, указал на ранние памятники верховьев Оки (17, с. 34). П. Н. Третьяков, анализируя материалы раскопок поселений бассейна Верхней Оки, относящихся, главным образом, ко времени,

предшествующему роменско-боршевским памятникам, подчеркнул, что именно эта группа памятников содержит те элементы (веревочный орнамент), которые столь характерны для более поздней роменско-боршевской керамики (18). Следует подчеркнуть, что как на памятниках роменско-боршевского типа, так и более ранних в верховьях Оки, орнамент веревочным штампом является одним из главных, хотя далеко не единственным орнаментальным приемом.

И. Г. Розенфельд, говоря по поводу этих общих моментов в орнаментации дьяковской и роменско-боршевской керамики, подчеркивала, что «...сходство посуды, находимой на дьяковских и верхнеокских городищах, с одной стороны, и на памятниках роменской (роменско-боршевской. — *А. В.*) культуры, с другой, позволяет предположить наличие общих этнических компонентов в среде населения, оставившего эти памятники» (19, с. 39). Но говорить о прямой преемственности керамики и тем более в целом культур боршевской и позднедьяковской лишь на основе общих моментов в орнаментации посуды, мы, конечно, не можем. Но определенный вклад верхнеокского населения в культуру донских славян несомненен.

При характеристике славянской керамики бассейна Дона отмечалась определенная разница в керамическом производстве населения на р. Воронеж и на Среднем Дону. Довольно рельефно различие в культуре этих двух районов просматривается в погребальном обряде, который менее всего подвержен каким-либо случайным воздействиям. И именно погребальный обряд славянского населения Дона может дать ключ к решению проблемы формирования славянского населения данного региона.

Среди многих признаков, отличающих донские курганы от воронежских, необходимо отметить прежде всего наличие на Среднем Дону (почти во всех курганах Боршевского могильника) деревянных погребальных конструкций, чего нельзя сказать о могильниках на р. Воронеж.

Сводка о восточнославянских курганах второй половины I тысячелетия н. э. с деревянными конструкциями с территории Восточной Европы имеется в специальной работе З. Д. Бессарабовой (20). На Верхней Оке имеется несколько могильников второй половины I тысячелетия, в которых обнаружены деревянные камеры, аналогичные Боршевскому могильнику у с. Лебедка, дер. Воронец, Западной, Тризново, Воротынцево, у с. Доброе, Песковатое и др. (21, с. 156—158).

В других районах восточнославянского мира столь выра-

зительных деревянных погребальных камер, аналогичных Боршевскому и Верхнеокским могильникам, мы не знаем.

В то же время деревянные погребальные сооружения, в которые помещались остатки трупосожжений, встречены и в других районах Восточной Европы. Известны, например, они в курганах с трупосожжениями дреговичей (22, с. 85), радимичей (23). О наличии деревянных конструкций в Ярославских могильниках пишут Я. В. Станкевич (24, с. 56) и И. В. Дубов (25). Но все эти деревянные сооружения довольно существенно отличаются и от донских, и от верхнеокских. Отличаются они конструктивно и прежде всего значительно большими размерами. Не случайно, что многие исследователи их называют «теремками-домовинами». По площади они нередко равняются жилым полуземлянкам. Некоторые исследователи считают, что эти сооружения имитировали жилой дом. Во многих случаях эти «теремки-домовины» ставились поверх курганов и, как пишет В. В. Седов, в качестве следов от этих домовин на некоторых курганах в центре остались небольшие западины (26), чего нет ни на Дону, ни на Верхнеокских курганах, где камеры стоят под насыпью кургана. Кроме того, подавляющее большинство курганов с большими домовинами датируется X—XII вв., т. е. временем несколько более поздним, нежели донские и верхнеокские курганы с погребальными деревянными камерами.

В ряде работ польской исследовательницы Е. Цолль-Адамиковой содержится сводка и дана типология деревянных конструкций у восточных и западных славян. Погребальные камеры Боршевского могильника, выделенные в тип 2, по ее мнению, характерны только для Верхней Оки и Среднего Дона. Правда, Е. Цолль-Адамикова делает попытку наметить общие черты в деревянных погребальных конструкциях ряда могильников VIII — начала IX вв. Северной Трансильвании с деревянными камерами Боршевского могильника и на этом основании высказала мысль о «...переселении с Дона в Карпатскую котловину группы населения, которая какое-то время соблюдала прежний погребальный обряд...» (27, с. 87). Вряд ли это предположение имеет под собой реальные корни. Во-первых, сама реконструкция погребальных сооружений на могильниках Нушфалэу и Сомешени, на основании которых Е. Цолль-Адамикова высказала эту мысль, не бесспорна. Г. Б. Федоров и Л. А. Полевой пишут о наличии здесь своеобразных деревянных помостов над неглубокой прямоугольной ямой (28). Примерно такую же реконструк-

цию деревянных погребальных сооружений на этих могильниках даст и М. Комша, хотя она тоже пишет о сходстве данных конструкций с теми, которые выявлены в Боршевских курганах (29). Во-вторых, имеются определенные несоответствия и хронологического порядка. Могильники Нушфалэу и Сомешени, вероятно, более ранние (VIII—IX вв.), чем Боршевский могильник (IX—X вв.).

Таким образом, мы можем с полным основанием говорить о характерности подкурганных погребальных камер только для вполне определенного района: Верхней Оки и Среднего Дона, на что и обратили внимание З. Д. Бессарабова, а также и А. Н. Москаленко, отметив, что «...в отличие от Верхнеокских курганов, в курганах на Дону остатки погребения находились чаще всего не в западной, а в восточной части кургана» (30). В этом же видит разницу между верхнеокскими и донскими курганами и С. А. Изюмова, кроме того, она отмечает, что камеры донских курганов, в отличие от верхнеокских, не имеют следов обугливания, кроме Лысогорских (31, с. 151). Этот же вывод повторяет и Т. Н. Никольская (32, с. 32).

В действительности, на наш взгляд, разницы между ранними вятическими верхнеокскими курганами и донскими практически нет. Конструктивно камеры эти абсолютно идентичны, одинаково и их местоположение в курганах. В Боршевском могильнике почти все камеры располагались в северо-восточном секторе и ориентированы, за исключением некоторых, по линии юго-запад — северо-восток. В данном случае все камеры открытой стороной — входом обращены к реке, причем вниз по ее течению. Такая же закономерность в расположении камер наблюдается и на Лысогорском и II Белогорском могильниках. К сожалению, мы не располагаем подробными планами всех верхнеокских могильников, но на тех могильниках, планы которых имеются, тенденция ориентировать погребальные камеры в сторону реки, вниз по ее течению, четко прослеживается. Такую же картину мы можем проследить в Воронецких курганах, где камеры располагались в западной половине, но ориентированы по линии северо-запад — юго-восток, т. е. входом к реке и вниз по ее течению (33). А. Х. Халиков подробно анализирует связь погребальных обычаев финских народов Поволжья с рекой, приводя обширную этнографическую литературу по этому вопросу (34, с. 88). Погребальные камеры в Подонье, так же, как и большинство камер на Верхней Оке, подвергались в той или иной степени действию огня. Лысогорские

и Белогорские камеры обгорели почти полностью. Действие огня на камерах Боршевского могильника также хорошо прослеживается, хотя и не столь ярко. Многие камеры с северо-восточной стороны, т. е. с той, которая выходит к полю кургана, имеют более сильный обжиг и сохранились в том месте хуже. Юго-западная часть камер, которая располагалась ближе к центру кургана, имеет следы более слабого действия огня и сохраняется, как правило, лучше.

Таким образом, близость деревянных погребальных камер из донских курганов и верхнеокских несомненна. Она наблюдается и в их конструкциях, и в расположении под насыпью кургана, и в ориентировке, и в других элементах обряда.

В бескурганных погребениях ранних славян и в ранних славянских курганах не прослежено, как известно, никаких следов деревянных камер, содержащих остатки кремации (часто нескольких человек), произведенных на стороне. Безусловно, эти камеры являются результатом более поздней эволюции погребального обряда у некоторых групп восточного славянства и возникли, видимо, в результате тесных контактов с балтскими и финскими племенами в последних веках первого тысячелетия н. э. Почти все камеры Боршевского могильника и, вероятно, верхнеокских, в древности, в момент функционирования кургана как погребального сооружения, лишь частично были присыпаны землей. Все камеры почти на половину длины со стороны входа были открыты, лишь в процессе разрушения этого сооружения камера вся оказалась под землей. Как нам представляется, здесь в какой-то степени соединились традиции славянского курганного обряда и деревянных конструкций балто-финских племен. В то же время вряд ли целесообразно полностью исключать появление подкурганных камер в славянских курганах в результате самостоятельного развития, а балто-финские традиции только укрепили и развили эту тенденцию. Тем более, что ни у балтов, ни у финнов в предшествующих или синхронных памятниках полностью аналогичных погребальных сооружений мы фактически не знаем (21, с. 161—164).

Кроме деревянных камер одним из важных элементов погребальных конструкций в Боршевских курганах являются кольцевые столбовые оградки, характеризующиеся однотипностью конструкций и различавшиеся техникой установления столбиков. П. Н. Третьяков неоднократно указывал на связь кольцевых оградок в славянских курганах с круговыми балт-

скими святилищами (35). Б. А. Рыбаков писал, что идея круга свойственна многим народам, в том числе и древним славянам, и она проявлялась в том, что «место сожжения ограждалось временной круговой оградкой», и в качестве иллюстрации этой мысли приводил Боршевские курганы (35, с. 29). И. П. Русанова подчеркивает, что идея кольцевых оградок в курганах была присуща многим народам с древнейших времен (37). В. В. Седов также обращает внимание на то, что кольцевые канавки с деревянными оградками зафиксированы на разных памятниках, оставленных разноэтническим населением (38). З. Д. Бессарабова отмечает, что кольцевые оградки в виде частоколов распространены на широкой территории и курганы с подобного рода сооружениями нельзя приписывать только вятичам (20, с. 80). О широком распространении в разноэтнической среде кольцевых оградок пишет и А. Н. Москаленко (2, с. 124).

Действительно ли на огромном пространстве Центральной и Восточной Европы в разноэтнической среде существовал столь идентичный обряд погребений? Прежде всего нужно отметить, что даже в славянских курганах оградки существенно различаются и по материалу, из которого сооружались (дерево, камень), и по конструкции. В курганах Боршевского могильника кольцевые оградки довольно стабильны в конструктивном отношении. Во всех курганах они располагались по краю насыпи. Создается впечатление, что оградки сооружались за пределами насыпей курганов, как бы обрамляя их, т. е. оградка окружала не само непосредственно погребение, а все погребальное сооружение: деревянную камеру и земляную насыпь, частично ее закрывавшую. Об этом свидетельствуют и стратиграфические наблюдения в некоторых курганах Боршевского могильника, где хорошо видно, что земля сыпалась вовнутрь кольцевой оградки.

Деревянные ограждения вокруг погребений, судя по данным И. П. Русановой, имелись и на бескурганных славянских могильниках (39, с. 42). Стремление оградить погребение прослежено у славян в Правобережье Днепра и в последующий период, когда шел процес замены бескурганного обряда погребений курганным. В Днепровском Левобережье ограждения вокруг погребений встречаются реже. Мы можем привести лишь несколько примеров, уже известных в литературе. Это, прежде всего, сооружения в курганах у с. Полужье, детально описанные З. Д. Бессарабовой. Она усматривает в них, с одной стороны, значительное сходство с правобережными прямоугольными оградками, с другой, считает,

что в таких оградках проявилась идея создать нечто подобное жилищу (20, с. 75).

Таким образом, несмотря на широкое распространение в восточнославянском мире оградок под насыпями курганов, оградки в донских курганах отличаются от других своей развитостью, законченностью и стабильностью конструкций. В этом отношении наиболее близки донским курганам верхнеокские, в которых кольцевые оградки встречены вместе с деревянными погребальными камерами. Необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что ни в одном районе восточнославянского мира не наблюдается такого стабильного сочетания деревянных погребальных камер и кольцевых оградок, какое есть на Боршевском могильнике и в некоторых могильниках на Верхней Оке. Оградки и в Боршевских, и в ряде Верхнеокских курганов конструктивно связаны с деревянными камерами, представляя вполне сложившиеся единые погребальные сооружения.

Близость погребальных сооружений Боршевского и ряда Верхнеокских могильников конца I тысячелетия несомненна, что можно объяснить только этнической общностью населения, оставившего эти памятники. Проблема происхождения донских славян рассмотрена в ряде специальных работ (30). В них речь идет о переселении на Дон населения с Верховьев Оки, где, как известно, в конце I тысячелетия обитали вятичи. Но если П. Н. Третьяков видел в этой колонизации единственный источник формирования славянского населения в Донском бассейне, то А. Н. Москаленко считала, что наряду с окскими вятичами в Донской бассейн проникали и радимичи, и северяне. Соглашаясь с концепцией о переселении вятического населения с Верховьев Оки в Донской бассейн, необходимо отметить, что она верна только для населения, освоившего берега Среднего Дона (Боршевские и другие городища). Вероятно, сюда переселилась какая-то устойчивая группа населения, этнически сложившаяся, со стабильным погребальным обрядом. Переселение это произошло не ранее IX в., а возможно, даже его второй половины. Не исключено, что продолжалось оно и на рубеже IX—X вв. Жившее на Среднем Дону незначительное по численности славянское население — выходцы с Днепровского Правобережья (городища Титчиха, Большое Боршевское) — смешалось с пришельцами и полностью восприняло их культуру.

В могильниках на р. Воронеж деревянные погребальные камеры и кольцевые оградки встречаются значительно реже,

но те, которые выявлены на этих могильниках, во многом отличны от Боршевских. Сохраняя характерную для Боршевского могильника ориентировку относительно реки, камеры эти конструктивно выглядят несколько иначе: сооружены, как правило, из одного венца бревен, в ряде случаев, возможно, заранее обожженных; лишь в одной (II Белогорский могильник) имелась деревянная крышка; значительно меньше по площади донских; все имеют следы сильного сожжения; содержат, как правило, по одному захоронению; стоят значительно ближе к центру; некоторые из них (Лысогорский могильник) сооружены на специальных земляных подсыпках, что, возможно, связано с их дальнейшим сожжением. Ни в одном из курганов на р. Воронеж не встречены оградки, аналогичные оградкам Боршевского могильника.

Возможно, деревянные конструкции, прежде всего, камеры в курганах на р. Воронеж, отражают вырождение данного погребального обряда и этим объясняется их некоторая упрощенность. Не исключено, что воронежские курганы с деревянными погребальными камерами являются более поздними по сравнению с Боршевскими. В пользу этого в какой-то степени свидетельствует довольно разнородная керамика, встреченная в них.

Подавляющее большинство курганов на всех могильниках на р. Воронеж содержат захоронения первой группы. В погребениях вместе с кальцинированными костями часто бывает зола, угли, обожженная глина. Несколько выделяется I Белогорский могильник, где преобладает салтовская и близкая к ней керамика. Здесь кальцинированные кости в большинстве погребений тщательно очищены. В ряде курганов II Белогорского могильника (25, 32, 34, 37 и др.) осотатки кремации — кальцинированные кости были помещены в небольшие ямки, выкопанные в погребенной почве, а в некоторых случаях сосуды были поставлены в неглубокие ямки в погребенной почве.

Курганы с захоронениями в основании насыпи, на погребенной почве довольно широко распространены в бассейне Верхней Оки (38). Курганы с погребением кальцинированных костей на погребенной почве довольно часто встречаются в могильниках дреговичей, где остатки кремации или собраны в сосуды, или просто рассыпаны (22, с. 85). Расположение погребений в основании насыпи характерно и для длинных курганов кривичей (22, с. 95). Изредка встречаются погребения на горизонте и в северянских курганах с трупосожжением (22, с. 127).

Помещение остатков кремации на древнем горизонте под насыпью вместе с золой и углями прослежено на некоторых могильниках культуры типа Луки-Райковецкой, хотя в этих курганах основная масса кальцинированных костей ссыпалась в подкурганные ямки (40; 41), что является, вероятно, отличительным элементом в погребальном ритуале для этой группы памятников. Подкурганные ямки с остатками кремации имеются и на других восточнославянских памятниках, но везде они являются довольно эпизодическим явлением (22, с. 96). Захоронения в подкурганных ямках на памятниках типа Луки-Райковецкой находятся в прямой связи с бескурганными ямными захоронениями у славян предшествующей эпохи. И, вероятно, в таком же плане следует рассматривать подкурганные ямные захоронения в других районах восточнославянского мира, в частности в курганных могильниках на р. Воронеж.

В курганах на р. Воронеж с трупосожжением на стороне и помещением остатков кремации в восточной половине на погребенной почве (первая группа) нередко встречаются отдельные угольки и их скопления, специально разбрасывавшиеся во время насыпки курганов. В Белогорских могильниках выявлены и небольшие ритуальные кострища в насыпях. Ритуальные костры имелись и в ряде курганов Боршевского могильника, но для большой группы Воронежских курганов они являются неотъемлемой частью погребального ритуала, так же, как и разбрасывание угольков в насыпи.

Ритуальные кострища характерны для ряда восточнославянских племен, и связано это, по мнению В. В. Седова, с влиянием балтов, их обряда очищения огнем поверхности почвы, где происходило захоронение (22, с. 87). В то же время необходимо подчеркнуть, что освящение будущего места захоронения огнем было широко распространено и в предшествующую эпоху у славян Днепровского Правобережья. В насыпи и в основании курганов у с. Мирополь встречаются отдельные угольки, которые на горизонте иногда образуют небольшие ритуальные кострища. Для данного района, по мнению И. П. Русановой, наиболее характерно трупосожжение на стороне с помещением остатков кремации на небольшом кострище или в неглубокую ямку (6, с. 29). В некоторых могильниках в качестве имитации костра в основании курганов выявлены зола и угли, принесенные с погребального костра (40). Б. А. Тимошук применительно к раннеславянским курганам Северной Буковины подчеркивает наличие в основании большинства их золисто-угольных

площадок, как результата специального ритуала на месте захоронения (42, с. 94).

По многим деталям обряда курганы на р. Воронеж с трупосожжением на стороне и помещением остатков кремации на дневной поверхности значительно ближе к курганам Днепровского Правобережья, чем к курганам других районов: расположение погребений на дневной поверхности; небольшие ритуальные кострища; отдельные специально разбрасывавшиеся угольки в насыпи; помещение остатков кремации в подкурганные ямки и т. д.

В могильниках на р. Воронеж выявлена серия курганов с трупосожжением на месте, в некоторых на небольшой подсыпке (Лысогорский и II Белогорский могильники). По поводу интерпретации погребений с трупосожжением на месте высказано несколько различных точек зрения. Не останавливаясь подробно на них, так как это нами уже сделано, отметим только, что воронежские курганы с трупосожжением на месте вряд ли следует связывать с появлением здесь какой-то особой группы населения, придерживавшейся данного обряда. Они свидетельствуют об определенной эволюции погребального обряда славянского населения, освоившего берега Воронежа в конце I тысячелетия. В связи с этим интересна группа курганов с так называемым вторичным обжигом на месте, которые также отражают развитие погребального обряда, являясь промежуточным звеном между трупосожжениями на стороне и на месте.

Во всех трех групах погребений (трупосожжения на стороне, на месте и с вторичным обжигом) сохраняются черты, их связывающие: расположение погребений в восточной половине даже в тех курганах, где трупосожжение производилось в разных частях; небольшие ритуальные кострища; расположение погребений на уровне погребенной почвы (в ряде курганов кальцинированные кости помещались в небольшие ямки). Не следует думать, что один обряд вытесняет другой. В X в. все три формы погребений сосуществовали.

Вероятно, с позиции эволюции погребального обряда следует рассматривать и курганы с трупосожжением в специальных деревянных сооружениях, исследованные на р. Воронеж.

Деревянные конструкции, в которых производилось трупосожжение, во многом схожи с погребальными камерами, рассмотренными выше. Однако эти конструкции больше по размеру, хотя сохранились значительно хуже. Невозможно представить их точную форму и размеры, но конструктивная

связь с погребальными камерами несомненна и исключается проникновение на Верхний Дон населения из какого-либо другого региона. Этому противоречит и керамика славяно-алано-болгарского облика, обнаруженная во всех трех курганах II Белогорского могильника, где встречены погребения рассматриваемого типа.

Таким образом, при наличии в курганах на р. Воронеж сравнительного разнообразия вариантов погребального обряда между ними имеется довольно прочное внутреннее единство, в основе которого лежат элементы восточнославянского погребального обряда. Вероятнее всего, из района Днепровского Правобережья шел процесс переселения славян на р. Воронеж. Многие черты погребального обряда воронежских курганов, о которых речь шла выше, подтверждают эту мысль.

В. В. Седов, говоря о заселении славянами Днепровского Левобережья, указывает, что «это было вторжение большой массы нового населения, одна часть которого осела на левых притоках Днепра, а другая — пошла далее на восток в бассейн Дона... где оставила памятники боршевского типа» (22, с. 131). И. П. Русанова подчеркивает наличие сходства культур роменско-боршевской и Луки-Райковецкой (39, с. 200). Кроме того, не исключено проникновение сюда части славянского населения со среднедонских памятников, о чем свидетельствуют исключительно упрощенные по конструкции деревянные погребальные камеры. Незначительная серия типично волынцевской лощеной керамики дает право говорить о появлении здесь населения Днепровского Левобережья, а посуда, имитирующая волынцевскую, изготовлена в местных условиях, в отрыве от традиционных керамических центров.

Проникновение славян из Днепровского бассейна не ограничивалось только р. Воронеж. И в более восточных районах отмечены следы пребывания славян. В 1983 г. у хут. Ендовский в Волгоградской области на р. Хопер Г. Е. Афанасьев обнаружил бескурганное погребение по обряду трупосожжения в сосуде, форма которого близка к керамике донских славян (43). Поселение со славянской керамикой конца I тысячелетия обнаружено К. Ю. Ефимовым в 1983 г. на р. Карачан у д. Васильевка в Грибановском районе Воронежской области (44, с. 55).

Интересные материалы были получены во время раскопок поселения «Дрониха» на р. Битюг, где выявлены три полуземлянки с необычными отопительными устройствами.

Постройка 1, площадью 13 кв. м, углублена в материк на 0,5 м. Материковый пол котлована покрыт плотным угольным слоем. В южной части котлована зафиксированы остатки печи, которая была сооружена из глиняных вальков размером 5—7×10—14 см. Очажное углубление представляло собой яму округлой формы размером 0,6 м, углубленную в материк на 0,2 м, заполненную обожженной глиной и золой, в которой обнаружена славянская лепная керамика (рис. 41, *1, 2*). У северо-восточной стены расчищена хозяйственная яма диаметром 0,5 м, глубиной 0,55 м.

Постройка 2 площадью 10 кв. м в материк углублена на 0,2 м. В северном углу котлована выявлены остатки отопительного устройства, яма диаметром 1,35 м, углубленная в материковый пол на 0,32 м. Пол и стенки ее обмазаны обожженной глиной, заполнена чередующимися прослойками обожженной глины, золы, угля. Сверху перекрыта площадкой обожженной глины толщиной 0,4 м, на которой находились камни со следами сильной прокаленности. В юго-восточном углу на полу лежал лепной сосуд желтого цвета с примесью песка. Сосуд имеет приземистое тулово, резко отогнутую шейку, не орнаментирован (рис. 41, *3*).

Постройка 3. Котлован постройки выкопан в почвенном слое на 0,55 м, в материк не углублен. Площадь около 15 кв. м. В северной части выявлены остатки печи округлой формы. Верхняя ее часть на высоту 0,16 м сложена из глиняных вальков и глины. Нижняя часть углублена в материк на 0,45 м, диаметр углубления около 1,1 м. В заполнении печи и на полу обнаружена лепная славянская керамика (рис. 41, *4—7*).

Выявленные три полуземляночные постройки обладают некоторыми общими чертами: сравнительно небольшая их площадь, срубный характер деревянных конструкций, однотипность отопительных сооружений, во всех постройках встречена лепная славянская керамика, составляющая единое целое со славянской керамикой бассейна Дона. Необычными для донских славян выглядят отопительные устройства в жилищах. В них соединились традиции славянских жилищ с печами и кочевнических построек с открытыми очагами.

Е. И. Красильников вполне убедительно показал, что одним из наиболее ранних типов тандыров, встреченных в салтовских жилищах, являются ямные очаги, лишь на незначительную высоту приподнятые над уровнем пола (45). Встречены они в полуземлянках квадратной формы. Датирует он этот тип очажных сооружений первой половиной IX в. Ото-

пительные сооружения в жилищах поселения «Дрониха» вполне сопоставимы с данным типом тандыров, которые по своей сути являются переходными от открытых очагов к собственно тандырам.

В двух полуземлянках в конструкции отопительных сооружений использованы глиняные вальки. Такого рода строительный материал не характерен для донских славян, но зато довольно часто встречается в конструкции печей на памятниках типа Луки-Райковецкой и на некоторых памятниках роменской группы.

В воронежских курганах выявлена значительная серия салтовской керамики: кувшины, горшки, кружки, ваза-светильник. О салтово-маяцком населении на р. Воронеж свидетельствуют и раскопки поселений, где обнаружены не только салтовская керамика, но и жилища. Наличие большого количества кухонной салтовской керамики, жилищ салтовского облика свидетельствует о сравнительно долговременном проживании в одном районе, на одних поселениях двух различных этносов: славянского и алано-болгарского. Салтовское население появилось здесь, вероятно, одновременно с группой среднедонских славян. Подробно вопрос о славяно-алано-болгарских контактах и роли населения салтово-маяцкой культуры в истории донских славян будет рассмотрен ниже.

В тесной связи с вопросом о происхождении донской славянской группировки находится и вопрос о племенной принадлежности донских славян, бывший когда-то предметом дискуссий (2, с. 20—22). А. Н. Москаленко, изучая городище Титчиха, писала о вятичах как об основной группе славян, заселивших в последних веках I тысячелетия берега Дона и его притоков (3). Затем, изучая погребальный обряд, она пришла к выводу, что, наряду с вятичами, на данной территории обитали и северяне, и радимичи (30). В последней своей работе А. Н. Москаленко пишет, что культура донских славян «...представляется нам своеобразной и несколько разноликой» и по этой причине «ее нельзя безоговорочно называть культурой древнейших вятичей, а также нет оснований отождествлять ее с культурой северян или радимичей» (2, с. 144). Изменение взглядов А. Н. Москаленко проходило под влиянием новых археологических источников.

Свою точку зрения по данному вопросу высказал В. В. Седов. Он считает, что население бассейна Дона формировалось не только из области Верхней Оки, но и из Киевского Поднепровья, из района расселения полян. И далее

В. В. Седов делает вывод, что славяне бассейна Дона не были ни северянами, ни вятичами, а принадлежали к отдельной территориальной группировке, название которой не дошло до нас (46, с. 142).

Таким образом, есть все основания считать, что население Среднего Дона (Малое и Большое Боршевские, Титчихинское и другие городища) является в основном вятическим и высказанная ранее аналогичная точка зрения на этот счет различными исследователями в последние годы получила еще ряд подтверждений и прежде всего раскопками Боршевского могильника.

Что касается населения другого выделенного нами района — Верхнего Дона (р. Воронеж), то не исключено, что среди переселенцев с Правобережья Днепра были и поляне, как пишет В. В. Седов, и выходцы из Северянской земли, а на каком-то этапе здесь появились и алано-болгары, и незначительная группа славян со Среднего Дона — в общем картина в этом регионе была довольно сложная и пестрая, для того, чтобы назвать какое-то конкретное славянское племя, здесь обитавшее. Может быть, оно и названо в письме Хазарского Кагана Иосифа, как «сльиюн», как об этом писал в свое время И. И. Ляпушкин, имея в виду все население бассейна Дона в конце I тысячелетия (47, с. 239).

Подавляющее большинство поселений донских славян, и прежде всего расположенных на Среднем Дону, прекратили свое функционирование в самом конце X в., как считает ряд исследователей, из-за все возрастающей угрозы со стороны кочевников степей. Но на поселениях по р. Воронеж, в частности на Животинном городище, жизнь продолжалась и несколько позже. Во всяком случае, материалы свидетельствуют, что покинуто оно было в первой половине XI в. Среди раннегончарной керамики была выделена группа горшков так называемого курганного типа с манжетовидным утолщением по краю венчика. Изготовлена она из хорошего плотного теста с примесью песка, с внутренней стороны венчика у ряда сосудов имеется выемка-углубление. Эти горшки по курганным древностям Поднепровья датируются XI в. (48, 12).

Кроме манжетовидной керамики на Животинном городище встречена большая серия вещей, датируемая X—XI вв.: простые лимоновидные бусы, бусы с золоченой и серебряной прокладкой, импортные красноглиняные кувшины с высоким горлом и плоской ручкой, центром изготовления которых, вероятно, был Херсонес, и другие вещи. Существенное зна-

чение для датировки Животинного городища имеет находка фрагмента стеклянной чаши, которая, по определению Ю. Л. Щаповой, византийского производства и датируется первой половиной XI в. Таким образом, Животинное городище можно датировать серединой VIII — первой половиной XI в.

Совершенно очевидно, что возникает вопрос — в каком отношении рассматриваемый нами регион соотносится с Древнерусским государством, входила ли территория Среднего и Верхнего Дона, заселенная славянами в конце I тысячелетия, в государственную территорию? В работах большинства исследователей, в той или иной степени обращавшихся к донским славянам, этот вопрос вообще не ставился. А. Н. Москаленко, специально не останаливаясь на данном вопросе, отмечала, что одним из источников пополнения славянского населения на Дону было бегство закрепощаемого населения в глухие, отдаленные районы, каким был бассейн Верхнего и Среднего Дона (30). Вероятно, эти районы, по мнению А. Н. Москаленко, были вне сферы досягаемости и киевских князей, и их дружины. Вместе с тем А. Н. Москаленко, как отмечалось выше, подчеркивала, что основной поток переселенцев связан со стремлением освоить свободные земли и шел он из района расселения вятичей, т. е. из Верхней Оки (30). Вятичи, как известно, вошли в состав Древнерусского государства не ранее 60-х гг. XX в., следовательно, вполне допустима мысль и о невхождении донских вятичей в территорию древнерусского государства. Немало внимания данному вопросу уделил Б. А. Рыбаков. Он рассматривает памятники донских славян как самые южные поселения вятичей, которые стремились закрепиться здесь на пересечении важных торговых путей (49, с. 282). Б. А. Рыбаков рассматривает вятичей как совершенно самостоятельное политическое объединение, независимое от власти киевского князя вплоть до второй половины X в. (49, 258). Именно в этом контексте, вероятно, и следует, по мнению Б. А. Рыбакова, рассматривать и памятники донских славян.

На карте Б. А. Колчина и А. В. Кузы с востока территория Древнерусского государства ограничена памятниками роменской группы Днепровского Левобережья, а донская группа славянских памятников не входит в состав Древнерусского государства. Лишь с 70-х гг. X в. бассейн Верхнего и частично Среднего Дона, по мнению Б. А. Колчина и А. В. Кузы, включается в территорию Древнерусского государства (50, с. 32).

Славянское население Лесостепного Дона вряд ли до 60-х гг. X в. входило в состав Древней Руси. Оно заселяло довольно компактную территорию, отделенную от роменской группы памятников довольно широкой полосой 150—200 км, где нет славянских поселений этого времени. Кроме того, с юга в эту «пограничную» зону вклинивается массив населения салтово-маяцкой культуры на р. Оскол (левый приток Северского Донца). Не следует забывать и то обстоятельство, что вятичи, в том числе и донские, вплоть до включения их в состав Древней Руси, платили дань хазарам, что исключает их одновременное подчинение власти киевского князя.

Таким образом, наблюдается определенная изоляция донской славянской группировки от основной массы славянского населения восточноевропейской лесостепи и о вхождении в состав Древней Руси донских славян скорее всего можно говорить лишь после похода Святослава на вятичей, на Болгар и на Хазарию в 964—966 гг.

Прекращение жизни на славянских поселениях бассейна Дона, так же, как и ее начало, нельзя рассматривать как одноактный процесс. Если на Дону поселения были оставлены в конце X в., то на р. Воронеж — несколько позже и, вероятно, под натиском новой силы — половцев, которые к середине XI в. подступили к границам Древней Руси (51, 260).

Довольно сложной и неразрешенной окончательно в настоящее время является проблема дальнейшей судьбы славянского населения бассейна Дона. Этот вопрос поднимался и дореволюционными исследователями. А. А. Шахматов полагал, что донские славяне, переселившись на Оку, освоили Рязанскую землю. А. Л. Монгайт по существу воспринял взгляды А. А. Шахматова (52). А. Н. Москаленко несколько критически отнеслась к взглядам А. Л. Монгайта по данному вопросу (2, с. 149).

Не исключая возможности отступления донских славян в район Средней Оки, необходимо обратить внимание на некоторые керамические комплексы Волжской Болгарии. Среди керамики X—XI вв., как пишет Т. А. Хлебникова, встречена «...лепная горшковидная плоскодонная посуда серого цвета, шамотного и песочного теста, довольно грубая», орнаментированная отпечатками штампа типа перевитого шнура по плечику и краю венчика. Т. А. Хлебникова подчеркивает, что такая форма, тесто, орнамент «...позволяют сопоставить ее с боршевской керамикой». Ею отмечено, что, кроме обыч-

ной славянской посуды, здесь имеется и керамика смешанных типов, т. е. славяно-алано-болгарская (восьмой тип по нашей классификации) (53, с. 128). Все это дает основание предположить возможность отлива части населения, обитавшего на р. Воронеж, в район Волжской Болгарии, где отмечено активное смешение славян и алано-болгар.

---

1. Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры//СА. 1947. Вып. 9.

2. Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981.

3. Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

4. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое//МИА. 1968. № 74.

5. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура//Там же. 1967. № 142.

6. Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом//САИ. 1973. Вып. Е1-25.

7. Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв.//КСИИМК. 1957. Вып. 68.

8. Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров//САИ. 1979. Вып. Е1-59.

9. Степи Евразии в эпоху средневековья//Археология СССР. М., 1981.

10. Комаров К. И. Находки раннеславянской керамики на Верхнем Дону//КСИА. 1972. Вып. 129.

11. Москаленко А. Н. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона//Славянский сб. Воронеж, 1958. Вып. 1, исторический.

12. Москаленко А. Н. Отчет к открытому листу № 54 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей//Арх. ИА РАН. Р-1. № 2474.

13. Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1967 год//Там же. № 3431.

14. Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного Хазарского пограничья//Новое в археологии. М., 1972.

15. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.

16. Тимощук Б. А. Общинный строй восточных славян VI—X вв. (по археологическим данным Северной Буковины): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983.

17. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое//МИА, 1958, № 74.

18. Третьяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки//СА. 1969. № 4.

19. Розенфельдт И. Г. Керамика Троицкого городища//Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971.

20. Бессарабова З. Д. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы//АСГЭ. 1973. Вып. 15.

21. Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

22. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья//МИА. 1970. № 163.

23. Соловьева Т. Ф. Славянские курганы близ с. Демьянки//СА. 1967. № 1.
24. Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст.//МИА. 1941. № 6.
25. Дубов И. В. «Домики мертвых» Ярославских могильников (Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР). Л., 1977.
26. Седов В. В. Курганы ятвягов//СА. 1964. № 4.
27. Цоль-Адамикова Е. Деревянные конструкции в курганах с трупосожжением у восточных и западных славян//Там же. 1982. № 4.
28. Федоров Г. Б., Полевой Л. А. Материальная культура ранних славян в Карпато-Дунайских землях (VI—IX вв. н. э.)//Славяне и Русь. М., 1963.
29. Комша М. Восточные элементы в погребальном обряде курганных могильников у д. Нушфалэу и Сомешени (Северо-Западная Румыния)//Древняя Русь и славяне. М., 1978.
30. Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону//Вопр. истории славян. Воронеж, 1966. Вып. 2.
31. Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около деревни Западной//СА. 1964. № 2.
32. Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XII вв. М., 1981.
33. Городцов В. А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки. 1897 г.//Древности. М., 1900. Т. 17.
34. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М., 1977.
35. Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
36. Рыбаков Б. А. Древности Чернигова//МИА. 1949. № 11.
37. Русанова И. П. Курганы X—XII вв. у с. Буки Житомирской области//КСИА. 1967. Вып. 110.
38. Седов В. В. Ранние курганы вятичей//Там же. 1973. Вып. 135.
39. Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.
40. Тимошук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V—X вв.//СА. 1981. № 2.
41. Русанова И. П. Погребальные памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории северо-западной Украины//КСИА, 1973. Вып. 135.
42. Тимощук Б. О. Словъяни Північної Буковини V—IX см. Київ. 1976.
43. Афанасьев Г. Е. О культуре населения Донского Левобережья середины VIII — нач. X вв.//Пробл. археологии и этнографии. Л., 1985.
44. Ефимов К. Ю. Работа на р. Карачан//АО 1983 года. М., 1985.
45. Красильников К. И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья//СА. 1986. № 3.
46. Седов В. В. Восточные славяне VI—XIII вв. М., 2982.
47. Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XIII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам//МИА. 1941. № 6.
48. Моця А. П. А. П. Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев, 1987.
49. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и Русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

50. Древняя Русь. Город. Замок. Село//Археология СССР. М., 1985.
51. Плетнева С. А. Половецкая земля//Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
52. Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна Среднего течения Оки в I тысячелетии н. э.//СА. 1953. 18.
53. Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984.

Глава V

ДОНСКИЕ СЛАВЯНЕ И АЛАНО-БОЛГАРСКИЙ МИР

Донские славяне, как уже неоднократно подчеркивалось, занимают окраинные районы восточнославянского мира, подходя непосредственно к границам расселения алано-болгар, известных в литературе как население салтово-маяцкой культуры (см. рис. 1). По мнению ряда исследователей, салтово-маяцкая культура лесостепного Подонья представляет собой северо-западные районы Хазарского каганата (1; 2).

Не вдаваясь в анализ таких проблем, как Русь и Хазарский каганат или соотношение северного лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры с географией Хазарского каганата, так как это совершенно отдельные сюжеты, не имеющие к нашей теме отношения, отметим только, что ни один из исследователей не отрицает, что исторические судьбы славянского населения юго-восточного пограничья и алано-болгар, находившихся в весьма лояльных отношениях друг к другу, оказались схожи, а в ряде случаев тесно переплелись.

Проблема контактов двух этносов: восточных славян, обитавших в бассейне Дона, и их соседей — племен салтово-маяцкой культуры—поднималась различными исследователями, как теми, кто занимался изучением собственно славян, так и теми, кто исследовал памятники салтово-маяцкой культуры.

И. И. Ляпушкин наличие салтовских вещей, в том числе и керамики, на славянских памятниках объяснял тем, что славянские племена Днепровского Левобережья обитали по соседству с салтовскими, и отдельные поселения тех и других располагались вперемешку (3, с. 244). Им отмечена большая посредническая роль Хазарского каганата в торговле славян с востоком и существование широкого обмена населения салтово-маяцкой культуры со славянами (4, с. 151).

Он отмечал некоторое сходство салтово-маяцких полуземляночных жилищ и славянских лесостепной полосы, хотя имеются, по его мнению, и серьезные различия в отопительных устройствах: у славян — печи со сводом; у населения салтово-маяцкой культуры — открытые очаги (5, с. 98). В целом, говоря о проблеме славяно-алано-болгарских контактов, И. И. Ляпушкин писал, что это важный вопрос для понимания истории юго-востока Европы в раннем средневековье (5, с. 148).

Рядом исследователей подчеркивается значительный вклад населения салтово-маяцкой культуры в формирование этнического и культурного облика отдельных групп восточных славян и прежде всего так называемый волынцевской культуры, памятники которой прослежены в Днепровском Левобережье и частично в Киевском Поднепровье. Выделение данной группы памятников вызвало острую дискуссию и по ее хронологии, и по этнокультурной принадлежности.

М. И. Артамонов, рассматривая историю восточноевропейской лесостепи во второй половине I тысячелетия н. э., писал, что славяне, осваивая лесостепь Днепровского Левобережья, ассимилировали находившиеся здесь тюркские племена болгар-кутригуров, результатом чего и явилось появление волынцевской культуры, т. е. в основе это культура славянская с обычной керамикой, но имеет большую примесь салтовского элемента в виде «...посуды лощеной с цилиндрическим горлом, которая доживает до X в...» (6, с. 119).

В. В. Седов, видя в волынцевских памятниках различные этнокультурные компоненты, считает, что эти древности принадлежат «...славянизированному местному населению, родственному алано-болгарам салтовской культуры». Но в отличие от М. И. Артамонова он считает местной основой не тюркский компонент, а иранский, который, по мнению В. В. Седова, восходит к памятникам черняховской культуры лесостепи (7, с. 138).

Близких взглядов придерживаются О. В. Сухобоков и С. П. Юренко. Они подчеркивают, что со славянизированным ираноязычным населением лесостепного Днепровского Левобережья следует связывать волынцевские памятники. И дальше О. В. Сухобоков и С. П. Юренко прямо указывают, что определенная часть салтовского населения приняла участие в формировании северянского племенного союза (8, с. 138—139).

О взаимодействии в лесостепном Левобережье в VIII—IX вв. славян, составляющих активную этническую массу

и постепенно славянизирущихся алано-болгар, писал и Е. А. Горюнов. В качестве примера он приводит волынцевские памятники, на которых и в керамике, и в жилищах прослеживаются два этнических компонента: славянский и алано-болгарский (салтово-маяцкий) (9, с. 8—9). Эту же мысль значительно раньше проводила в своих работах С. А. Плетнева (10, с. 94).

Таким образом, все исследователи, причастные к изучению волынцевских памятников, несмотря на некоторые расхождения, отмечали вклад алано-болгарского населения в этнокультурный облик славян Днепровского Левобережья.

С. А. Плетнева — один из основных исследователей истории средневековых кочевников — внесла существенный вклад в разработку проблемы контактов восточных славян с алано-болгарским населением во второй половине I тысячелетия.

Исследуя поселения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, расположенные в верховьях Северского Донца, она отмечает присутствие на этих памятниках типичных для салтово-маяцкой культуры горшков яйцевидной и шаровидной форм, украшенных линейно-волнистым орнаментом, изготовленных из теста с примесью шамота, характерного для славянской керамики, находки на одних и тех же поселениях славянской лепной и типичной салтово-маяцкой посуды. Эти факты, по мнению С. А. Плетневой, свидетельствуют «...о близком сожительстве и вероятном смешении в этом районе двух народов и двух культур» (11, с. 19).

В специальной статье на эту тему С. А. Плетнева также ставит вопрос о воздействии славян на своих южных соседей (10, с. 83). Она пишет, что влияние славян с наибольшей силой сказалось на северо-западной и северной периферия Хазарского каганата, и от близости славян зависело некоторое своеобразие салтово-маяцкой культуры данного региона. К чертам такого своеобразия, возникшим под влиянием славян, она относит: укрепленные городища; жилища-полуземлянки; искусственную подрезку склонов мыса — как прием фортификации; сооружения в некоторых салтовских жилищах печей; появление на ряде памятников салтово-маяцкой культуры лепной керамики с шамотом. Наряду с влиянием славян на культуру салтово-маяцкого населения, С. А. Плетнева отмечает, что обратный процесс, т. е. влияние салтово-маяцкого населения на славян, проявилось, прежде всего, в приобретении славянами многих изделий ремесленного производства у своих южных соседей: мотыжек, украшений, оружия. Эти вещи попадали к славянам в результате развитой

торговли. Следует обратить внимание еще на одну мысль, высказанную в этой статье С. А. Плетневой: часть салтовцев под давлением печенегов в начале X в. отступила к северу, т. е. в район, заселенный славянами.

Ряд положений данной статьи С. А. Плетнева развивает в монографии, посвященной салтово-маяцкой культуре (1). В этой работе она подчеркивает, что активному оседанию кочевников на землю в северных районах Подонья помимо других факторов способствовало знакомство их со славянами-земледельцами. В процессе оседания на землю кочевники перенимали у славян типы жилищ, характерные для оседлых народов, — полуземлянки и другие элементы их материальной культуры. А славяне, обитавшие в Днепровском Левобережье, по мнению С. А. Плетневой, переняли у населения салтово-маяцкой культуры гончарный круг, которым начали пользоваться с начала X в. Здесь же она говорит о слиянии некоторых производственных керамических традиций славян и алано-болгар.

В результате анализа работ С. А. Плетневой становится очевидным, что ею предпринята попытка рассмотреть контакты и связи славян лесостепи с населением салтово-маяцкой культуры во всем их многообразии как со стороны славян, так и со стороны алано-болгар, но сделано это было, главным образом, на материалах верховьев Северского Донца и роменских памятников Днепровского Левобережья.

В 1965 г. специальную статью, посвященную вопросу взаимоотношения славян и населения салтово-маяцкой культуры, опубликовал Д. Т. Березовец (12). В ней он, во-первых, подчеркивает, что славяне и население салтово-маяцкой культуры очень различны по социально-экономическому, политическому и этническому развитию; во-вторых, считая, что территория салтово-маяцкой культуры входила в состав Хазарского каганата, который брал дань с ряда восточнославянских племен, в связи с чем Д. Т. Березовец выдвинул предположение о возможности существования в глубине славянской территории своеобразных административных центров каганата со смешанной культурой: славянской и салтово-маяцкой (таким, по его мнению, было Битицкое городище); в-третьих, полемизируя с С. А. Плетневой, он отрицает возможность каких-либо культурных связей, взаимовлияния, смешения славян и алано-болгар в районе Среднего Поднепровья, в том числе и его Левобережья; в-четвертых, Д. Т. Березовец считает, что в различных районах, где славяне и население салтово-маяцкой культуры имели возможность

вступить в контакты, эти процессы протекали по-разному. Трудно согласиться с таким пессимистическим взглядом на славяно-алано-болгарские контакты в лесостепном Поднепровье и в то же время абсолютно верной является мысль Д. Т. Березовца о различных формах взаимосвязей славян и населения салтово-маяцкой культуры в разных районах Восточной и Юго-Восточной Европы.

Таким образом, изучение проблемы взаимоотношений восточных славян и их южных и юго-восточных соседей велось в нескольких направлениях: во-первых, выяснение торговых связей двух этносов; во-вторых, возможности взаимообмена навыками в отдельных видах хозяйственной деятельности и домостроительстве; в-третьих, роль населения салтово-маяцкой культуры в этнокультурных процессах, протекавших в Днепровском Левобережье во второй половине I тысячелетия.

Именно в этих направлениях шло изучение этого вопроса и в работах А. Н. Москаленко, одного из главных исследователей донских славян.

В книге «Городище Титчиха» ею уделено внимание торговле донских славян с алано-болгарским миром (13). А. Н. Москаленко зафиксировала на Титчихинском городище некоторые смешанные типы керамики, содержащие в себе черты славянского и салтово-маяцкого керамических производств, и объясняет этот факт присутствием «каких-то отдельных переселенцев...» с территории салтово-маяцкой культуры. В то же время присутствие салтово-маяцкого населения на Титчихинском городище А. Н. Москаленко объясняет и семейно-брачными связями (13, с. 158—162).

О славяно-алано-болгарских отношениях А. Н. Москаленко пишет и в другой работе о донских славянах (14, с. 134). Она приводит данные о наличии керамики салтово-маяцкой культуры на поселениях донских славян, обращает внимание на находки на славянских памятниках в бассейне Дона разнообразных вещей алано-болгарских мастеров: украшений из бронзы и стекла, амулетов. В этой работе ею еще раз высказана мысль о наличии населения салтово-маяцкой культуры на ряде славянских поселений в бассейне Дона. А. Н. Москаленко сделала вывод, что можно говорить скорее о добрососедских, чем о враждебных отношениях этих двух этносов (14, с. 141).

В последнее время Г. Е. Афанасьевым высказано мнение, что салтовские поселенцы застали в бассейне Среднего Дона «значительный массив оседлого населения и входили

с ним в определенные контакты» (15, с. 153). Под значительным массивом оседлого населения подразумеваются памятники пеньковской культуры, открытые в последние годы на данной территории, связываемые многими исследователями с ранними славянами, на что Г. Е. Афанасьев обращает особое внимание. Не вдаваясь в проблему этнической принадлежности населения пеньковской культуры, так как это особая тема, отметим, что ни на одном пеньковском поселении в бассейне Дона не зафиксировано каких-либо салтово-пеньковских контактов. Перекрытие пеньковского слоя салтовским никак не может свидетельствовать ни о преемственности, ни о включении, ни о восприятии элементов одной культуры другой, ни о сосуществовании в какой-то промежуток времени.

И даже салтовский Дмитриевский могильник, где обнаружено семь трупосожжений с лепной керамикой, связываемых С. А. Плетневой с пеньковской культурой (16), не может «...отражать процесс инфильтрации местных племен в аланскую среду», «...процесс постепенного восприятия пеньковцами элементов салтовской культуры» (15, с. 153). На данном могильнике салтовские и пеньковские материалы выглядят как два совершенно различных явления, не случайно пеньковское поселение расположено отдельно от салтовского и хронология его неизвестна. Кроме того, керамика из трупосожжений Дмитриевского могильника несет не столько салтовские (аланские) традиции, сколько кочевнические, не характерные для алан, на что обратила внимание С. А. Плетнева (16, с. 115).

Необходимо вспомнить, что сама пеньковская культура, датируемая V—VII вв., и в этническом, и в культурном плане далеко не однородна. Она, как известно, включает в себя, помимо других, и степные кочевнические элементы, которые в литературе называют салтовскими (17), хотя салтово-маяцкая культура сложилась, как известно, позже. Совершенно не исключено, что, с одной стороны, именно эти материалы на пеньковских поселениях в ряде случаев и рассматриваются некоторыми исследователями как собственно салтовские, а с другой, носители этих элементов культуры из числа пеньковцев могли быть включены в состав населения салтово-маяцкой культуры, найдя здесь родственную себе среду. При этом основная масса пеньковского населения под давлением алано-болгар в начале VIII в. отступила на север и в последующем приняла участие в формировании

отдельных групп восточных славян Днепровского Левобережья (18, с. 83—94).

Таким образом, в настоящее время мы не располагаем сколько-нибудь достоверными фактами, свидетельствующими о каких-либо формах контактов населения салтово-маяцкой культуры со славянским миром ранее конца VIII в. Именно к этому времени в юго-восточной Европе сложились две этнические группировки: население салтово-маяцкой культуры (северо-западное пограничье Хазарского каганата) и славяне Днепровского Левобережья и Верхнего и Среднего Дона.

Подводя итог краткому историографическому анализу интересующей нас проблемы, необходимо отметить, что многие вопросы требуют еще дополнительного освещения и появившиеся в последние годы новые археологические материалы позволяют это сделать.

Рассматривая связи двух соседствующих этнических групп — донских славян и населения салтово-маяцкой культуры, прежде всего необходимо отметить наличие торговых отношений между ними. Но масштабы этой торговли или обмена, судя по количеству вещей салтово-маяцкой культуры, находимых на славянских памятниках в бассейне Дона, были незначительны. Это, главным образом, украшения. С памятниками салтово-маяцкой культуры прежде всего связаны перстни, найденные на Титчихинском городище (см. рис. 20, *24—26*). Перстни, близкие к салтово-маяцким, обнаружены и на памятниках на р. Воронеж (см. рис. 20, *27—31*). На Титчихинском городище найдена крестообразная бронзовая подвеска-амулет (см. рис. 20, *40*). Эта подвеска интересна тем, что в целом виде она представляла собой крест в круге, т. е. типичные солнечные амулеты, распространенные на памятниках салтово-маяцкой культуры. По поводу аналогичных амулетов С. А. Плетнева пишет, что они были «...широко распространены в пределах Хазарского каганата, были символами Тенгри-хана — бога неба...» (1, с. 178). Как отмечает С. А. Плетнева, к середине IX в. подобные амулеты выходят из употребления на всей территории Хазарского каганата, включая его самые отдаленные районы (1, с. 179). К категории амулетов-украшений относятся бронзовые бубенчики, которых на Титчихинском городище встречено три целых и два обломка (см. рис. 20, *17—20*). Их появление также, вероятно, следует связывать с населением салтово-маяцкой культуры, в погребениях которого они являются довольно частой находкой (2, с. 150). На Титчихинском го-

родище обнаружена бронзовая копоушка коромыслообразного типа с петлей посередине. Подобные копоушки, согласно классификации С. А. Плетневой, датируются второй половиной VIII — первой половиной IX вв. (см. рис. 20, *39*). К украшениям салтово-маяцкого типа можно отнести и две серьги. Одна из них найдена на Воргольском городище (см. рис. 30, *32*), вторая — на Животинном (см. рис. 20, *34*). Обе они датируются в рамках IX—X вв. (1, с. 141).

Среди украшений, попавших из салтово-маяцкого мира к славянам, А. Н. Москаленко отмечает черные стеклянные браслеты, производство которых, по мнению З. А. Львовой, осуществлялось в Саркеле еще до появления славян (19, с. 310—311).

Как видно из анализа украшений салтово-маяцкого типа, они сосредоточены, главным образом, на Титчихинском городище и на памятниках, расположенных на р. Воронеж.

Перечисленными предметами не исчерпываются салтово-маяцкие вещи на поселениях донских славян. Имеются орудия труда, предметы быта, но встречены они, главным образом, на поселениях по р. Воронеж, где их присутствие, как, возможно, и некоторых украшений, объясняется не только торговыми связями.

Население салтово-маяцкой культуры играло не последнюю роль и в торговле донских славян с арабским миром, с причерноморскими городами. Об этом свидетельствуют и находимые на славянских памятниках арабские монеты, стеклянные бусы, амфоры и кувшины южного и ближневосточного производства.

Есть на славянских поселениях в бассейне Дона и тарная салтово-маяцкая керамика, свидетельствующая о наличии торговых отношений. Такая керамика имеется на Титчихинском городище (пифосы, кувшины, амфоры) (13). На других памятниках на Среднем Дону: Архангельском, Малом Боршевском, Большом Боршевском городищах эта керамика исчисляется буквально несколькими фрагментами. Тарная салтово-маяцкая керамика выявлена на славянских городищах на р. Воронеж: I Белогорском, Животинном, Михайловский кордон.

На Титчихинском городище совершенно отсутствует кухонная салтово-маяцкая керамика, нет жилищ или каких-либо конструктивных деталей в жилищах, которые можно было бы связать со стационарным пребыванием алано-болгарского населения наряду со славянами.

Массовое расселение восточных славян в лесостепном

Подонье происходило тогда, когда северные и северо-западные границы салтово-маяцкой культуры в рамках Хазарского каганата уже обозначились. И с самого начала расселения славян в этом регионе между ними и алано-болгарами установились, как отмечали многие авторы, дружественные отношения. И те, и другие в новых для себя условиях донской лесостепи в общении друг с другом взаимно вырабатывали некоторые необходимые элементы материальной культуры.

У донских славян в процессе этих контактов появились новые формы керамических изделий. Среди них горшки яйцевидной формы, изготовленные, в основном, из плотного хорошо промешанного теста, украшенные обычными славянскими орнаментами. Наибольшее распространение подобная посуда получила на I Белогорском городище на р. Воронеж. К этой же группе керамики, появившейся у донских славян в процессе общения их с алано-болгарами, можно отнести и сосуды с почти шаровидным туловом. Они так же, как и горшки яйцевидной формы, изготовлены из теста несколько лучшего качества, чем основная славянская керамика. Часть горшков шаровидной и яйцевидной форм имеет следы правки на гончарном круге, некоторые из них изготовлены на гончарном круге. К явлениям аналогичного характера — стремлению донских славян расширить ассортимент посуды— можно отнести и появление на славянских памятниках Подонья кувшинов. В целом мы отмечали, что кувшины не характерны для донских славян. Славяне, переняв кувшинообразную форму, стали изготавливать их с учетом своих сложившихся традиций.

Но общение с населением салтово-маяцкой культуры не внесло каких-либо кардинальных изменений в технологию изготовления донскими славянами собственной керамики.

Не только славяне испытывали определенное воздействие культуры своих южных соседей, эти процессы носили взаимный характер. Исследователями отмечалось, что влияние славян на население салтово-маяцкой культуры выразилось в появлении у последних полуземляночного жилища (1, с. 58) и глинобитных печей в углу (20).

Г. Е. Афанасьевым высказано сомнение в правомерности такой постановки вопроса. Он считает, что стремление углубить свое жилище в материк было характерно для алан Северного Кавказа на протяжении многих веков и салтовские полуземлянки на Среднем Дону следует рассматривать «как проявление этнокультурной традиции в домостроитель-

стве, полностью отвечающей экологическим условиям данного региона...» (15, с. 85).

Во-первых, действительно, стремление углубить нижнюю часть жилища в землю и тем самым его утеплить свойственно многим народам, и не всегда в этом нужно видеть какое-то влияние одного этноса на другой. Но в данном случае приводимые Г. Е. Афанасьевым примеры недостаточно убедительны, так как они единичны и разбросаны в хронологическом плане и не создают сколько-нибудь цельной картины. Во-вторых, В. Б. Ковалевская — исследовательница кавказских алан — пишет, что на равнинах для них характерны «...свободно расположенные турлучные легкие постройки...», а «в предгорьях и горах каменные наземные постройки...» (2, с. 85). Скорее всего, та часть алан, которая переселилась в бассейн Среднего Дона, освоила в очень короткий срок совершенно новый для себя тип жилых построек, и, вероятно, это не могло произойти без какого-либо участия славян, которые практически в это же время, как уже отмечалось, стали активно осваивать и Днепровское Левобережье, и лесостепное Подонье. При этом необходимо отметить, что если даже идея полуземляночного жилища и появилась у алано-болгар под влиянием славян, то все же они не восприняли всего, что им предложила многовековая славянская традиция в сооружении полуземляночных жилищ. Как весьма справедливо заметила С. А. Плетнева, в салтовской полуземлянке сочетались черты оседлой (славянской) и кочевнических культур (1, с. 58). Особенно это хорошо видно на жилищах Маяцкого селища, одного из ближайших к донским славянам памятников салтово-маяцкой культуры (21). Ряд конструктивных черт сближают маяцкие полуземлянки со славянскими: деревянная облицовка стен; черноземно-меловая забутовка между стеной котлована и деревянной облицовкой; наличие в некоторых постройках вместо типичных для салтово-маяцкой культуры открытых очагов различной конструкции, расположенных в центральной части жилищ, печей-каменок, расположенных в углах построек, а в одной из полуземлянок — весьма совершенной глинобитной печи; своеобразные лавки-лежанки или верстаки для работы ремесленников с использованием материка и дерева. Все это, а возможно, и некоторые другие элементы конструкции полуземлянок Маяцкого селища, были заимствованы, скорее всего, у соседних славянских племен.

Интересные данные, дающие возможность выявить совершенно новые аспекты во взаимоотношениях донских славян

и алано-болгарского населения салтово-маяцкой культуры, дали раскопки ряда славянских памятников на р. Воронеж, и среди них в первую очередь I Белогорского городища (22). Выявленные здесь полуземляночные постройки можно разделить на две группы. К первой относятся типичные славянские полуземлянки с характерными для них печами, сложенными из камней и глины. Ко второй — полуземлянки с очагами, обложенными камнями. Таких построек встречено четыре (2, 7, 8, 9). Материковая часть их котлованов имеет глубину не более 0,25—0,4 м, лишь у полуземлянки 9 несколько больше — 0,6—0,7 м. Она значительно больше других и по площади — 34,7 м. В трех постройках обнаружено по одному открытому очагу, а в одной (9) — три, что, вероятно, связано с ее размерами. Во всех полуземлянках очаги сильно разрушены. Они сохранились в виде небольших развалов камней с очажными блюдцами, углубленными в материк и заполненными золой, а в полуземлянке 8 стенки очажного блюдца были обмазаны обожженной глиной. В двух постройках 8 и 9 выявлен вход в виде прямоугольного коридора. В ряде полуземлянок расчищены хозяйственные ямы. Пол во всех постройках материковый, за исключением полуземлянки 2, где на материковый песок положен слой обожженной глины. Судя по столбовым ямкам, расчищенным в материковом полу жилищ 8 и 9, в них были каркасно-столбовые конструкции, а полуземлянка 7, где не обнаружены столбовые ямки, — срубная.

Полуземляночные жилища с подобного рода отопительными устройствами на славянских памятниках боршевского типа не известны. Как уже отмечалось, салтовские полуземлянки отличаются от славянских тем, что для салтовских характерны только открытые очаги, а для славянских — печи различных конструкций. С. А. Плетнева обращала внимание на то, что под влиянием славян население салтово-маяцкой культуры стало сооружать и печи, но очаги в салтовских жилищах тем не менее остались преобладающей формой отопительного устройства. И это, по ее мнению, объясняется определенными традициями, сложившимися в культуре и быте алано-болгарского населения Подонья (10). И, конечно, для характеристики этих построек большое значение имеют материальные остатки, обнаруженные в них. На полу полуземлянок 2, 7, 8 встречена, главным образом, керамика салтово-маяцкой культуры, а в полуземлянке 9, в основном, славянская керамика и фрагмент от амфоры с двумя ручками. На наш взгляд, мы имеем основания свя-

сывать полуземлянки 2, 7, 8 с какими-то группами населения салтово-маяцкой культуры, жившими на славянском поселении на Белой горе.

Кроме полуземляночных жилищ, на городище выявлена одна постройка жилого характера наземного типа. В плане она удлиненно-овальной формы размером 3×8,4 м, имеет глинобитный необожженный пол, толщина которого 0,1—0,15 м. На полу, который лежит на культурном слое толщиной 25 см, в отдельных местах обнаружены остатки обгорелого дерева. В северо-восточной части выявлены остатки очага в виде очажного блюдца, углубленного в глиняный пол на 12 см, т. е. до уровня культурного слоя. Размеры очажного блюдца —1×1,2 м, оно заполнено золой и обожженными камнями. По периметру глинобитного пола за его пределами расчищено восемь столбовых ям — остатки конструкции постройки. На глинобитном полу обнаружены два славянских горшка, обломок массивной глиняной лепешки и наконечник стрелы (см. рис. 12, *24*). В культурном слое под постройкой обнаружена лепная керамика славянского типа.

Жилые наземные сооружения, не типичны для донских славян. В Левобережье Днепра наземные постройки жилого характера открыты на Битицком городище (23). Здесь, так же, как и в наземной постройке на Белой горе, встречен открытый очаг. Наземное жилище выявлено на Донецком городище у г. Харькова (24). Но наиболее характерны наземные постройки с открытыми очагами для южных районов салтово-маяцкой культуры, где они в большом количестве выявлены на ряде памятников (1, с. 61). Говорить о полной идентичности постройки I Белогорского городища и салтово-маяцких мы не можем. Последние имеют камышовые стены, обмазанные глиной и поставленные в специальные канавки, или глинобитные стены, возведенные на каменных цоколях. В данном случае не исключено определенное влияние салтовского населения на славян, что проявилось в заимствовании ими у салтовцев некоторых форм домостроительства.

Интересен керамический комплекс, выявленный на I Белогорском городище. Наряду со славянской керамикой здесь встречена весьма разнообразная посуда салтово-маяцкого типа, которая представлена как гончарными, так и, что особенно важно, лепными или правленными на круге кухонными горшками яйцевидной формы с весьма небрежным линейным орнаментом, который в ряде случаев пересекается вертикальным, образуя довольно густую сетку. Верх венчика этих

сосудов украшен или наколами гребенчатого штампа, или различными насечками. Вылеплены они из теста с примесью песка или мелкого шамота. Здесь эта керамика составляет довольно значительный процент — около 28%. Ближайшие аналогии ей имеются в материалах салтово-маяцкой культуры на Северском Донце (11, с. 14). При этом следует подчеркнуть, что рассматриваемые горшки являются предметом местного производства. Об этом свидетельствуют данные петрографического анализа, проведенного в керамической лаборатории Института археологии АН СССР. Но общий их вид, фактура, орнаментация, техника свидетельствуют о том, что они изготовлены не славянскими мастерами, а, вероятно, представителями населения салтово-маяцкой культуры, жившими на славянском I Белогорском городище. Рассматриваемые горшки распространены неравномерно на площади городища. На территории между двумя линиями укреплений их обнаружено 75%. Причем, подавляющее большинство в верхней части культурного слоя, что является свидетельством того, что они не сразу появились на поселении, а спустя какое-то время после того, как его территория была заселена славянами. Об этом же свидетельствуют раскопки укреплений. Под насыпью вала в культурном слое этой керамики нет совершенно, а сооружение вала, по всей видимости, относится не ранее, чем к началу X в.

Таким образом, распространение салтово-маяцких горшков на I Белогорском городище связано с появлением здесь нового этнического компонента — населения салтово-маяцкой культуры. Об этом свидетельствуют и материалы раскопок могильников, связанных со славянскими городищами на р. Воронеж.

Курганы могильников на р. Воронеж содержат самую разнообразную керамику. Наряду с обычной славянской посудой здесь встречена в большом количестве гончарная керамика салтово-маяцкой культуры, представленная кувшинами, горшками, кружками и в одном экземпляре — вазой-светильником. Салтово-маяцкая керамика составляет 18,6% всего керамического комплекса, обнаруженного в могильниках на р. Воронеж.

Самая большая коллекция салтовской керамики — кувшины. Они обнаружены на всех изучавшихся могильниках. Согласно классификации, предложенной С. А. Плетневой, салтовские кувшины можно разделить на три вида (1). К первому виду относится кувшин из кургана 5 I Белогорского могильника (см. рис. 38, *15*). Он имеет яйцевидное

удлиненное тулово, коричнево-желтого цвета, изготовлен на гончарном круге из плотного теста с примесью песка. Лощения нет. Верхняя часть шейки отломана. Кувшин ручки не имел. Несколько удлиненное тулово, расширяющееся книзу, имеет кувшин из кургана 9 Лысогорского могильника (см. рис. 39, *16*). Это сосуд серо-коричневого лощения, которое на большей части сосуда отшелушилось. В тесте имеется примесь песка, отчего под лощением его поверхность шершавая, местами бугристая. Этот кувшин, как и белогорский, яйцевидной формы, слива не имеет. Верхняя и нижнаяя части тулова орнаментированы двумя параллельными врезными линиями. Четыре такие же линии имеются и под самым горлом сосуда. Трудно подобрать аналогии рассматриваемым двум кувшинам, хотя они, безусловно, не выходят из круга салтово-маяцких древностей, но некоторое их своеобразие и в технологии производства, и в форме связано, вероятно, с их местным производством.

Кувшины второго вида имеют шаровидное тулово и сравнительно высокое горло. Они найдены на Лысогорском (см. рис. 39, *17*), I Белогорском (см. рис. 40, *2*), II Белогорском (см. рис. 40, *1*) могильниках. У них прямое или плавно отгибающееся наружу высокое горло, хорошо выраженный слив. Ручки прикреплены одним концом к верхней части тулова, другим к горлу сосуда. Все сосуды отличаются довольно пышной пролощенной орнаментацией, которая горизонтальными врезными линиями делится на зоны, для каждой из которых характерна своя орнаментация. Лощение, как правило, черного или серого цвета, в большинстве случаев довольно качественное, лишь на ряде сосудов оно несколько отшелушилось, обнажив шершавые их поверхности.

Два кувшина (Лысогорский могильник (см. рис. 40, *3*) и I Белогорский (см. рис. 40, *4*), согласно классификации С. А. Плетневой, относятся к четвертому виду. Это стройные сосуды с яйцевидным туловом, плавно переходящим в невысокое горло, с тонкими, ярко-оранжевого цвета, стенками, Изготовлены из очень хорошо промешанного теста. Кувшины обнаружены на разных могильниках, но имеют удивительное сходство. С. А. Плетнева подчеркивает, что, судя по необычной однотипности, происходят из одной мастерской какого-то южного приморского города, где особенно сильно сказывалось римско-византийское влияние. Из этого центра они расходились в самые отдаленные уголки территории салтово-маяцкой культуры.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в курганах не обнаружено ни одного целого кувшина. Все они поставлены в погребения после длительного использования в хозяйстве.

Салтовские горшки обнаружены в пяти экземплярах. Все они сделаны на гончарном круге. Три из них, согласно классификации кухонной керамики салтово-маяцкой культуры С. А. Плетневой, относятся к типу «А» (1, с. 106). Это горшки из курганов I Белогорского (см. рис. 25, *5*, *6*) и Лысогорского могильников. Они яйцевидной формы из плотного теста с примесью речного песка, хорошим ровным обжигом, серого цвета, покрыты сплошным горизонтально-линейным и линейно-волнистым орнаментом. Венчики горшков не украшены. С. А. Плетнева подчеркивает, что аналогичные горшки, в основном, характерны для степных — болгарских памятников, хотя встречаются в небольшом количестве и на лесостепных поселениях.

Очень своеобразны два горшка, обнаруженные в курганах Лысогорского (см. рис. 40, *7*) и II Белогорского могильников (см. рис. 40, *8*). Это приземистые гончарные сосуды подшаровидной формы с неплохим лощением. У обоих в наиболее широкой части имеется орнамент, заключенный между двумя параллельными линиями. Горшок из Лысогорского могильника орнаментирован семизубным штампом, а из II Белогорского — насечками, образующими острый угол. Аналогичный горшок был обнаружен на Кузнецовском городище (25, с. 95). П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков отмечают, что по орнаментации этот сосуд напоминает болгарскую керамику XI в., по тесту — керамику хазарских городищ Нижнего Дона. С. А. Плетнева указывает на аналогичный сосуд из Саркел-Белой Вежи, подчеркивая его синкретический славяно-салтовский характер, отмечает, что он был скорее всего изготовлен салтовским населением города (26, с. 225). Принадлежность рассматриваемых горшков с р. Воронеж к салтово-маяцкой культуре не вызывает сомнений.

В двух экземплярах встречены салтовские кружки. Согласно классификации С. А. Плетневой (1), одну из них, найденную на Лысогорском могильнике (см. рис. 40, *9*), можно отнести к первому виду. Эта кружка имеет несколько раздутое тулово, широкое дно, темно-коричневое лощение по всей поверхности. В нижней части тулова — горизонтальная врезная линия. Кружка из кургана 10 I Белогорского могильника (см. рис. 40, *10*) относится ко второму виду. У нее

приземистое, как бы сплющенное тулово. По всей поверхности покрыта темным лощением. Но главная особенность рассматриваемой кружки — зооморфная ручка. Лощеные кружки с зооморфной ручкой являются «...одним из характернейших признаков северокавказских аланских древностей...». При этом С. А. Плетнева подчеркивает, что сосуды с зооморфными ручками, кроме Северного Кавказа, известны на лесостепных памятниках Подонья салтово-маяцкой культуры (27, с. 211).

В одном из курганов II Белогорского могильника обнаружена очень интересная ваза-светильник (см. рис. 40, *11*). Представляет собой чашу на небольшом поддоне. Изготовлена на гончарном круге без лощения. На внутренней поверхности имеется орнамент насечками. У населения салтово-маяцкой культуры светильники были распространены довольно широко.

Итак, сейчас уже ни у кого не должен вызывать сомнения тот факт, что в глубине территории донских славян на р. Воронеж на уже существовавших славянских поселениях появились примерно в начале X в. отдельные группы салтово-маяцкого населения. Трудно сказать, какова была их численность, но, вероятно, не очень значительная.

С какими же событиями связан приход салтовского населения в соседние славянские районы? И является ли проживание двух различных народов на одном поселении явлением случайным?

Вопрос о судьбе населения, оставившего памятники салтово-маяцкого облика, в литературе поднимался не раз. На этот счет были высказаны различные точки зрения. М. И. Артамонов считает, что население, оставившее памятники салтовской культуры, было полностью уничтожено хазарами, которым они были подчинены (28, с. 358). С. А. Плетнева склонна считать, что часть салтовцев в начале X в. из-за угрозы полного разгрома печенегами отступила на север. Кроме того, по ее мнению, в верховьях Северского Донца наблюдалось смешение двух народов и двух культур — славян и алано-болгар (10, с. 94).

Какая-то часть салтовского населения отступила под ударами печенегов на север, в район верхнедонской славянской группировки. Проживание на одном поселении двух различных этнических групп не должно быть для нас чем-то неожиданным.

Проникновение населения салтово-маяцкой культуры в северные районы донской лесостепи отмечал еще А. Л. Мон-

гайт, усматривая его в материалах Арцыбашевского погребения (30, с. 81—84).

В 1993 г. А. П. Медведевым во время раскопок Чертовицкого городища раннего железного века на р. Воронеж выявлено погребение прямоугольной со скругленными углами формы, размерами 0,85×2 м, глубиной — 1,2 м от уровня материка (рис. 42). Могила была забита сверху суглинком того же цвета, что и прилегающий материк. В ее заполнении найдено несколько обломков керамики раннего железного века, попавших из слоя. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. В его изголовье стояли два круговых горшка, украшенных прочерченным волнистым орнаментом (рис. 42, *1, 2*). Венчик одного из них был орнаментирован оттисками гребенчатого штампа, на дне имелось клеймо в виде круга. Тут же лежали кости ног и часть позвоночника мелкого рогатого животного вместе с железным ножом (рис. 42, *3*). Остальные кости конечностей этого животного найдены на голенных костях погребенного, а его череп — слева на тазовых костях. Справа на костях таза найдено серебряное изделие в виде перевитого стерженька с тремя отверстиями (рис. 42, *4*). Возможно, это бронзовая подвеска на пояс — так называемый «распределитель». Слева в нижней части груди обнаружена тонкая серебряная монета с обломанным в древности краем (рис. 42, *5*). По определению А. В. Фомина, это арабский дирхем африканского чекана (Аббасия или Ифрикия), датируемый 167 г. или 169 г. (?) г. Хиджры. Судя по обряду и инвентарю, это болгарское погребение салтово-маяцкой культуры начала IX в. (31).

Но то были отдельные эпизодические проникновения этой группы населения в данный регион до или в самый начальный период интенсивного его заселения славянами. Более массовое появление здесь алано-болгарского населения происходило в другой обстановке и спустя более 100 лет.

Ничего принципиально нового алано-болгары не привнесли в погребальный обряд славянского населения. Вероятно, даже можно говорить о восприятии ими славянского погребального обряда, тем более, что отдельным группам салтово-маяцкого населения обряд трупосожжения не был чужд (32), а в целом для погребального обряда населения салтово-маяцкой культуры весьма характерен культ огня (1, с. 100—102).

В связи с этим интересно было бы попытаться вычленить среди раскопанных курганов (на р. Воронеж) те, которые

можно связать с салтовским населением. В этом отношении заметно выделяется I Белогорский могильник. Во-первых, он расположен в непосредственной близости от I Белогорского городища, что не характерно для славянских могильников, которые располагались, как правило, в нескольких сотнях метров (до 1,5 км) от поселений, с ними связанных. Салтовские могильники, как известно, почти вплотную примыкают к поселениям. Во-вторых, курганы I Белогорского могильника отличаются формой от обычных славянских. На Лысой горе, Боршевском, II Белогорском могильниках курганы имеют крутобокие очертания, а на I Белогорском — более приплюснутые, с пологими склонами. В-третьих, и это наверно, самое главное, в большинстве курганов I Белогорского могильника (в восьми из двенадцати) встречена только салтовская и близкая к ней волынцевская посуда. Не исключено, что и все погребения других могильников, где встречена только салтовская посуда, принадлежат представителям салтовского населения.

М. И. Артамонов подчеркивал, что славяне, живя в Саркеле длительное время бок о бок с населением салтово-маяцкой культуры, сохранили свои традиционные приемы лепки керамики, свои формы, технологию, орнаментацию. Слишком живучи оказались традиции, которые складывались на протяжении столетий. Поэтому нет ничего удивительного, что и на I Белогорском городище пришельцы-салтовцы по существу не изменили технологию изготовления славянской посуды, хотя некоторое влияние салтовцев на керамическое производство славян безусловно имело место.

Кроме того, в курганах на р. Воронеж обнаружена целая серия посуды, сочетающая традиции салтовского и славянского производства керамики и отдельные типы салтовской посуды, утратившей ряд технологических приемов керамического производства: изготовлена без гончарного круга, без лощения или с некачественным лощением. Эта керамика весьма разнообразна по форме: горшки, кувшины, кружки. Горшки (типы 7, 8, 9), как подчеркивалось, появились у славян в результате общения их с населением салтово-маяцкой культуры. Но если на среднедонских памятниках (Титчихинское, Малое и Большое Боршевские и другие городища) эти сосуды появились в сугубо славянской среде и по всем параметрам соответствуют славянской керамике (технология, орнаментация), то горшки названных типов из могильников на р. Воронеж возникли в славяно-алано-болгарской среде и, в известной степени, являются отражением

совместного проживания этих двух этносов, что наложило отпечаток на их облик. Кроме того, здесь возникли и некоторые другие формы сосудов, изготовленные по смешанной технологии.

Тип 7 (см. рис. 38, *12—14*). Характерной чертой горшков этого типа является высокая, почти вертикальная шейка. Встречены на II Белогорском могильнике. Все сосуды изготовлены без гончарного круга из плотного теста с примесью мелкого песка. Поверхности хорошо обработаны, на некоторых — заглажены очень тщательно, вплоть до незначительного лощения. Все сосуды имеют коричневый или кирпичный цвет, верх венчика плоско срезан. Орнамент имеется на двух сосудах. На одном — беспорядочно разбросанные по тулову и по шейке вдавления веревочного штампа, а на другом — пальцевые вдавления. По составу теста, по обработке поверхностей идентичны аналогичным сосудам с I Белогорского городища. Но несколько иные пропорции (диаметр дна в ряде случаев равен или даже несколько больше диаметра горла, большая вытянутость пропорций) придают совершенно иные контуры данным сосудам. Не исключено, что здесь мы имеем керамику, специально изготовленную для погребений в пользу этого свидетельствуют исключительно малые размеры некоторых сосудов.

Тип 8 (см. рис. 38, *15—18*). Эти горшки также встречены только на II Белогорском могильнике. Это округлобокие сосуды удлиненных пропорций с яйцевидным туловом. Диаметры дна и горла примерно равны. Наибольшее расширение приходится почти на середину тулова сосуда. Орнамента нет. Все горшки желтого или коричневого цвета с различными оттенками от серого до кирпичного. Вылеплены из теста с примесью песка, иногда шамота, или растительной примеси, которая хорошо видна по выгоревшим пустотам. Обработаны сосуды в ряде случаев не очень тщательно, плохо заглажены, нередко бугристые или шершавые. В то же время некоторые горшки имеют следы лощения поверхностей. Небольшие, как правило, размеры сосоудов, асимметричность форм, полное отсутствие орнамента, на наш взгляд, свидетельствуют о специальном изготовлении их для погребального ритуала.

Тип 9. Мы имеем лишь один сосуд данного типа. Найден он в кургане II Белогорского могильника. Этот горшок с почти шаровидным туловом и короткой прямой шейкой изготовлен из плотного, хорошо промешанного теста с примесью мелкого песка. Поверхности кирпичного цвета, хорошо за-

глажены, местами едва виден накольчатый орнамент штампом, встречающийся на салтовских гончарных горшках.

Кувшины. Рассматривая керамику с поселений донских славян, мы отмечали, что кувшины не характерны для них и появляются там, где славяне вступают в тесные контакты с населением салтово-мяцкой культуры. На II Белогорском могильнике выявлена довольно интересная коллекция лепных кувшинов (см. рис. 29, *4—6*). Лишь один лепной кувшин обнаружен на Лысогорском могильнике (см. рис. 39, *7*). Все кувшины со II Белогорского могильника изготовлены без гончарного круга, на некоторых из них хорошо видны следы облупившегося лощения. У них коричневые или кирпичного цвета поверхности. Определенного какого-либо стабильного состава теста нет. Один из них изготовлен в технике, типичной для обычной славянской керамики: обжиг слабый, поверхности бугристые, необработанные. Другие кувшины имеют более плотное, тщательно промешанное тесто, неплохо заглаженные поверхности.

О связи лепных белогорских кувшинов со славянской керамикой в какой-то степени свидетельствует форма их нижней части, которая представляет собой конический славянский горшок, к которому прилеплено или прямое высокое, или высокое плавно отогнутое наружу горло. На то, что отдельно изготовлялась нижняя часть кувшинов, к которой затем прилепливался верх, указывает С. А. Плетнева применительно к салтовским гончарным лощеным кувшинам (26, с. 219). Славяне, переняв кувшинообразную форму, стали изготовлять их с учетом своих сложившихся традиций. Впрочем, нельзя исключать изготовление лепных кувшинов с элементом лощения алано-болгарским населением, попавшим в славянскую среду. Некоторые кувшины имеют вместо одной ручки по два ушка у горла, что встречается иногда на салтовских кувшинах.

Кувшинообразных сосудов с ушками встречено пять, и все они найдены на II Белогорском могильнике (см. рис. 39, *8—10*). Они имеют вытянутую яйцевидную форму. Диаметр горла почти равен диаметру дна. Все сосуды светло-коричневого или кирпичного цвета. Некоторые имеют хорошо обработанные, с элементами лощения, поверхности. В тесте примесь мелкого песка и шамота. Под самым венчиком имеются небольшие налепные ушки. Вряд ли они имеют какой-либо практический смысл, они очень малы и как ручки не могут использоваться. С. А. Плетнева относительно лощеных кувшинов с небольшими декоративными ушками под

венчиком, найденных в Саркеле, пишет, что эти ушки придавали верхней части сосуда сходство с головой животного и имели, вероятно, ритуальное значение (26, с. 216). Присутствие данных сосудов в погребениях и очень небольшие размеры некоторых из них подтверждают мысль С. А. Плетневой о ритуальном их характере. На одном из сосудов была попытка даже сделать зооморфную ручку, какие мы встречаем на кружках. Эти сосуды несут традиции кочевнической керамики, которая так широко представлена в материалах Саркела — Белой Вежи, где аналогичные кувшины также вылеплены без круга с примесью дресвы, соломы и шамота и имеют яйцевидную форму. Часть сосудов снабжена ушками, прикрепленными на плечиках, некоторые из них украшены орнаментом, иногда довольно пышным (26, с. 230—231).

Заканчивая рассмотрение этой группы керамики, необходимо отметить, что изготовлялась она, с одной стороны, салтовцами, которые в новых условиях в отрыве от традиционных гончарных центров и в новом окружении перенимали у славян и форму, и значительно упрощенную технологию, с другой, вероятно, и славяне пытались изготовлять посуду «по-салтовски». В этом совместном общении возникли новые формы керамики и не случайно им практически нет аналогий в других районах восточнославянского и салтово-маяцкого мира. Вместе с алано-болгарским населением на воронежские поселения славян проникли и отдельные кочевнические элементы из южнорусских степей, что также нашло отражение в керамическом материале.

Итак, контакты славян и алано-болгарского населения были довольно тесными и разнообразными. Во-первых, они носили характер торговых отношений, хотя и не очень развитых. Во-вторых, культурные связи выразились во взаимном обогащении отдельными производственными навыками. В-третьих, отношения славян и населения салтово-маяцкой культуры носили дружественный характер, что выразилось в итоге их совместного проживания на одних поселениях в связи с передвижением части алано-болгар в более северные безопасные районы, заселенные славянами. Здесь они смешались со славянами, будучи, вероятно, ими очень быстро ассимилированы.

---

1. Плетнва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура//МИА. 1967. № 142.

2. Степи Евразии в эпоху средневековья//Археология СССР. М., 1981.

3. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа//МИА. 1961. № 104.

4. Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX вв.)//Там же. 1968. № 152.

5. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона//Тр. Волго-Донской археологической экспедиции//МИА. 1958. № 62.

6. Артамонов М. И. Славяне и болгары в Поднепровье//Сообщения II Международного конгресса по славянской археологии. Берлин, 1970. Т. 1 (нем.).

7. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

8. Сухобоков О. В., Юренко С. П. Этнокультурные процессы на территории Левобережной Украины в I тысячелетии н. э.//Пробл. этногенеза славян. М., 1978.

9. Горюнов Е. А. О памятниках волынцевского типа//КСИА. 1975. Вып. 144.

10. Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв.//СА. 1962. № 1.

11. Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца//КСИИМК. 1960. Вып. 79.

12. Березовец Д. Т. Словъяни и племена салтівскоі культури//Археологія. Київ, 1965. 19.

13. Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

14. Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981.

15. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)//Археологические открытия на новостройках. М., 1988. Вып. 2.

16. Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного Хазарского пограничья//Новое в археологии. М., 1972.

17. Русанова И. П. Памятники типа Пеньковки//Пробл. археологии. Л., 1978. 2.

18. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.

19. Львова Э. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи//Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. МИА. 1959. № 75.

20. Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (Iтыс. до н. э. — первая половина II тыс. н. э.)//Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.

21. Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (Результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.)//Маяцкое городище (Тр. Советско-болгаро-венгерской экспедиции). М., 1984.

22. Винников А. З. Славянское городище на Белой Горе под г. Воронежем//Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. Вып. 6.

23. Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа//СА. 1959. 29—30.

24. Шрамко Б. А. Раннеславянское поселение VIII—X вв. на Донецком городище//Древние славяне и их соседи. МИА. 1970. № 176.

25. Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

26. Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи//Там же. 1959. № 75.
27. Плетнева С. А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях//Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
28. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
29. Плетнева С. А. Древните българи в източна Европа//Изв. на Българского исторического дружества. София. 1980. кн. 33.
30. Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
31. Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета о работах в 1993 г.// Арх. ИА АН РАН.
32. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник//СА. 1986. № 3.

Заключение

В результате проведенного исследования можно с полной уверенностью говорить, что лесостепное Подонье в последних веках I тысячелетия являлось неотъемлемой частью обширного ареала восточнославянского мира.

В условиях непосредственного соприкосновения со степью славяне заселяли высокие мысы, имеющие, с одной стороны, естественную защиту, с другой — наиболее удобные условия для сооружения деревянных оборонительных конструкций.

Вопросу типологии древнерусских укрепленных поселений посвящен ряд работ. А. В. Куза на основании целого комплекса археологических признаков, коррелируя их с площадями поселений, сделал попытку установить характер восточнославянских укрепленных поселений IX — начала XI вв. По его мнению, это могли быть поселения сельских общин, племенные центры, дружинные лагеря — станы, административно-военные центры волостей, ранние города, сторожевые крепости (со второй половины X в.(1, с. 41). Но применительно к наиболее крупным поселениям, в частности к Титчихинскому городищу, он подчеркнул, что совокупность материалов позволяет считать его племенным центром одного из малых племен, входивших в один из крупных восточнославянских племенных союзов (1, с. 39). Близких взглядов на характер и роль Титчихинского городища придерживается и П. П. Толочко (2).

Детально разработана социальная типология древнерусских городищ IX—X вв. Б. А. Тимощуком по материалам Северной Буковины. В основе этой типологии лежат следующие признаки: система и конструкции оборонительных линий; характер застройки их укрепленных площадей; место городища в системе окружающих его поселений. Исходя из этих критериев он делит городища на две основные группы: а) городища — общинные центры; б) городища — феодальные центры. Городища — общинные центры подразделяются на: городища-убежища; городища-административно-хозяйственные центры; городища-святилища (3, с. 15—16).

Совершенно очевидно, что подавляющее большинство славянских городищ бассейна Дона являлись общинными центрами. Среди них можно выделить городища-убежища. Таковыми, вероятно, является Семилукское городище, на котором не выявлены стационарные жилища, правда, не известен здесь и характер укреплений славянского поселения как,

впрочем, и древнерусского. Довольно своеобразно Воргольское городище. Оно имеет оборонительные конструкции в виде деревянных стен (типа «столпие»), но здесь нет следов стационарных долговременных полуземляночных жилищ, при этом сохранились остатки очагов больших наземных построек. К тому же на краю площадки выявлено языческое святилище, и в валу городища обнаружено ритуальное погребение головы лошади (4, с. 126). Все это дает основание считать Воргольское городище культовым центром, обслуживавшим значительное число поселений, расположенных в данном регионе. Вместе с тем Воргольское городище, судя по характеру оборонительных сооружений и расположению в районе сосредоточения неукрепленных селищ, вполне могло выполнять и функции городища-убежища.

Городища — административно-хозяйственные центры характеризуются следующими признаками: 1) более сложными оборонительными конструкциями; 2) плотной застройкой, стационарными жилищами и ремесленными мастерскими; 3) встречаются предметы вооружения, драгоценные украшения; 4) расположение городищ в центре гнезд поселений (3, с. 19). К этой группе памятников можно отнести в бассейне Дона три городища: Титчихинское, Животинное, Михайловский кордон.

Анализируя материалы раскопок славянских поселений бассейна Дона и историко-этническую ситуацию, сложившуюся в последних веках I тысячелетия на восточном и юго-восточном рубежах славянского мира, необходимо отметить, что культура славянского населения лесостепного Дона укладывается в рамки культуры восточных славян конца I тысячелетия, в целом, особенно, если иметь в виду районы восточноевропейской лесостепи.

Но вместе с тем окраинное положение в славянском мире, особенности освоения славянами донского региона, политическая ситуация в данном районе оказали существенное влияние на характер культуры донских славян. Во-первых, четко фиксируются два локальных района (Средний Дон и Верхний Дон). Во-вторых, при общем уровне развития экономики, соответствующем общеславянскому, необходимо отметить некоторую «консервативность» в ряде отраслей: «варка» железа в горшках; господство лепной керамики; высокая степень развития охоты; сравнительно слабое развитие ювелирного ремесла. В-третьих, деревянные подкурганные погребальные конструкции, встречающиеся только на Среднем Дону и на Верхней Оке, вместе с веревочным орнаментом

на керамике составляют специфику культуры среднедонской группы славян. В-четвертых, очень тесные и разнообразные связи с алано-болгарским миром.

Подчеркивая специфику культуры донских славян, трудно не согласиться с мнением А. Н. Москаленко, которая писала, что «термин «роменско-боршевская культура...» не имеет право существования», так как под ним «скрывается» культура различных восточнославянских племен со своей спецификой и особенностями (4, с. 148).

Славянское население бассейна Дона в конце X — первой половине XI вв. почти полностью покинуло свои обжитые районы и на протяжении нескольких десятков лет давний регион был вне сферы постоянного обитания древнерусского населения. Во всяком случае археологический материал не дает нам возможности судить иначе. Примерно в начале XII в. ситуация несколько меняется. И на древнерусско-половецком пограничье, и в кочевнической глубинке появляются поселения, характер которых был далеко не однозначен.

---

1. Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX — середины XIII вв. (Методика исследования)//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983.

2. Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.

3. Тимощук Б. А. Общинный строй восточных славян VI—X вв. (по археологическим данным Северной Буковины): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983.

4. Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАСКАПЫВАВШИЕСЯ СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

Титчихинское городище (1*). Расположено на одном из мысов правого берега р. Дон у хут. Титчиха Лискинского района Воронежской области. Высота мыса более 90 м. Его размеры 100×120 м. Со стороны плато мыс огорожен валом и рвом. Поселение занимает и территорию плато за пределами данной линии укреплений. Размеры этой части поселения, ограниченного с юга также валом, строительство которого полностью не было закончено, 170×350 м. Таким образом, вся площадь славянского поселка около 7,5 га. Исследовалось в течение девяти лет (1954—1962 гг.). Вскрыто 7188 кв. м площади, на которой исследовано 46 полуземляночных жилищ, 79 хозяйственных ям славянского времени (всего раскопано 123 хозяйственные ямы, из них 44 раннего железного века). В культурном слое, толщина которого в среднем 0,3—0,6 м (а местами 1 м), а также в постройках и ямах обнаружена значительная коллекция вещей: керамики около 10 тысяч единиц, металлических изделий (40 ножей, 4 серпа (1 целый), 6 рыболовных крючков, пешня, пружинные ножницы, ножницы для работы по металлу, пинцет, долото, три шила, обломки топора, зубила, 12 наконечников стрел, два кресала, двухцилиндровый замок, бритва, обломки различных предметов); значительное число изделий из цветных металлов (лунницы, колечки, перстни, литые пуговицы, бляшки, бубенчики); немало изделий из стекла (бусы, обломки браслетов); большая коллекция изделий из кости, рога животных (костяные острия, амулеты, скребки и т. д.); многочисленны обломки жерновов, точильных камней. Большинство изделий с городища Титчихи отличается хорошей сохранностью, но в данной коллекции не выделяются серии предметов, они, в основном, единичны. Кроме площади городища раскопкам подверглись и укрепления. Выявлены и изучены деревянные оборонительные конструкции.

Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

Архангельское городище (2). Расположено на высоком правом берегу р. Дон, на окраине с. Архангельское Хохольского района Воронежской области. Занимает два мыса и часть плато, огороженных одной линией укреплений, состоящей из вала и двух рвов. Кроме того, все городище делится поперек как бы на две части еще одной линией укреплений, состоящей из вала и рва. Каждый из мысов, входящих в систему городища, имеет еще самостоятельные укрепления из валов и рвов, причем северный мыс имеет две такие линии укреплений. В течение двух полевых сезонов (1952, 1953 гг.) на северном мысу была

---

* Цифра соответствует номеру памятника на карте (рис. 2).

вскрыта площадь 1064 кв. м, на южном — 78 кв. м и на территории плато — 72 кв. м. Среди строительных остатков от поселка славянского времени прослежена наземная постройка, вероятно, хозяйственного назначения, площадью 80 кв. м, от которой сохранились столбовые и две хозяйственные ямы. Кроме керамики в культурном слое найден ряд находок, связываемых со славянским поселком. Среди них: ножи, наконечники стрел, игла, дужки от ведер, две бронзовые круглые бляхи, бронзовое кольцо с заходящими друг за друга концами, костяные проколки, рукоятки от ножей, рыболовное грузило из мела, глиняные пряслица, точильные камни. В 1964 г. раскопки Архангельского городища были продолжены экспедицией ВГУ. Раскопкам был подвергнут внутренний вал и ров северного мыса. Обнаружены остатки деревянной оборонительной конструкции славянского времени. В верхней части насыпи вала найдена керамика, глиняные пряслица, часть рыболовного крючка и серебряный браслет, украшенный штампованным треугольным орнаментом.

Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1943 гг.//КСИИМК. 1954. Вып. 62.

Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1984 год//Арх. ИА РАН. Р-1. № 2396.

Малое Боршевское городище (4). Расположено в с. Борщево Хохольского района Воронежской области на мысу правого берега Дона. Высота мыса над уровнем поймы около 50 м, укрепленная часть поселения имеет размеры 35×60 м. Высота вала около 1 м. С внешней стороны вала прослеживается неглубокий ров. Первые археологические исследования были проведены в 1929 г. экспедицией ГАИМК под руководством П. П. Ефименко. На территории городища было раскопано одно полуземляночное жилище, а на прилегающем селище — три. Это были четыре небольших раскопа общей площадью около 220 кв. м. Вскрыты не только сами котлованы построек, но и значительные участки вокруг них. Кроме керамики на городище встречены обломок точила и железный нож. Исследование городища было продолжено экспедицией Воронежского университета в 1963 и 1966 гг. За эти годы здесь раскопано 804 кв. м площади, расчищены остатки шести полуземляночных построек, изучены укрепления. На прилегающем селище вскрыто 120 кв. м и выявлено одно жилище полуземляночного типа. Кроме керамической коллекции в культурном слое и в постройках встречены предметы из железа (топор, ножи, браслет, распределительное кольцо с тремя пластинками конусовидной формы со штифтами от заклепок), кости (костяная трубочка с врезным треугольным и точечным орнаментом, костяные проколки, орудие труда с расширяющимися лопаточковидными концами), стеклянные браслеты и бусы, пряслица, точильные бруски. Вблизи котлована одного из жилищ обнаружен клад дирхемов, содержащий 106 монет (98 целых и 8 обломков). Среди них 14 подлинных монет, остальные — подражания. Таким образом, на Малом Боршевском городище и прилегающем селище в настоящее время вскрыто 1144 кв. м, изучено 11 построек славянского времени.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

Пряхин А. Д., Винников А. З. Итоги исследования Малого Боршевского городища на р. Дон//Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980.

Большое Боршевское городище (5). Расположено на

северной окраине с. Борщево Хохольского района Воронежской области. Занимает высокий отрог коренного правого берега р. Дон, отделяясь от плато глубокой седловиной. Высота площадки, занятой поселением, более 30 м. Размеры ее 40×174 м. Остатки поселения выявлены и за пределами седловины, даже внизу почти у реки. В 1905 г. А. А. Спицын раскопал две полуземляночные постройки на территории, примыкающей к укрепленной площадке с юга. Никаких находок, кроме керамики и костей животных, не было обнаружено. В 1928—1929 гг. на городище были проведены значительные работы экспедицией ГАИМК под руководством П. П. Ефименко. За два года была вскрыта северная часть городища площадью около 700 кв. м. На этой площади расчищены остатки 13 жилых полуземляночных построек, пяти хозяйственных сооружений также полуземляночного типа и шесть хозяйственных ям. Во время исследования получена значительная коллекция керамики. В культурном слое, в полуземлянках, в ямах, наземных сооружениях найдено 132 предмета из металла, кости, глины, камня, стекла. Из них: девять ножей (четыре целых), два железных шила, костяные рукоятки для ножей, острия для вязания сетей, проколки, астрагалы, костяные трубочки, роговая поделка с заостренным концом с одной стороны и зооморфным окончанием в виде раскрытой пасти зверя — с другой, глиняные пряслица от веретен, целые жернова и обломки от них, фрагмент каменной (из мела) литейной формы, пять стеклянных бус, бронзовая литая поясная бляшка, подвеска из дирхема с припаянной к нему бронзовой трапецевидной подвеской, фрагменты неопределимых поделок из разных материалов. Раскоп, заложенный экспедицией ВГУ в 1963 г. на склоне седловины, отделяющей площадку городища от прилегающей территории площадью 52 кв. м, выявил систему трех рвов, пересекающих седловину, в которых обнаружено большое число углей. Кроме того, на селище, расположенном в седловине, перед площадкой городища, был заложен раскоп 144 кв. м, на территории которого расчищены четыре хозяйственные ямы. Никаких находок, кроме костей животных и славянской лепной керамики, здесь не обнаружено.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

Москаленко А. Н. Отчет к открытому листу № 128 на право производства археологических раскопок славянских памятников в с. Борщево Гремяченского района Воронежской области и славянского поселения в г. Ливны Орловской области//Арх. ИА РАН. Р-1. № 2669.

Боршевский могильник (6). Расположен у с. Борщево Хохольского района Воронежской области. Занимает высокое плато правого берега р. Дон на западной окраине села. Могильник состоит из двух групп. Первая расположена к югу, на расстоянии около 0,5 км от Большого Боршевского городища. Вторая — к юго-западу от Большого Боршевского городища, будучи отделена от него довольно широким и глубоким оврагом. Этот же овраг отделяет вторую группу от первой. Курганы второй группы располагаются на значительном расстоянии друг от друга, а два из них отделены от других небольшим оврагом. Высота курганов как в первой, так и во второй группе 0,7—2,15 м. Диаметр 9—14 м. Почти вокруг всех курганов хорошо прослеживаются окружающие их ровики, как правило, прерывающиеся в северо-восточной стороне кургана. В 1905 г. А. А. Спицын исследовал здесь восемь курганов. В 1922 г. один из курганов Боршевского могильника был раскопан С. Н. Замятниным. В 1929 г. на Боршевском могильнике экспедицией ГАИМК были вскрыты четыре насыпи. В 1963 и

1966 гг. работы на Боршевском могильнике проводила экспедиция Воронежского университета. В эти годы здесь было раскопано 23 кургана (1 курган во второй группе и 22 — в первой). В 1980 г. славянским отрядом экспедиции Воронежского университета во второй группе был раскопан 1 курган (24). В 1994 г. было исследовано два разрушенных кургана В. Ковалевским.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

Винников А. З., Пряхин А. Д. Боршевский курганный могильник на Дону//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983.

Кузнецовское городище (61). Расположено на северной окраине г. Воронежа на правом берегу р. Воронеж (Воронежское водохранилище). На его территории располагались строения санатория им. М. Горького. Площадка имеет размеры 85×325 м. Высота мыса над уровнем реки около 30 м. В настоящее время укрепления не сохранились. Первые значительные исследования были проведены в 1928 г. экспедицией ГАИМК под руководством П. П. Ефименко. Было заложено два раскопа площадью 65 кв. м и 70 кв. м, в каждом из которых было открыто по три полуземляночных постройки. На втором раскопе открыта кузница. Кроме керамики обнаружены глиняные пряслица, изделия из железа, кости, точильные камни, бронзовое кольцо, спиралевидная стеклянная бусина голубовато-зеленоватого цвета. Исследование городища было продолжено в 1932—1934 гг., когда здесь началось строительство санатория им. М. Горького. Работы проводили работники Воронежского областного краеведческого музея И. Д. Смирнов, Н. В. Валукинский, Д. Д. Леонов, Т. М. Олейников. В результате этих работ в научный оборот в той или иной степени введены данные о 27 постройках полуземляночного типа различного характера: жилые, несколько кладовок-амбаров для зерна, железообрабатывающие, а возможно, и приспособленные для плавки железа мастерские. Кроме того, и в слое, и в постройках обнаружен ряд довольно интересных вещей. Среди них: золотой перстень с массивным щитком, бронзовая лунница, серебряная лунница с шариками на концах, орнаментированная геометрическим узором, выполненным «зернью», ножи, изделия из кости, резец по дереву и т. д. Рядом с одной из построек обнаружены глиняные конусы с отверстием высотой около 10 см. Впоследствии городище обследовалось в 1962 г. археологической экспедицией Воронежского университета.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

Москаленко А. Н. Отчет к открытому листу № 56 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей//Арх. ИА АН РАН. Р-1. № 2474.

Смирнов И. Д. Славянское городище под Воронежем//Арх. ИИМК РАН. Ф. 2. 1933. № 215.

Кузнецовский могильник (62). Расположен к северо-западу от Кузнецовского городища на высоком плато. В конце 20-х гг. здесь насчитывалось 25 курганов, в настоящее время — 6, остальные уничтожены при строительстве санатория им. М. Горького. Курганы довольно значительных размеров — около 1,5 м высотой при диаметре 11 м. Друг от друга курганы отстоят на расстоянии 10—12 м, заросли лесом. Экспедиция ГАИМК в 1928 г. раскопала здесь два кургана. В 1982 г. раскопан один курган славянским отрядом археологической экспедиции Воронежского университета.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

Лысогорский могильник (64). Расположен на так называемой «Лысой горе» на северной окраине г. Воронежа, занимая высокий мыс, ограниченный с трех сторон оврагами, а с четвертой выходит к р. Воронеж (Воронежское водохранилище). В настоящее время здесь насчитывается около 200 курганов, считая и раскопанные экспедицией Воронежского университета. Первые раскопки здесь проводил секретарь Воронежского губернского статистического комитета, краевед Л. Б. Вейнберг, но никакой информации об этих работах практически нет. В начале XX в. Воронежским губернским статистическим комитетом и Ученой архивной комиссией были проведены раскопки могильника, результаты которых были опубликованы. В 1924 г. три насыпи были вскрыты Д. Д. Леоновым. В 1928 г. экспедицией ГАИМК раскопан на Лысой горе один курган в южной части могильника. Начиная с 1965 г. на Лысогорском могильнике периодически проводились раскопки курганов экспедицией Воронежского университета и исследовано 29 курганов. Таким образом, в настоящее время мы располагаем достаточно полными, хорошо документированными данными о 30 курганах Лысогорского могильника, а в целом располагаем сведениями почти о 40 курганах. В 1952 г. в обрыве берега мыса, на котором располагается могильник, была обнаружена полуземлянка, большая часть которой обрушилась в реку, выявлены остатки печи-каменки, обломки сосудов. В 1961 г. во время разведки в обнажении берега зафиксирован культурный слой толщиной 0,15—0,2 м, остатки селища (63).

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

Бессуднов А. Н., Кузнецова С. Е. Охранные раскопки на Лысогорском могильнике//Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.

Городище «Михайловский кордон» (66). Расположено на большом мысу правого берега р. Воронеж (Воронежское водохранилище) в 1,5 км вверх по течению реки от санатория им. М. Горького. (северная окраина г. Воронежа). Впервые городище было обследовано и описано Е. Л. Марковым, но раскопки были проведены в 1928 г. экспедицией ГАИМК под руководством П. П. Ефименко. Раскопаны были две постройки в южной части городища, отстоящие друг от друга на расстоянии около 20 м. Никаких находок, кроме керамики, костей животных ни в слое, ни в постройках не обнаружено. В 1962 г. городище было обследовано археологической экспедицией ВГУ. В 1986 г. славянским отрядом экспедиции ВГУ возобновлены раскопки на городище «Михайловский кордон». Раскоп I площадью 60 кв. м был заложен в северной части мыса. На раскопанном участке выявлен культурный слой мощностью 0,4—0,6 м. Расчищена одна небольшая, почти наземная хозяйственная постройка, десять хозяйственных ям, собрана значительная коллекция славянской и салтовской керамики и вещей из глины, металла, камня, шлаки, В 1989 г. работы на городище продолжены. В этом году исследовались оборонительные сооружения. Раскопкам были подвергнуты обе линии укреплений.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону//МИА. 1948. № 8.

Винников А. З. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1986 году//Арх. ИА РАН. Р-1. № 10397.

I Белогорское городище (69). Расположено на так называемой «Белой горе» примерно в 8 км от г. Воронежа вверх по течению р. Воронеж на правом высоком берегу (Воронежское водохранилище). Оно занимает мыс высотой около 40—50 м, площадь около 4,2 га. С трех сторон укреплено крутыми склонами с искусственной подрезкой, а со стороны плато имеются три линии валов и рвов. Первая линия ограничивает площадку 110×250 м, общая высота укреплений 2,5—3,5 м. Вторая — отстоит от первой на 50—60 м. Так же, как и первая, состоит из вала и рва. Очертания вала неопределенные, его высота над уровнем площадки 0,4—0,6 м, глубина рва до 0,8 м. Третья линия укреплений отстоит от второй на расстоянии 55 м и состоит из одного рва шириной 5—8 м, глубиной 0,6—1,2 м. Первые незначительные раскопки на городище были проведены в конце XIX в. Л. Б. Вейнбергом и Е. Л. Марковым, но они не дали никаких практических результатов. Начиная с 1962 г., в течение ряда лет городище исследовалось археологической экспедицией Воронежского университета. Вскрыто более 600 кв. м. Подвергалась раскопкам внутренняя (первая) линия укреплений, в которой выявлена деревянная оборонительная стена. Во время раскопок исследованы остатки 10 жилых построек, 24 хозяйственные ямы и одна постройка производственного назначения — кузница. Значительна коллекция вещей из металла, кости, камня, глины: кузнечные клещи, пробойник, серп, ножи, долота, топор, рыболовные крючки, пешни, наконечники стрел, пряжки, костяные ручки для ножей, роговой псалий, бронзовые украшения, костяные и металлические амулеты. Интересна и керамическая серия.

Винников А. З. Славянское городище на Белой Горе под г. Воронежем//Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. Вып. 6.

II Белогорское городище (67). Расположено в 6 км вверх по течению р. Воронеж от г. Воронежа, на правом высоком берегу. Высота мыса 25 м, размеры площадки городища 80×150 м. С северной стороны прослеживается искусственная подрезка склона мыса, с южной имеется вал и ров. С западной стороны городище от плато отделяется глубокой седловиной, по краю которой со стороны городища сооружен вал и ров. Было открыто археологической экспедицией ВГУ в 1962 г. и в 1976 г. на нем был заложен раскоп площадью 100 кв. м. Культурный слой на поселении имеет мощность 0,4—0,7 м, в нем обнаружена славянская керамика конца I тысячелетия. В раскопе выявлена полуземляночная постройка прямоугольной формы с материковыми останцами — «лавками» вдоль стен, с печью в юго-восточном углу.

Цыбин М. В. Постройка на II Белогорском городище//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983.

I Белогорский могильник (68). Занимает высокое плато правого берега реки (водохранилища), примерно в 100 м на юго-запад от I Белогорского городища. Площадь могильника 135×270 м. Он насчитывает 48 насыпей. Все курганы поросли лесом. Высота их 0,65—1,5 м, диаметр 6—12 м. Кольцевидных ровиков вокруг курганов нет. Курганы имеют несколько уплощенную форму с довольно пологими склонами. В течение нескольких полевых сезонов (1967, 1972, 1974, 1976 гг.) сла-

вянским отрядом археологической экспедиции ВГУ раскопано 12 курганов.

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1981.

II Белогорский могильник (71). Расположен на высоком большом мысу правого берега р. Воронеж (Воронежское водохранилище) в 9–10 км вверх по течению реки от г. Воронежа, или в 1 км вверх по течению реки от I Белогорского городища. Могильник тянется от южной оконечности стрелки мыса в северо-северо-западном направлении, т. е. в сторону плато на расстоянии 520 м. Протяженность могильника по линии запад — восток около 300 м. Вдоль берега, т. е. в северо-восточном направлении, курганы тянутся узкой полосой вплоть до конца мыса. Курганы располагаются довольно близко друг к другу, особенно в северо-западной части. Сплошных ровиков вокруг курганов нет. В настоящее время могильник насчитывает около 600 насыпей. Высота курганов 0,6—2,5 м. Диаметр 6—15 м. В расположении курганов не прослеживается какой-нибудь системы. II Белогорский могильник был исследован археологической экспедицией ВГУ (1961, 1974, 1979 гг.), которой раскопано за эти годы 60 курганов.

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1981.

Животинное городище (73). Расположено на высоком мысу правого берега р. Воронеж, в 3,5 км от с. Староживотинное Рамонского района Воронежской области. Исследовалось славянским отрядом археологической экспедиции Воронежского университета в 1974, 1977, 1982—1986 гг. Общая площадь, раскопанная на городище, составляет около 2,5 тыс. кв. м. Кроме славянских материалов последних веков I — начала II тысячелетий, обнаружены материалы эпохи бронзы, раннего железного века, первых веков нашей эры и древнерусского периода — XII — начала XIII вв. Изучено 59 построек различного характера, среди них 47 жилищ полуземляночного типа, хозяйственные и производственные помещения славянского времени. К этой же эпохе относятся более 130 хозяйственных ям. На основной исследуемой площади поселения культурный слой составляет 0,4—0,6 м, к восточному склону мыса толщина его достигает 1,5 м. В коллекции славянской керамики имеется значительное количество раннегончарных сосудов. Интересна и многочисленна коллекция вещей: около 2 тысяч различных изделий из железа, цветных металлов, глины, кости, камня, стекла. Раскопки укреплений первой линии и на стрелке мыса выявили деревянные оборонительные конструкции.

Винников А. З. Славянское Животинное городище на р. Воронеже//Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.

Поселение Чижовское 5 (56). Расположено на южной окраине г. Воронежа, занимая мыс коренного правого берега р. Воронеж (водохранилища). Высота мыса от уровня воды около 20 м, размеры его 60×80 м. Мыс порос густым лесом, а площадь поселения изрезана траншеями и различными перекопами военного времени. На поселении раскопом площадью 100 кв. м выявлен культурный слой 0,3—0,8 м, содержащий материалы эпохи бронзы, раннего железного века и славянской керамики конца I тысячелетия, расчищен котлован полуземляночной постройки размером 3,6×4 м, глубиной в материке 0,22—0,36 м. Вдоль стен почти по всему периметру котлована прослежены остатки деревянной облицовки. У восточного угла постройки обнаружен развал печи-каменки с несколько углубленным подом.

Беседин В. И. Отчет кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ об исследовании поселения Чижовское 5 у г. Воронежа//Арх. ИА РАН. Р-1. № 8461.

Воргольское городище (38). Расположено на узком мысу левого берега р. Воргол (приток Быстрой Сосны) на территории с. Нижний Воргол Елецкого района Липецкой области. Высота мыса около 25 м. Его размеры 50×110 м (0,55 га). С напольной стороны городище укреплено валом и рвом. Городище обследовалось Верхнедонской экспедицией под руководством В. П. Левенка в 1960 г. и было заложено 17 шурфов. В 1961 г. археологической экспедицией ВГУ заложен в центральной части мыса небольшой раскоп площадью 36 кв. м, на котором выявлен культурный слой толщиной 0,3—0,45 м. Кроме лепной славянской керамики обнаружено несколько интересных находок: серебряная подвеска со звериным орнаментом, серьга салтовского типа и др. На территории раскопа расчищена полуземляночная постройка площадью около 7 кв. м со входом и ямками от столбовой конструкции. Работы на городище продолжены в 1964 г. Было заложено два раскопа общей площадью — 598 кв. м. Расчищена одна постройка полуземляночного типа, площадью около 9,5 кв. м (вероятно, погреб), и святилище. На глинобитной площадке, связываемой со святилищем, и в костровых ямах обнаружены наконечники стрел, костяные проколки, обломок бронзовой гривны, трапецевидная подвеска, серьга и другие находки. Кроме того, расчищено 22 хозяйственные ямы. В 1964 г. был заложен раскоп и на валу. Вал и ров были перерезаны 4-метровой траншеей длиной 30 м. Выявлены деревянные оборонительные сооружения. В насыпи вала также обнаружен ряд изделий из металла, глины, кости. В основании вала было совершено ритуальное захоронение головы лошади с большим количеством просверленных астрагалов и фрагментами славянской керамики. Исследование Воргольского городища было продолжено в 1980 г. Заложено два раскопа (3 и 4) общей площадью 348 кв. м. Вновь был перерезан вал. Расчищено 11 хозяйственных ям и ряд очагов. В валу вновь были выявлены деревянные конструкции. Кроме керамики в слое обнаружены пряслица, ножи, обломки серпов, долотце, пряжки, двусоставные удила. Шурф площадью 8 кв. м, заложенный за пределами укреплений, не дал материалов славянского времени. В 1981 г. раскопки Воргольского городища были продолжены. Площадь раскопа 294 кв. м. Кроме славянской лепной керамики в слое и в 15 хозяйственных ямах обнаружен ряд вещей: пряслица, грузила, льячки, тигельки, ножи, острога, каменные оселки, крупные точила, много ошлаковавшейся керамики. Таким образом, на Воргольском городище к настоящему времени исследовано 1404 кв. м площади, не считая 17 шурфов В. П. Левенка, 48 хозяйственных ям славянского времени, языческое святилище, ремесленная постройка полуземляночного типа, ряд наземных построек, значительное количество керамики и многочисленные изделия из глины, металла, стекла, камня, кости.

Пряхин А. Д. Археологические памятники боршевской культуры на р. Воргол//Вопр. истории славян. Воронеж, 1963. Вып. 1.

Москаленко А. Н. Святилище на р. Воргол//СА. 1966. № 2.

Москаленко А. Н. Славяне на Дону. Воронеж, 1981.

Пряхин А. Д. Отчет о полевых исследованиях кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского университета, проведенных в 1980 году//Арх. ИА РАН. Р-1. № 7720.

Беседин В. И. Отчет об исследованиях Воргольского и Семилукского городищ в 1981 году//Там же. № 8436.

Поселение «Дрониха» (79). Расположено у с. Старая Тишанка Таловского района Воронежской области. Оно было открыто и исследовано экспедицией ВГПИ (руководитель А. Т. Синюк). Поселение занимает южную часть надпойменной террасы левого берега р. Битюг. Поселок славянского времени вскрыт практически полностью. К концу I тысячелетия относятся три жилища полуземляночного типа с очень своеобразными печами-очагами, сложенными из глиняных вальков и несколько хозяйственных ям. Кроме славянской лепной керамики со славянским поселком связываются некоторые находки: железная мотыжка, глиняное биконическое пряслице.

Синюк А. Т. Отчет к открытому листу № 336 о работе 1-го отряда археологической экспедиции Воронежского государственного пединститута за 1975 год//Архив ИА РАН. Р-1. № 5816.

Синюк А. Т. Отчет к открытому листу № 584 о раскопках поселения «Дрониха» Таловского района Воронежской области в 1980 году//Архив ИА РАН. Р-1. № 8537.

Паженьское городище (41). Расположено к востоку от с. Пажень Елецкого района Липецкой области на мысу левого берега р. Пажень. Укреплено четырьмя линиями валов и рвов. Размеры укрепленной части мыса 130×230 м. Открыто в 1988 г., в 1989 г. обследовано А. Д. Пряхиным, а в 1991-м — экспедицией ВГУ под руководством А. Д. Пряхина раскапывалось. Площадь раскопа 264 кв. м. Мощность культурного слоя 0,2—0,4 м. Обнаружены материалы раннего железного века и конца I тысячелетия н. э.

Пряхин А. Д. Отчет об исследовании в лесостепном Подонье в 1989 году//Архив Археологического музея ВГУ.

Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д. Исследования Паженьского городища//Елец и его округа (Археологические исследования 1991 г.). Воронеж, 1991.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВУАК — Воронежская ученая архивная комиссия
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА I. Поселения донских славян 11
§ 1. Оборонительные сооружения 12
§ 2. Жилые постройки 18
§ 3. Хозяйственные постройки 32
ГЛАВА II. Хозяйство донских славян 39
§ 1. Земледелие 39
§ 2. Животноводство, охота, рыболовство 43
§ 3. Металлургия и металлообработка 57
§ 4. Торговля донских славян 68
§ 5. Керамическое производство донских славян . . . 72
ГЛАВА III. Погребальный обряд донских славян 86
ГЛАВА IV. Хронология и происхождение памятников донских славян 105
ГЛАВА V. Донские славяне и алано-болгарский мир 128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 151
ПРИЛОЖЕНИЕ 154
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 163

Научное издание

Винников Анатолий Захарович

СЛАВЯНЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(VIII — НАЧАЛО XI ВЕКА)

Редактор В. А. Муконина
Художественный редактор Л. А. Клочков
Технический редактор О. В. Нагаева
Корректор Г. И. Старухина

ИБ № 2305

ЛР № 040088 от 17.09.91. Сдано в набор 04.05.09. Подп. в печ. 30.06.95. Форм. бум. 60×84/16. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 11,6. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 1000 экз. Заказ 5201.

Издательство Воронежского университета
394000 Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж»
394000 Воронеж, пр. Революции, 39.

LEGIA
8 — PVG.